ОГОНЁК

№ 48 НОЯБРЬ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕРВАЯ ПЕРЧАТКА ТОКИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ВАЛЕРИЙ ПОПЕНЧЕНКО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 48 (1953)

22 НОЯБРЯ 1964

Байкал студеный.

Фото Б. Кузьмина.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

16 ноября 1964 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум ЦК КПСС заслушал и обсудил доклад тов. Подгорного Н. В. «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов».

По докладу тов. Подгорного Н. В. выступили в прениях тт. Шелест П. Е., Гришин В. В., Заробян Я. Н., Мазуров К. Т., Рашидов Ш. Р., Ахундов В. Ю.

Пленум принял соответствующее постановление, которое публикуется ниже.

Пленум ЦК КПСС избрал членами Президиума ЦК КПСС тт. Шелеста П. Е. и Шелепина А. Н. и кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС тов. Демичева П. Н.

В связи с тяжелой болезнью, требующей длительного лечения, Пленум ЦК КПСС освободил тов. Козлова Ф. Р. от обязанностей секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС с предоставлением тов. Козлову отпуска для излечения.

Пленум ЦК КПСС освободил тов. Полякова В. И. от обязанностей секретаря ЦК КПСС.

Пленум ЦК КПСС принял постановление вывести из состава членов ЦК КПСС тов. Аджубея А. И. за допущенные ошибки в работе.

Пленум ЦК КПСС принял решение перевести из кандидатов в члены ЦК КПСС в члены ЦК КПСС тт. Епишева А. А., Жигалина В. Ф., Конотопа В. И., Лутака И. К., Машерова П. М., Попова Г. И., Семичастного В. Е., Сизова Г. Ф.

П. Е. ШЕЛЕСТ.
Член Президиума ЦК КПСС.

А. Н. ШЕЛЕПИН.
Член Президиума ЦК КПСС.

Постановление Пленума ЦК КПСС

Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций

1. В целях усиления руководящей роли партии и ее местных органов в коммунистическом строительстве, более успешного решения задач хозяйственного и культурного развития каждой области, края и республики считать необходимым вернуться к принципу построения партийных организаций и их руководящих органов по территориально-производственному признаку, который вошел важнейшей составной частью в Устав КПСС, принятый XXII съездом партии.

2. Восстановить в областях и краях, где партийные организации были разделены на промышленные и сельские, единые областные, краевые партийные организации, объединяющие всех коммунистов области, края, работающих как в промышленности, так и в сельскохозяйственном производстве.

В краевой, областной партийной организации иметь единый краевой, областной комитет партии.

3. Признать необходимым реорганизовать партийные комитеты производственных колхозно-совхозных управлений в районные комитеты партии, сосредоточив в них руководство всеми партийными организациями, в том числе промышленных предприятий и строек, находящимися на территории данного района.

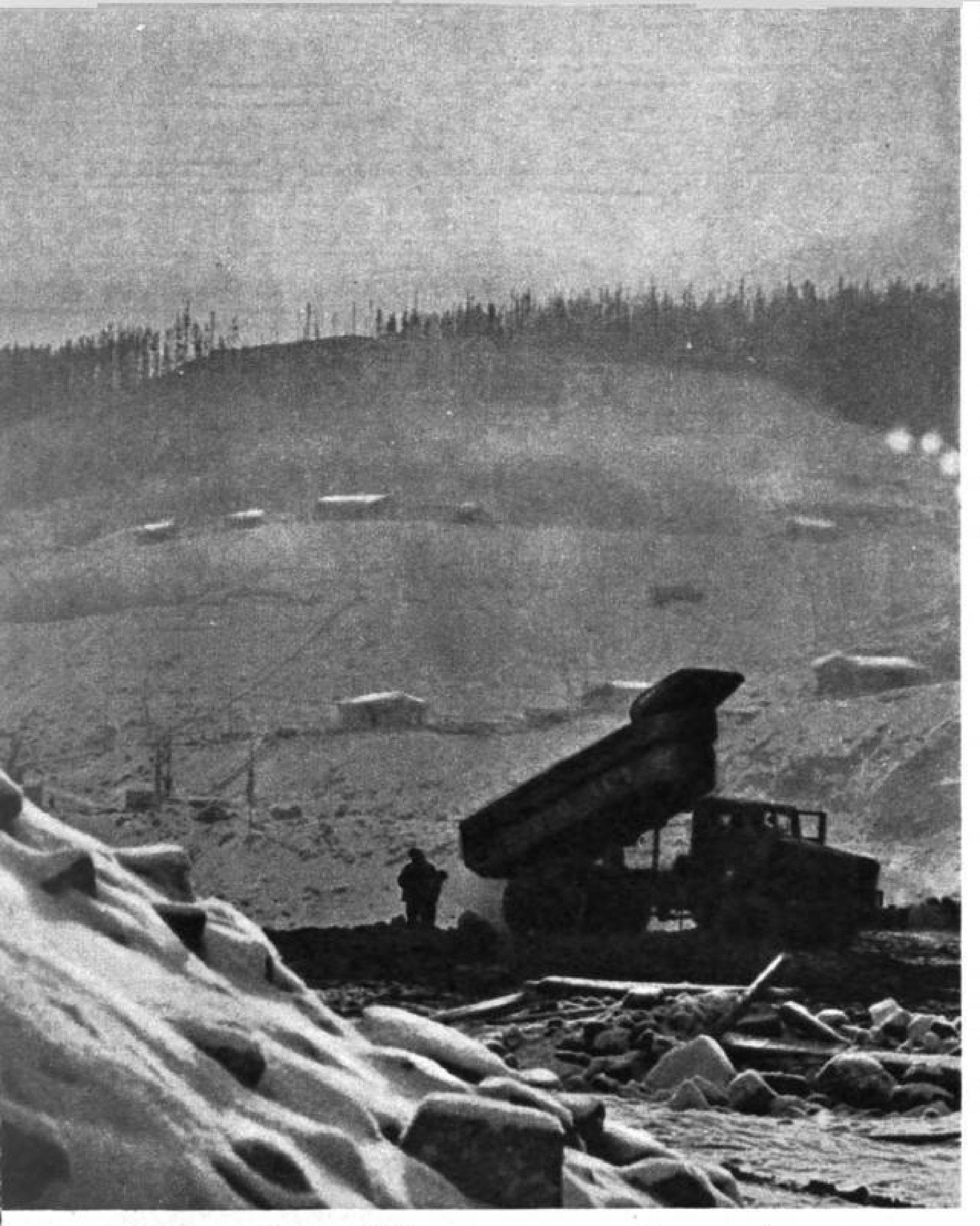
Упразднить промышленно-производственные (зональные) партийные комитеты, ранее созданные на территории сельских районов и в областных, республиканских центрах.

4. Провести в декабре 1964 года во всех краях и областях, где восстанавливаются единые крайкомы и обкомы партии, партийные конференции по избранию соответствующих партийных органов.

5. Одобрить разработанные Президиумом ЦК КПСС предложения о порядке объединения краевых, областных промышленных и сельских партийных организаций. Поручить Президиуму ЦК рассмотреть и решить все организационные вопросы, связанные с созданием в краях и областях единых партийных организаций и их руководящих органов, а также с восстановлением единых советских органов.

П. Н. ДЕМИЧЕВ.
Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.

Мощные МАЗы начали насыпку 65-метровой плотины.
Фото А. Гостева

Вилюй покорен!

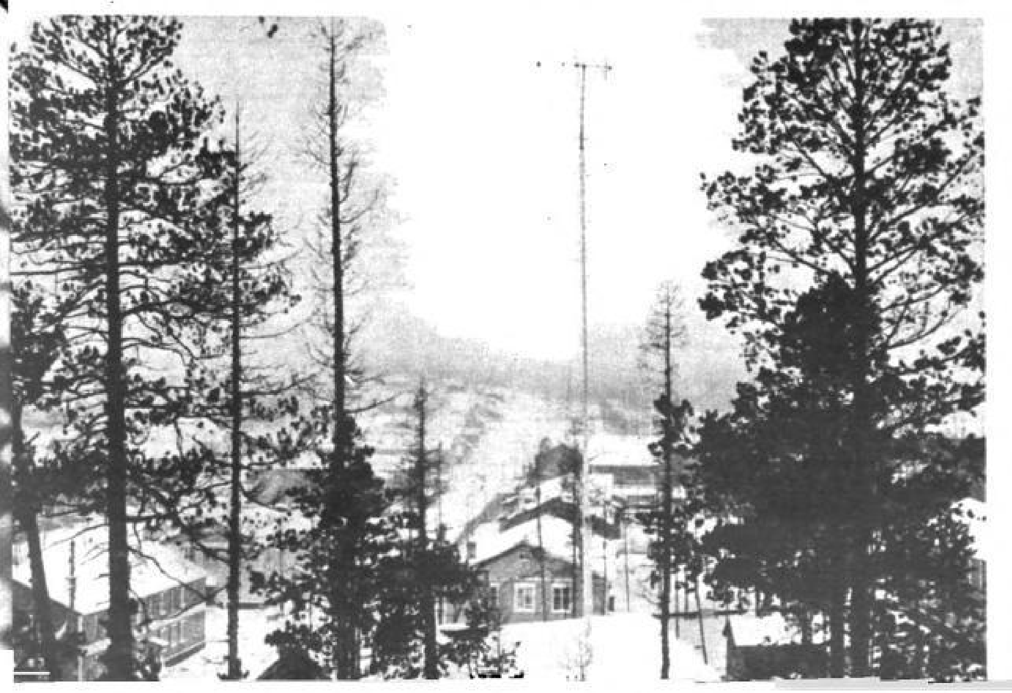
...Эрбэйэнский створ якутской реки Вилюй. На скалистых заснеженных берегах от лютого мороза потрескивают вековые сосны. Вокруг сотни километров тайги, безлюдье. Суровый край вечной мерзлоты.

Сюда в марте 1959 года прилетел самолет АН-2. Он доставил бригаду плотников. Они построили 14 домов — первые дома таежного поселка Чернышевский. Так началась подготовка к покорению Вилюя, строительству мощной Якутской ГЭС, с плотиной более шестидесяти пяти метров в высоту.

Теперь в поселке Чернышевский более 7 тысяч жителей. На левом берегу пробит обводной канал. А на правом сделана огромная выемка для будущего 600-метрового водосбросного и подводящего канала.

К апрелю, когда Вилюй разольется и будет в семь раз полноводнее Невы, плотина поднимется на 30 метров. А через два года Вилюйская ГЭС даст ток. Его получат Мирный, Айхал, речной порт Ленск, сельскохозяйственные районы Нюрба и Сунтар.

Среди дремучей тайги раскинулся уютный поселок Чернышевский.

СХВАТКА НА

В нашей печати сообщалось о мужестве пилотов Анатолия Шевелева и Владимира Байдецкого. Мы публикуем подробности их героического подвига.

В Чадыр-Лунге, небольшом городке на юге Молдавии, готовился к взлету биплан. Командир самолета Анатолий Шевелев прошел в кабину, второй пилот Владимир Байдецкий принимал пассажиров.

— Пожалуйста, побыстрее, товарищ,— поторапливал он грузного мужчину, замешкавшегося в проходе.— Время для нас дорого.

— Время, оно и для меня деньги,— отпарировал неуклюжий детина.— Только лайба ваша тесновата. Не сразу в ней развернешься...

Наконец всё. Запущен двигатель, самолет, вздрогнув, вырулил на старт, поднялся...

— Видишь вон тот ориентир? — Шевелев указал Байдецкому на живописную рощицу.— Дойдем до нее — поведешь машину.

— Ясно.

— Высоту контролируй поточнее.

Седьмой год Анатолий Шевелев летает по трассам Молдавии. А Владимир Байдецкий лишь недавно окончил училище. Несколько дней, как они вместе. Оба мало знают друг друга и пока еще приглядываются...

Шевелев передал управление Байдецкому и внимательно следил за тем, как он ведет самолет. А в это время за их спиной назревали драматические события.

Двое пассажиров — те самые, что сели в Чадыр-Лунге,— о чем-то шептались. Потом тот, огромный, выхватил из-под одежды пистолет и нож.

— Тихо, мальчики! — скомандовал он двум другим пассажирам: больше никого в кабине не было. С профессиональной ловкостью подручный верзилы обыскал их карманы.— А теперь чубы вниз, на колени... Посторожи! — бросил он напарнику.— Я с летчиками объяснюсь...

Широкая полоса тени легла на приборную доску. Шевелев инстинктивно обернулся. В дверном проеме как бы застыл человек с испитым лицом и тяжелым, злобным взглядом. В руке у него был парабеллум.

— Не пытайтесь сопротивляться! — хрипло выдавил он.— Радио не включать. Будете финтить — стреляю без предупреждения. Летим к морю.

Летчики переглянулись. Они успели заметить, что в пассажирской кабине двое других стояли на коленях, голова к голове. А рядом с ними был третий, с ножом. Да, дело оборачивалось круто.

— Тини один,— обратился по-молдавски бандит к Байдецкому.— Его спишем.

Байдецкий ответил по-русски, так, чтобы было понятно Шевелеву:

— Нет, ты его не трогай. А то пропадем. Один я не умею.

— И что ты на нас взъелся? — подыгрывая, спросил Шевелев.— Черт с тобой, к морю так к морю. Какой курс?

— Сто пятьдесят...

— Хотя бы закурить дал,— усмехнулся Шевелев, принимая у Байдецкого штурвал.

— Джо, неси закурить,— крикнул «шеф», полуобернувшись в пассажирскую кабину.

Шевелев молниеносно выключил дистанционный компас.

— Сколько, говоришь, градусов тебе надо?

— Сто пятьдесят.

— Можно.— Анатолий перевел стрелку дистанционного компаса на соответствующее деление.— Устраивает?

— Похоже, что в норме.

— А ты шумел. У нас, как в аптеке.

Явился Джо.

— Кому тут закурить, шеф?

— Нам,— ответил Байдецкий.— Мне и командиру.

Делать жизнь с кого...

ВСЕБЕЛОРУССКИЙ СТАРОСТА

...Август 1921 года. В лесах Белоруссии еще бродят бандитские шайки. А в Дукорскую волость Игуменского уезда приехал председатель ЦИК БССР А. Г. Червяков. На митинге он рассказал крестьянам о Советской власти, о земельной и экономической политике, об организации помощи голодающим Поволжья. В волисполкоме разобрал заявления, просьбы и жалобы крестьян, некоторые разобрал здесь же, на месте, и решил, проверил продовольственное положение волости...

...Январские дни 1926 года. Со всех концов Белоруссии съехались в Минск делегаты на IV Всебелорусский съезд крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. В президиум непрерывно поступают записки: «Будет ли на съезде Червяков?», «Почему нет Червякова? Не заболел ли он?». Крестьяне хотели послушать своего, как они его называли, всебелорусского старосту. Но он был занят, пришел только на последнее заседание и выступил с речью о задачах крестьянских комитетов. Делегаты под бурные апло-

дисменты избрали его почетным председателем ЦК кресткомов Белоруссии.

...1927 год. Канун 10-летия Октября. Червяков приглашен на открытие вновь построенного клуба имени Червякова на витебской фабрике «Двина» (клуб еще не открыли, а уже наименовали). Через три дня фабком получил телеграмму: «Поздравляю с 10-й годовщиной Октября, а также с открытием Вашего клуба. От имени Октябрьской комиссии[1] предла-

[1] Комиссия по проведению празднования 10-й годовщины Октябрьской революции.

БОРТУ САМОЛЕТА

— Поладим?

— А зачем ссориться? Нам тоже жить хочется...

Летчики закурили. Со стороны могло показаться, что наступило перемирие. Нападавшие считали, очевидно, что борьба закончена. Между тем борьба только начиналась. Избегая крена, Шевелев поворачивал самолет курсом на Кишинев.

Байдецкий меж тем прощупывал намерения бандитов.

— Как тебя величают? Шеф, что ли?

— Положим, так.

— Куда летим, выкладывай до конца.

— Уже говорил. К морю.

— А поточнее? Договариваться надо ж не на берегу.

— К туркам. Нравится? Жить там будем.

Осторожно нажимая на педаль, Шевелев повернул самолет влево.

— А здесь что, плохо живется?

— Чего ж хорошего! Один срок отбыли, другой вешают...

— Не сбили бы на границе.

— Повезет, проскочим. А грохнут, так вместе. Нам терять нечего...

Шевелев посмотрел на часы. Прошел уже час. Скоро должен быть Кишиневский аэропорт. Слегка отжимая штурвал, он посмотрел на Байдецкого. Тот понял, что самолет идет на снижение. Приближался решительный момент. Впереди показалась окраина города.

— Шеф! Куда они нас привезли?! Это ж Кишинев! — истерично завопил Джо.

— Г-га-ды...

В кабине грохнул выстрел. Правая рука Шевелева повисла, как плеть. Самолет резко качнуло. Байдецкий взял управление на себя.

— Поворачивай...

— А я что делаю? — Второй пилот кинул машину вниз.

Бандитов подбросило.

— Вот вы какие... Джо, режь их!

Пересиливая боль, Анатолий потянул штурвал на себя. И самолет взмыл.

— Нет, я тебя прикончу.— «Шеф» поднял парабеллум...

Байдецкий потянулся к бандиту и ухватился за ствол пистолета.

Раздался выстрел, и левая рука Владимира обагрилась кровью.

Две руки на двоих остались у пилотов. Но эти руки действовали, как руки одного человека. Самолет падал на крыло, делал горки, пикировал. Бандиты валились то к одному, то к другому борту. Гремели выстрелы.

— Добей же их, Джо,— надсадно орал «шеф».— У меня заело...

Извиваясь, подручный подполз к Шевелеву и ножом нанес ему сильный удар в грудь.

Между тем самолет нырнул к земле. Врезался в виноградники. Перевернулся. Шевелев открыл фонарь и нашел в себе силы выбраться из кабины. Вслед за ним вылез Байдецкий. А навстречу уже бежали сборщики винограда.

Бандиты-рецидивисты пытались скрыться. Но их настигли.

Оперируя Шевелева, хирург Кишиневской больницы скорой и неотложной помощи Е. И. Ройтбурт диктовал ассистенту Васильевой:

— Три огнестрельных ранения... В оба бедра и правую руку... Раздроблена плечевая кость... Две пули — навылет... Третья застряла в левой голени... Четыре ножевых ранения... Повреждена плевра... Глубокая рана... в трех миллиметрах от сердца...

Несколько дней длилась борьба за жизнь летчиков. Круглые сутки дежурили у постелей врачи, медицинские сестры, санитарки. Пилотов навещали многочисленные друзья. Со всех концов страны приходили теплые телеграммы и письма.

Авторам этих строк довелось встретиться с покорителями космоса Владимиром Михайловичем Комаровым, Константином Петровичем Феоктистовым и Борисом Борисовичем Егоровым. Узнав, что мы собираемся в Кишинев к Анатолию Шевелеву и Владимиру Байдецкому, они передали нам следующее письмо:

«Кишинев. Летчикам комсомольцам Анатолию Шевелеву и Владимиру Байдецкому.

Дорогие товарищи, поздравляем с подвигом, который вы совершили, отразив бандитское нападение в воздухе. Гордимся вашим мужеством и стойкостью. Вы поступили как истинные советские патриоты.

Вот что осталось от самолета...

Анатолий Шевелев.

Владимир Байдецкий

Желаем скорейшего выздоровления и новых полетов.

Летчики-космонавты СССР, Герои Советского Союза
В. Комаров, К. Феоктистов,
Б. Егоров».

В кишиневской больнице мы увиделись с Анатолием Шевелевым и Владимиром Байдецким. Они чувствовали себя хорошо.

И. ВОЛОКИТИН,
В. ГОЛЬЦОВ,
специальные корреспонденты журнала «Гражданская авиация»

Москва — Кишинев — Москва.

гаю дать клубу имя 10-й годовщины Октября. Червяков».

Таковы несколько штрихов из жизни этого видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

Александр Григорьевич Червяков родился в 1892 году в Игуменском уезде, Минской губернии, в семье мелкого служащего. Окончив церковноприходскую школу и городское училище, он сдал экзамен на звание народного учителя и с семнадцати лет учительствовал в Трокском уезде, Виленской губернии. Позднее — Виленский учительский институт, а потом — мобилизация в армию. Еще в пору работы в сельских школах, а затем занятий в институте он познакомился с работами Маркса, Ленина. В армии Червяков активно действует в революционных кружках. А в 1917 году, очутившись в Петрограде, Александр Червяков вступает в большевистскую партию.

Комиссар по белорусским делам при Совнаркоме РСФСР, комиссар дивизии, начальник культурно-просветительного отдела Всероссийского бюро военных комиссаров, работа в Белорусском бюро ЦК РКП(б) — таков путь Червякова в боевом 1918 году.

Александр Григорьевич принимает активное участие в создании и провозглашении Белорусской ССР.

На II съезде Советов БССР, в декабре 1920 года, Червяков избирается председателем Центрального Исполнительного Комитета БССР. «Трудящиеся Белоруссии будут гордиться,— говорил Червяков, обращаясь к делегатам X съезда Советов РСФСР,— если Вы примете наше предложение, благодаря чему рабочие и крестьяне Белоруссии станут одним из первых отрядов трудящихся, которые вступают во вновь создаваемый Союз Социалистических Советских Республик».

А. Г. Червяков — участник республиканских и всесоюзных партийных съездов и все время, начиная с 1920 года, был членом ЦБ, а с 1924 года — бюро ЦК КП(б)Б.

Не было в Белоруссии такого уголка, где бы не знали А. Г. Червякова. Он часто бывал на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах. Его, всебелорусского старосту, знали и дети и взрослые.

16 июня 1937 года жизнь Александра Григорьевича трагически оборвалась. Необоснованно оклеветанный в антипартийной и антисоветской деятельности, он погиб.

Н. КАМИНСКИЙ,
заместитель начальника Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства БССР

СЧАСТЛИВЫХ ОРБИТ ВАМ, ДРУЗЬЯ КОМПОЗИТОРЫ!

В прошлом году в июне, когда Вселенную штурмовали на кораблях «Восток» Валерий Быковский и Валентина Терешкова, мы сидели с Титовым в саду космодрома и беседовали. Я спросил Германа Степановича, что он считает в этих краях самым дорогим для себя.

— Знаете что? — ответил он.— Домик космонавтов. В нем уютно, просто, как дома. И сутки, проведенные в нем перед стартом, пожалуй, самые памятные. Сколько мыслей пронеслось в голове. Помнится, в первый же приезд на космодром я зашел в него, посидел...

Сказанное Германом Титовым крепко засело в голову. Я тоже несколько раз был в этом домике, встречался здесь с Германом Титовым, с Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем, с Валерием Быковским и Валентиной Терешковой и, наконец, в этом году с экипажем «Восхода» — Владимиром Комаровым, Константином Феоктистовым, Борисом Егоровым.

...Домик космонавтов. Четыре окошка, тополя, фонарик над крышей. Бетонная дорожка, что ведет к ракете. Так и родились первые строфы:

Бревенчатый дом на четыре окошка,
Такой пятистенком зовут на Руси.

Это было на космодроме в октябре, когда в околоземном пространстве летал «Восход». Первую мелодию к ним напел специальный корреспондент «Комсомольской правды» Василий Песков. А еще через несколько дней ее уже исполнял целый вокальный секстет журналистов, правда, робко, застенчиво, для себя. В день отлета экипажа «Восхода» в Москву на космодром пришел журнал «Огонек» с моей заметкой «Песня о домике космонавтов». И вот на высоте в девять тысяч метров, в самолете, в котором экипаж «Восхода» летел в Москву, кажется, единственный в своем роде секстет громко пел им:

...Чудесен наш край, что зовут космодромом,
Отсюда дороги к планетам легли.

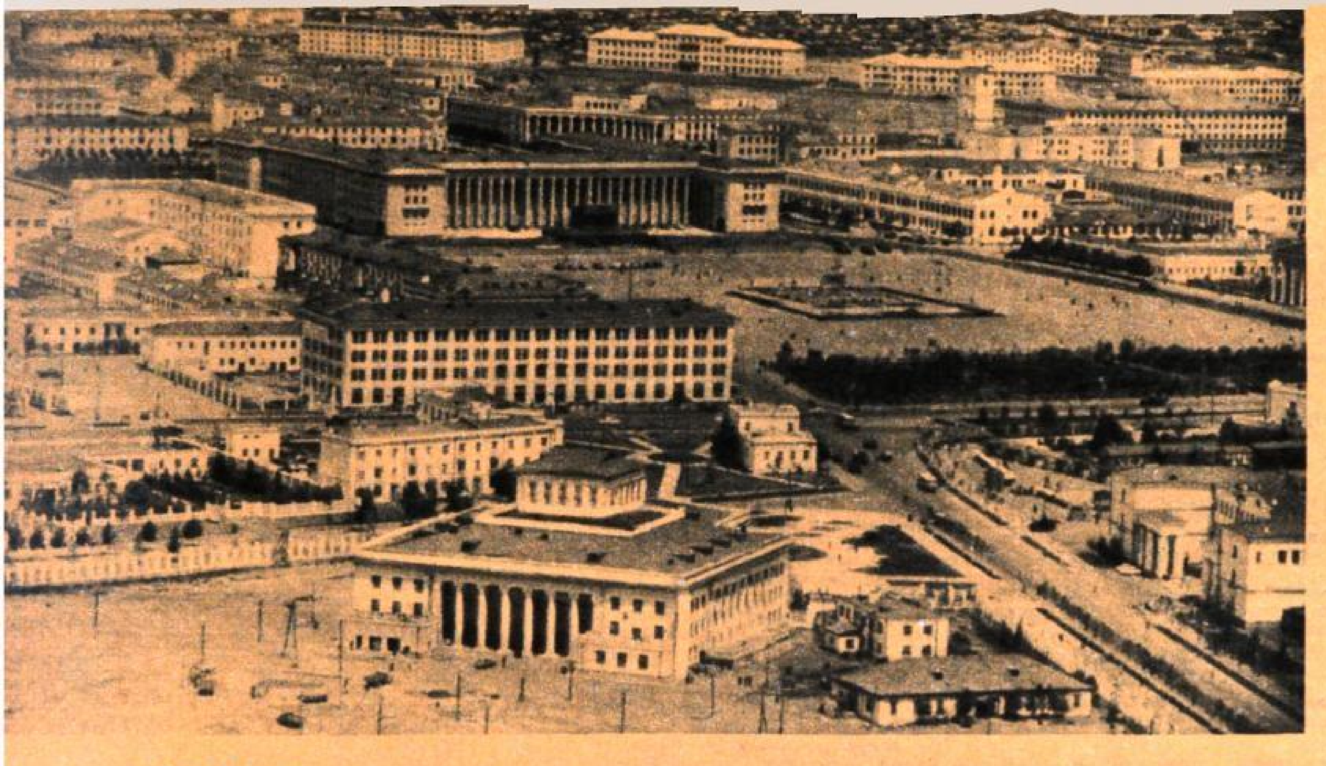
В Москве стало известно, что к «Песне о домике космонавтов» написали за это время музыку многие композиторы. Среди них москвичи Б. Мокроусов, И. Мельник, Н. Нолинский, кишиневец Д. Гершфельд и другие. Журналу «Огонек» пришлось провести небольшой конкурс. Победителем его стал, как известно, Борис Мокроусов. Мне же очень нравится и мелодия, написанная И. Мельником. О новой космической песне узнали космонавты. На одной из предпраздничных встреч я передал Герману Титову и Валентине Николаевой-Терешковой ноты к «Песне космонавтов». Валя поблагодарила.

— Песня — хороший подарок к празднику Октября,— сказала она.

— Космических песен не так много,— заметил Герман Титов,— и мы их с удовольствием поем.

Космонавты просили через журнал «Огонек» пожелать композиторам счастливых орбит в музыкальном творчестве.

А. РОМАНОВ

Улан-Батор.

РЫВОК

через столетия

Павел КРАВЧЕНКО

Монголия, Монголия... Сорок лет назад, как и сегодня, твоя столица лежала на одной широте с Веной, Мюнхеном и Запорожьем, но как же далека ты была тогда от нынешнего времени! Будто и не сорок лет, а тысячелетия отделяют тебя от той осени 1924 года, когда родилась республика.

Так было.

Монастыри за монастырями и снова монастыри — сотни их по всей стране. Унылое пение в монастырях... Власть заносчивых и жестоких князей и лам, неторопливая возня ростовщиков, опутавших твой народ многолетней и ужасной кабалой. Средневековье... Время будто бы остановилось тогда в Монголии. Время и не знало тогда, какие сорок лет выпадут ему на долю впереди.

Вот как протекало детство одного из моих монгольских друзей — Лодойдамбы. Мне кажется, этот пример лучше и, во всяком случае, предметнее многих сопоставлений и анализов.

Около сорока процентов мужского населения Монголии сорок лет назад были ламами — монахами. Если в юрте было два или три сына, то, как правило, один из них отдавался в ламы.

В семье родителей Лодойдамбы было два сына. Доля старшего — стать со временем хранителем семейного очага. Лодойдамба был младшим.

Его отвезли в монастырь Гандан. Он должен был стать ламой, чтобы, когда родители будут отходить в иной мир, у их изголовья читать длинные буддийские молитвы.

Ехал он на верблюдах с отцом в монастырь месяц с лишним. Это было сорок лет назад. Поездов не было.

У монастыря через свалку мусора, где валялись битые черепки, отбросы и трупы нищих, где бродили красноглазые лохматые собаки — пожиратели трупов,— подъехали к воротам. Гандан был самым крупным монастырем в стране. У отца забрали сына и не дали поцеловать на прощание: «Он уже не твой сын, он сын бурхана. Бога».

Лодойдамба три года не имел права увидеть отца и мать. В первый день монастырской жизни его накормили хорошо, а потом стали кормить хуже, учили тибетской грамоте, заставляли нести непосильную работу и очень много били. Если вызубривал молитвы плохо, давали десять бамбуковых палок, если хорошо,— двадцать, потому что когда слишком много ума, то надо палками задержать его, не дать вылететь наружу. Кроме того, палки выколачивали грех, который мог зародиться в мозгу у мальчика. Поэтому чаще всего били по темени. Десять и двадцать палок — это было вроде завтрака, обеда и ужина. За проступок же кара полагалась серьезнее — избивали до потери сознания.

Самое страшное было для талантливого мальчишки, что он не видел смысла в учении. Может ли быть что-нибудь тоскливее и безумнее этого? В степи у него каждый день были открытия: учила мать-природа. А здесь? «Не великий грех не пойти в монастырь, но величайший — уйти из него». Лодойдамба шел на величайший грех. Он удирал много раз, его ловили и избивали опять и опять до потери сознания. В очередной раз сманил с собой еще двух ребятишек, ламских учеников. Бежали ночью. И было у них на троих несколько свечей, несколько лепешек, пятнадцать тугриков и ржавая сабля, купленная у китайца на свалке железа. Целую ночь в яме точили саблю, пока она не заблестела,— это была уже вторая ночь, когда ушли далеко от монастыря.

Потом, когда позади было полторы сотни километров, начально стали идти днем, а не ночью. Тут-то их и схватили. Бечевкой из конского волоса связали руки за спиной. Арканами из конского волоса захлестнули шеи и заставили в этих арканах бежать за телегами. Обратно. В монастырь. А когда ночевали на дороге, то голову зачинщика Лодойдамбы зажимали в колесо, обвязывали конским волосом. Так и спал шесть ночей, так бежал шесть дней, пока к монастырю не доехали. Там еще по улицам города провели на арканах, а встречные ламы били по щекам ладонью и тыльной стороной кисти — по очереди, многажды.

Так, может быть, и забили и оглупили бы мальчишку, но вся беда для лам была в том, что это было начало того сорокалетия, которое мы празднуем сегодня вместе с дружественной нам страной — Монголией.

Ушел все-таки из монастыря Лодойдамба. И недалеко, в том же Улан-Баторе, сначала учился в светской школе, потом вступил в ревсомол и стал сам учителем, потом учился в Советском Союзе, потом написал несколько умных и очень разных книг, каждая из которых и сейчас поражает своеобразием отнюдь вовсе не только экзотическим, а литературным. И в прошлом году в Моши, на Конференции солидарности стран Азии и Африки, он был руководителем монгольской делегации и разговаривал со многими представителями азиатских и африканских стран. Ему было о чем поговорить с ними.

В самом деле. Как часто приходится видеть чуть прикрытые дипломатическим этикетом ухмылки западных чиновников: «Африканцы и азиаты — на одну доску с нами? Слишком много столетий надо им преодолеть, чтобы добиться этого. Слишком на много столетий они отстали».

Да. Отстали. Не без вашей помощи, господа. Но вы плохо учитываете и рассчитываете, что значат силы освободившегося народа.

Ведь некоторым тоже в свое время казалось: ну какие же могут быть социалистические преобразования в Монголии? Законы истории суровы и непреклонны, говорили они, на смену рабовладельческой формации приходит феодализм, потом не может не прийти капитализм, и только в

условиях капиталистического строя зародится рабочий класс, могильщик капитализма, который приведет народ к победоносной социалистической революции.

А в Монголии — какой же был капитализм в Монголии в начале двадцатых годов? Почти классическое феодальное общество на самой ранней средневековой стадии, с религиозным изуверством, с отрубанием голов по старинному обычаю и с прочими аксессуарами. Половина населения — беднейшие араты — владела всего двенадцатью процентами поголовья скота. Остальной скот был в основном в княжеских и монастырских владениях. Да что капитализм! Даже и о земледелии страна почти не имела понятия. Кочевали люди за стадами — вот и все хозяйство. А вы захотели, чтобы они социализм построили! Возможно ли это?

— Да,— ответил Ленин.— Да, возможно.

На Втором конгрессе Коминтерна, в 1920 году, говоря об отсталых народах, которые теперь освобождаются, он сказал: «Если революционный и победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей... с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

— Отличный, хороший у вас перед глазами пример,— говорил Лодойдамба новым своим друзьям в Африке.— Пример Монголии. Ведь мы близки к полному построению социализма. Конечно, наш строй далеко ушел вперед от политического строя таких стран, как Англия, Франция или США...

Кто же вам мешает поступить так же?.. Ах, все-таки мешают? Ну, тогда боритесь, без борьбы ничего не дается.

Вам толкуют: «Отсталые вы, отсталые». Да мы, может, больше вас отсталые были. Посмотрите сейчас на нашу страну — от горного Алтая до восточных степей. Посмотрите с самолета, с любого самолета, на котором, кстати, монгольские, а не иностранные летчики. Вы увидите огромную страну, увидите холмы, степи и горы, увидите, как утром тает зеленоватый сумрак под будоражащими ударами яростно рыжих полос рассвета, взорвавшихся над востоком.

И вниз заодно посмотрите, на эту любимую мою землю с реками и синими озерами в лиловой дымке у берегов. Сорок лет назад у нас не было земледелия, а сейчас посмотрите, как распахана Монголия — полмиллиона гектаров! И уже теперь мы вывозим зерно на экспорт, а не ввозим к себе. Посмотрите, какие огромные новостройки, рудники и заводы встают везде: в степях и под скалами... Три-четыре десятка лет тому назад кто из нас знал, что такое клещи слесаря? А сейчас промышленность дает больше сорока процентов всей продукции страны.... Думаете, мы про скотоводство забыли? А в какой еще стране вы увидите, чтобы на каждую сельскую семью приходилось по 130 голов скота? До революции было по шестьдесят. В среднем. Но мы знаем, что такое среднее при князьях и монастырях.

А потом походите пешком по нашей земле. Поездите на машинах, в поездах. Не нравится ехать на поезде, можем верблюда дать. Есть и такой у нас транспорт. Поищите в этих поездках бедняка, изгоя, неудачника. Долго ищите, не бойтесь!

Не найдете такого. У каждого руки есть, и головы светлые у народа. И смелости не занимать: не скоро вы в своих поисках найдете такого монгола, чтобы он необъезженного скакуна не объездил.

И еще знаете, какая гордость есть у нас, у монголов? Она связана с именем Сухэ-Батора. В двадцать первом году Сухэ-Батор, наш народный вождь, ездил к Ленину. И оттуда, из Кремля, он четко увидел будущее нашей страны. Гордость наша в том, что на социалистический путь после Советской страны наша страна вступила первой.

Это было вовсе не так уж давно, потому что сорок лет для истории — срок в общем небольшой.

Я—КАПЛЯ БАЛТИКИ ВОЛЬНОЙ...

Прогрессивный литовский журнал «Третий фронт» в пятом номере за 1931 год опубликовал декларацию молодой, но уже известной, талантливой поэтессы Саломеи Нерис. «Отныне я сознательно выступаю против эксплуататоров рабочего класса и постараюсь свой труд сочетать с действиями угнетаемых масс, чтобы моя поэзия в будущем стала оружием их борьбы и выражала их чаяния и цели этой борьбы»,— писала она. Всего четыре года отделяли эту декларацию от первого сборника стихов Нерис «Ранним утром».

Народная поэтесса Литвы, лауреат Государственной премии, Саломея Нерис отдала свое горячее сердце родной Литве, ее трудовому народу. Страстный призыв к свободе, непоколебимая уверенность в победе революционных сил звучат в ее стихах, написанных в страшные годы фашистского режима. Многие произведения С. Нерис посвящены героической борьбе Советской Армии и партизан. Одно из них — замечательная поэма «Мария Мельникайте».

Поэтессе не пришлось воспеть в своих стихах счастливую послевоенную жизнь страны: 7 июля 1945 года она умерла. На днях мы отметили шестидесятилетие со дня рождения Саломеи Нерис, которую народ называет «литовским соловьем». Поэзия ее жива, она прочно утвердилась в сердцах людей, воспламеняя в них любовь к родной земле, чистые и светлые чувства.

ЭПТОН СИНКЛЕР О КНИГЕ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

Не часто приходят на стол писателя книги, которые он мог бы безоговорочно хвалить. Такая книга теперь передо мной. Я был отчасти свидетелем изображаемых в ней событий и могу заверить, что все написанное в ней — правда. Я знаю лично многих из названных в книге лиц, знаю и обстановку, в которой они действовали, будь то съемочные площадки или гостиные.

Автор книги удостоил меня чести на своих страницах, назвав меня своим «наставником»,— об этом звании я не посмел бы и мечтать. Я принимаю это как позволение составить свое суждение о его книге, и я рад, что мой приговор оказывается благоприятным.

Ровно сорок лет прошло с тех пор, как я прибыл в Южную Калифорнию, чтобы обосноваться здесь. От моего дома было всего полчаса езды на машине до Голливуда. Одним из первых, с кем я познакомился тогда, был Роб Вагнер, редактор еженедельника «Скрипт», освещавшего различные вопросы культуры. В книге Чаплина вы найдете фотографию Роба, снятого вместе со мной, и оба мы названы там его «наставниками». Это Роб привел меня в студию Чарли, а тот пригласил заглядывать туда в любое время: мои визиты не мешали ему показывать свои новые замыслы товарищам по работе. В этом отношении актеры — народ особенный, но тем легче было Чарли заметить на моем лице искреннее восхищение.

Как-то само собой произошло, что его ведущая актриса Полетт Годдар стала близкой подругой моей жены, ныне умершей; мы ходили друг к другу в гости. Чарли рассказывает в своей книге о моем влиянии на его умственный рост. Излагая свою беседу с Гербертом Уэллсом, он пишет: «Уэллс захотел узнать, как я начал интересоваться социализмом. Я сказал ему, что это произошло тогда, когда я приехал в США и познакомился с Эптоном Синклером. Однажды, когда мы завтракали в его доме в Пасадена, я услышал от Синклера вопрос, заданный в его обычном мягком тоне, верю ли я в капиталистическую систему наживы. Я заявил в шутку, что для ответа мне понадобится бухгалтер. Однако этот вопрос застал меня врасплох, и я инстинктивно почувствовал, что он касается глубочайшей сути вещей. С этого момента я стал интересоваться политикой не только с исторической точки зрения, но и как экономической проблемой».

Чарли — выходец из лондонских трущоб, и он начинает историю своей жизни с описания ужасающих условий, в которых он провел детство. В этом большое достоинство его поистине чудесной книги; в ней он ничего не утаивает, и читатель ни на минуту не сомневается в том, что он говорит правду обо всем и обо всех, в том числе и о Чарли Чаплине. Он был моим другом, я всегда присматривался к нему, и он оправдал мои ожидания. Об одном случае он не рассказал в своей книге, может быть, забыл; я напомню об этом здесь.

В 1934 году в США наступил сильный экономический спад. В штате, где я жил, безработица охватила сто тысяч человек, их семьи голодали. Я решил выдвинуть программу помощи под лозунгом «Покончить с бедностью в Калифорнии!». Борьба была ожесточенная, и о ней не расскажешь в нескольких словах. Скажу только, что я написал тогда одноактную сатирическую пьесу «Остров угнетения», о сверхизобилии, соседствующем с нищетой.

Мы заарендовали для митинга «Китайский театр» Граумана. Я предложил пригласить Чарли Чаплина председательствовать на этом митинге, и здесь же представить меня публике, и показать пьесу. По общему мнению, нечего было даже и думать, что Чаплин согласится. Но я все же пригласил его, и он приехал. Митинг прошел бурно.

Я, как известно, баллотировался в губернаторы Калифорнии и не был избран,— и очень хорошо, что так случилось: как я узнал позже, некий бизнесмен составил завещание, в котором уведомил свою семью о намерении убить меня; он достал револьвер и зарядил его, проделав это в радиостудии, где я должен был выступать накануне выборов.

Чарли Чаплин был заклеймен в США как «красный» и был изгнан из нашей страны в результате взрыва ярости реакционных кругов. Об этом он сам подробно рассказывает в своей книге, и я не буду комкать этот эпизод в своем пересказе.

У Чарли есть одна странность: он никогда не пишет писем. Это, конечно, усилило мой интерес к его книге, и нет сомнения, что тысячи читателей разделят мое любопытство. Книга прекрасно издана, и я могу представить себе, как будут покупать ее нарасхват. Маленький бродяга Чарли известен во всем мире.

Во многих странах бедность существует рядом с богатством, и всюду можно наблюдать, как принижены те, кто не сумел урвать жирный кусок. Как автор многих книг, я склоняю голову перед художником, который умеет превращать скорбь в смех и вызывать сострадание и нежность. Фильмам Чаплина суждена долгая жизнь, и его книга тоже будет жить долго — это я предсказываю.

Перевел с английского
П. ЧУМАК.

●

В ближайшее время «ОГОНЕК» начнет печатать главы из книги Чарли Чаплина «Моя жизнь».

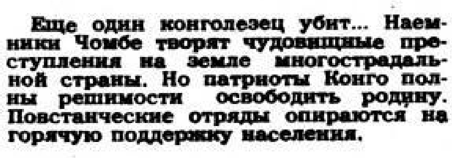
ФОТО ГЛОБУС ОГОНЁК

Поднятая рука оратора слегка напоминает нацистское приветствие «хайль», не правда ли? А если послушать речи этого человека, то такое впечатление еще более усилится. Ганс Кристоф Зеебом, боннский министр транспорта и лидер реваншистского «землячества судетских немцев», обрушивается с угрозами на соседей ФРГ, требует, требует, требует... Герру Зеебому настолько не хватает «жизненного пространства», что в каждом своем официальном или неофициальном заявлении он спешит выдвинуть территориальные претензии. Когда же кончится раздолье для реваншистов в ФРГ? — этот вопрос все чаще задают даже обозреватели крупнейших западных газет. Но в Бонне по этому поводу безмолвствуют. Да и что можно сказать, когда реваншизм уже многие годы фактически является государственной политикой ФРГ?

Еще один конголезец убит... Наемники Чомбе творят чудовищные преступления на земле многострадальной страны. Но патриоты Конго полны решимости освободить родину. Повстанческие отряды опираются на горячую поддержку населения.

Страшное бедствие обрушилось на Южный Вьетнам. В результате сильнейшего наводнения погибло 5 тысяч человек, сотни тысяч остались без крова. Снимок, переданный агентством Ассошиэйтед Пресс, сделан в одном из населенных пунктов провинции Куан-Нам. Жители спасают имущество после того, как спала вода.

На снимке, который мы воспроизводим из журнала «Дер шпигель»,— женская легкоатлетическая команда американского клуба «Тексас трэк» во главе с тренером Маргарет Эллисон. Обратите внимание на высокие модные прически девушек. Думаете, с такими прическами трудно бегать? Маргарет Эллисон придерживается другого мнения. Она считает, что главное в спорте — умение хорошо выглядеть. Перед стартами Маргарет Эллисон ведет своих подопечных в салон красоты. Спортивные костюмы заказываются у лучших портных. Результат? «Мы становимся сенсацией каждого легкоатлетического соревнования»,— говорит мадам Эллисон. Справедливости ради следует отметить, что сенсационны пока только прически и костюмы, но, увы, отнюдь не результаты. Здесь дело обстоит гораздо скромнее...

Фото ТАСС, ЮПИ, АП, АДН, журналов «Дер шпигель» и «Штерн».

ФЕЛЬЕТОН

БОСОНОГИЕ ЗАХВАТЫВАЮТ АМЕРИКУ

В. НИКОЛАЕВ

В ясную летнюю ночь на небе не насчитаешь столько звезд, сколько было на генералах, заполнивших зал заседаний в Пентагоне. Сияли не только металлические звезды. Лица собравшихся также сияли и излучали радостное волнение. Еще бы! Как ни секретно было предстоящее совещание, весь высший генералитет примерно знал, в чем дело. Наконец-то найдено верное средство для успешного ведения войны в чужих землях. Наконец-то можно будет залечить вьетнамские и им подобные синяки и шишки, а самое главное — перестать позориться на глазах у всего мира.

Сообщение докладчика было выслушано с благоговейным вниманием. Новое средство отличалось простотой, присущей всем гениальным открытиям. Суть его сводилась к следующему: американская армия не имеет нужной подготовки для ведения войны в чужих странах, поэтому необходимо обучить ее.

Сказано—сделано. Вслед за этим совещанием последовал приказ о проведении специальных маневров. Приказ объявлял, что отныне часть территории штата Джорджия является «небольшой страной, дружественно относящейся к США». Ей, дружественной и беззащитной, потребовалась американская помощь. В ходе маневров тысячи американских солдат и офицеров должны были продемонстрировать всю мощь этой помощи. Приказ отмечал, что во время этих учений фронта, как такового, не будет. Враги небольшой дружественной страны будут действовать коварно: «просачиванием мелких сил, пропагандой, ложными маневрами».

Обе воюющие стороны должны были быть представлены отборными войсками Соединенных Штатов, в их числе 400 американских офицеров — выпускников специальной школы Пентагона по борьбе с партизанским движением, а также 124 выпускника этой школы, представляющие разные армии НАТО.

Подготовка к маневрам развернулась полным ходом, но тут случилось нечто непредвиденное. В дело вмешались личности сугубо штатские, но настроенные еще более воинственно, чем генералы из Пентагона. Короче говоря, вмешались американские ультра из «общества Джона Бэрча» и других фашиствующих организаций.

Как же они пронюхали о секретном приказе Пентагона и о подготовке к маневрам? Сами ультра не скрывают своих методов. Один из их лидеров бахвалился в печати:

«Мы за последний год стали засылать людей, о которых не известно, что они наши, в разного рода «левые» организации (к «левым» или коммунистическим организациям многие ультра относят и Пентагон.— В. Н.). Мы особенно любим использовать в этих целях секретарш. Они в состоянии быстро раздобыть такие сведения, на получение которых мужчине потребуются годы. Например, у нас есть одна секретарша в нужном месте в Пентагоне. Никто не знает, что она из наших».

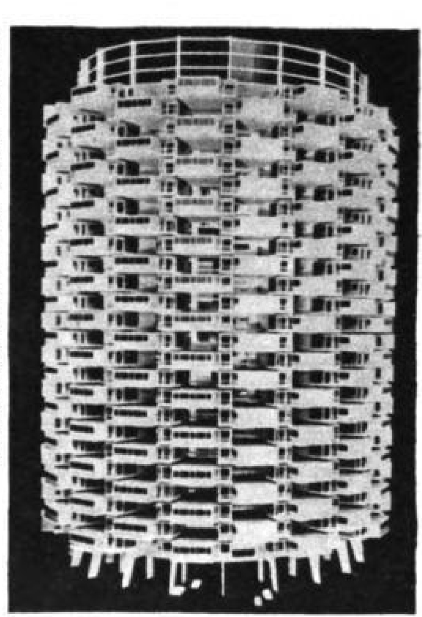
Эти откровения отчасти проливают свет на то, как ультра узнали о предстоящих маневрах в штате Джорджия. Первыми об этой раскрытой военной тайне поведали миру фашиствующие молодчики из штата Техас:

«На этой неделе мы получили сообщение о том, что Организация Объединенных Наций (она контролируется коммунистами, ее войсками — сухопутными, морскими и авиационными — постоянно командует от имени Совета Безопасности русский генерал, коммунист) готовит большие военные маневры в рамках НАТО. Нам точно известно, что официальные представители американской армии попытаются использовать 2 500 квадратных миль в штате Джорджия для высадки парашютного десанта — трех с половиной тысяч солдат ООН из Конго, Индии и других стран. Они оккупируют 1 500 тысяч акров суверенного штата Джорджия (в составе этих войск — палачи, которые убивали и насиловали христиан в Катанге). Мы уверены, что все эти так называемые маневры являются составной частью

Хорошеет год от года столица Германской Демократической Республики — Берлин. На снимке, полученном от агентства АДН, вы видите жилые дома на Карл-Маркс-аллее, центральной магистрали демократического Берлина.

Что это? Сразу, пожалуй, и не догадаешься. Перед вами — один из самых любопытных архитектурных проектов года: дом, построенный из 250 коттеджей. Автор проекта — известный кельнский архитектор Иозеф Кюппер ведет переговоры с магистратами нескольких западногерманских городов, заинтересовавшимися его идеей. Правда, интерес этот заметно остывает, когда становится известно, во сколько десятков миллионов марок обойдется строительство. Но Кюппер не теряет надежды...

НОВЫЕ ДЕЛОВЫЕ ПАРТНЕРЫ

На железнодорожные платформы грузятся экскаваторы Калининского завода марки «Э-302». Экскаваторы отправляются во Францию, в адрес торговой фирмы «Бонди».

— Это первая партия машин такого типа, купленная у нас Францией, — рассказывают в «Машиноэкспорте». — Советские машины и машинное оборудование находят спрос в высокоразвитых в промышленном отношении странах. Национальное угольное управление Англии закупило в Советском Союзе горное оборудование для работы в шахтах. Италия приобрела большую партию резервуаров для нефти и нефтепродуктов, а японская фирма «Начимен» — проходческий щит, изготовленный на заводе Главметростроя.

Появляются у нас новые торговые партнеры и в странах Латинской Америки. Недавно нефтяное управление Мексики закупило советские турбобуры и техшарошечные долота. Раньше все это оборудование закупалось в Соединенных Штатах Америки.

Сейчас «Машиноэкспорт» поставляет оборудование в 53 страны и его торговые связи непрерывно расширяются. Ведутся переговоры с торговыми фирмами Италии, Японии, Федеративной Республики Германии, Индии и других стран.

А. ГОЛИКОВ

В тридцать стран мира

В аэропорту «Внуково-2» Министерство внешней торговли и Всесоюзное объединение «Авиаэкспорт» провели пресс-конференцию, показ и демонстрацию советской гражданской авиатехники, которая успешно продается более чем в 30 стран мира.

Большой зал ожидания аэропорта заполнили торговые представители, советники и атташе посольств, делегации нескольких государств, авиационные специалисты иностранных компаний и фирм.

А в это время на перроне перед зданием аэропорта сияли на солнце великолепные самолеты и вертолеты,— это не специальные выставочные образцы, а обычные серийные машины. Пресс-конференция продолжалась у выставленных самолетов, вертолетов и планеров и в салонах двух воздушных лайнеров, взлетевших в небо по желанию гостей.

В. НИКОЛЬСКИЙ

«Мицубиси» строит в Эстонии

Новый содорегенерационный агрегат, купленный у японской фирмы «Мицубиси», даст возможность значительно ускорить производство целлюлозы на эстонском комбинате «Кехра». Шефмонтаж агрегата ведут представители «Мицубиси» инженеры Матае Ватанабе и Исао Имаока.

Приезд японских инженеров в Кехра явился как бы ответным визитом: специалисты с комбината побывали на заводах «Мицубиси» и «Нихон Пульп».

Замена содорегенерационного агрегата — первый шаг в реконструкции комбината. Дальше на очереди — переоборудование варочного цеха.

Н. ХРАБРОВА

На снимке: На верхней площадке содорегенерационного агрегата. Представители фирмы «Мицубиси» И. Имаока, Т. Касай, М. Ватанабе и начальник ТЭЦ комбината «Кехра» Х. Вахер. Фото В. Сальмре.

предательского плана разоружения США. Иностранные войска, которые во время маневров вторгнутся в США, явятся своего рода троянским конем, они никогда не покинут нашей земли и оккупируют наши суверенные штаты».

Справедливости ради надо сказать, что к предполагавшимся маневрам ни ООН, ни НАТО никакого отношения не имели. В этом деле полный приоритет был за Пентагоном. Но расходившаяся буйная фантазия техасских ультра соответствующим образом аранжировала план Пентагона.

Лиха беда начало! От своих техасских коллег не захотели отставать «бешеные» из других штатов. В штате Джорджия они прямо так и объявили в своем еженедельнике: «Над Джорджией советские самолеты! Партизаны из 15 стран готовятся захватить часть нашего штата». Вслед за ними некий отставной генерал Педро дель Валле, то ли ополоумевший, то ли решивший спекульнуть на военном психозе, выступил в печати с заявлением, в котором, например, говорилось:

«Маневры будут репетицией перед захватом Соединенных Штатов Организацией Объединенных Наций. Это будет началом претворения в жизнь сокрушительной программы разоружения США и превращения их в провинцию ООН. Боже! Помоги нам предотвратить эту катастрофу!»

Куда генеральский конь с копытом, туда и вельможный рак с клешней. Конгрессмен Джеймс Атт также поспешил выступить в печати:

«Слушайте все, и слушайте внимательно! В то время, когда вы будете читать эти строки, уже на полный ход развернутся одни из самых фантастических и, по-моему, самых устрашающих маневров, когда-либо проводившихся в США. Нам пока неизвестно, будут ли в них участвовать африканские войска, но мы точно знаем, что большие соединения босоногих африканцев уже прибыли на Кубу».

Поскольку сам проницательный конгрессмен Атт представляет в Вашингтоне Калифорнию, после его авторитетного заявления бухнули во все колокола и калифорнийские ультра:

«Только американцам! Тревога! Ваша страна, ваша родная земля, Соединенные Штаты Америки, только что подверглась нападению вооруженных сил других стран. Африканцы высадились в штате Джорджия. Ударные силы ООН состоят из индийских и ганских соединений, прибывших из Катанги. Иностранные войска угрожают штатам западного побережья. Возможно вторжение китайских и монгольских войск через мексиканскую и канадскую границы».

Бред? Чудовищно? Да. Но весь этот бред, все приведенные выше цитаты взяты из периодической американской печати. Весь этот бред уже размножен многотысячными тиражами. Сколько же вообще поджигательской галиматьи обрушивают ультра на американского обывателя, запугивая его «коммунистической агрессией»!

Кстати, приведенные здесь цитаты — лишь малая доля того, что было сказано и написано «бешеными» по поводу маневров. Ультра устроили такой шабаш на крыше Пентагона, что планы предполагавшихся учений были значительно изменены.

Хорошо сшитый костюм

Я. МИЛЕЦКИЙ

— Где вы сшили такой хороший костюм?— спросил я знакомого.

— Купил в магазине по заказу.

— Значит, вы заказали его?

— Нет, заказал магазин.

— Ничего не понимаю! Для вас заказал?

— Нет, для любого покупателя... Ведь теперь костюмами торгуют по-новому.

И вот я на Каланчевской улице, где рядом с Ленинградской гостиницей на большом здании появилась недавно новая вывеска: «Производственное объединение «Большевичка».

Здесь шьют только мужские костюмы. Только. Даже на фирменной марке силуэты двух мужчин в элегантных костюмах. Сотни, тысячи костюмов!

— С июля в жизни нашего производственного объединения,— рассказывает его генеральный директор Петр Кондратьевич Носков,— произошли огромные изменения, имеющие принципиальное значение. По-новому построены теперь наши взаимоотношения с торговлей: мы имеем дело непосредственно с магазинами. Да, да, только с ними: фабрика — магазин. Если раньше фабрика нередко шила костюмы по старым моделям и не была заинтересована в переходе на более модные, шила их из любых тканей, которые ей присылали текстильщики, делала из них костюмы, не очень-то считаясь с ростами и размерами, то сейчас произошла в этом отношении полная революция: все это определяет только сам магазин, учитывая спрос и пожелания покупателей.

На торговом лексиконе такие взаимоотношения швейников и торговцев именуются «прямой связью». А ведь еще недавно швейники работали по старинке — на кладовые. Костюмы приходилось переоценивать, промышленность несла убытки, а покупатель тратил немало времени на тщетные поиски модного, элегантного костюма из современной ткани.

И вот решили сломать старые взаимоотношения промышленности и торговли, подчинив их интересам потребителей. Девятнадцать столичных магазинов и три магазина Московской области заключили прямые договоры с объединением «Большевичка». В них говорилось примерно так: пошей, мол, нам столько-то костюмов из такой ткани и столько-то из сякой и только таких фасонов, а не других; и размеров и ростов тех, которые пользуются спросом, а не тех, которые тебе выгодней, а привези ты мне эти костюмы, будь любезен, в заранее обусловленные дни да не навалом, как некогда, а в специальной машине, в подвешенном виде.

Это был серьезный экзамен не только для «Большевички», но и для магазинов: изучение спроса потребителей стало для них жизненной необходимостью.

Несколько месяцев — конечно, недостаточный срок для окончательных выводов, но правильность самой идеи не вызывает никаких сомнений ни у работников «Большевички», ни у работников торговли.

— Чему же вас научила прямая связь ?— спрашиваю генерального директора.

— Многому научила! — усмехается он.— Прежде всего резко изменилась производственная программа. Видимо, мы действительно шили не совсем то, что спрашивал покупатель. Взять хотя бы такой факт: магазин потребовал от нас на девятнадцать тысяч больше костюмов, пошитых из ткани, содержащей пятьдесят процентов лавсана. Это действительно хорошая ткань, и костюм получается недорогой. Потом еще оказалось, что велик спрос на разные куртки, в том числе и рабочие. Мы их теперь шьем намного больше, чем раньше. Понятно, что пришлось пересмотреть весь процесс производства, все операции, всю технологию. К сожалению, это приходилось делать на ходу, в процессе производства: на работу по заказам нас перевели одновременно с самими магазинами.

Укрепилась связь швейников не только с торговлей, но и с текстильщиками. И текстильным предприятиям магазины предъявили такие заказы, каких те никогда раньше не выполняли. Взять хотя бы Брянский камвольный комбинат. Он выпускает черный креп. Оказывается, спрос на него очень велик. Костюмы, сшитые из этой материи, хотя и недороги, но удобны. Вот магазины затребовали костюмов из этого черного крепа чуть ли не втрое больше, чем раньше. Бывало и так, что текстильному предприятию приходилось снимать с производства ткань, на которую магазины не дали заказов.

Вот какими строгими заказчиками оказались магазины, выступавшие от имени мужской части покупателей!

Конечно, не обошлось и без того, что текстильщики срывали предъявленные к ним требования и вместо одной ткани предлагали другую. Как поступила бы «Большевичка», не будь у нее договоров с магазинами? Взяла бы то, что дают. Раньше так и говорили: «Хотите, берите, хотите, нет». А те повторяли эту фразу покупателям... Теперь не отговоришься: на страже интересов покупателя стоит договор. И магазины придирчиво рассматривают присланную ткань, прикидывая, пойдет она или нет. Они могут и штраф наложить на «Большевичку» за нарушение договора.

Наш разговор с генеральным директором «Большевички» коснулся и другого, не менее больного вопроса — качества шитья. Он перечислил меры, принятые для того, чтобы костюм лучше сидел, имел элегантный вид. С одним из крупнейших столичных универмагов, «Москва», был заключен договор на социалистическое соревнование под лозунгом «Отлично шьем, отлично продаем!».

— Оценку качества наших костюмов, выпускаемых по заказам магазинов,— сказал П. К. Носков,— могут дать работники универмага, хотя заранее должен признаться, что и сейчас еще есть жалобы на плохую работу швейников.

Прощаясь, генеральный директор сказал:

— Ученые мужи подсчитали, что в магазине должно быть примерно двенадцать тысяч костюмов для того, чтобы любой покупатель нашел в нем костюм по своему размеру, росту, полноте, ткани и расцветке. Много, правда? А вот подсчитайте: размеров у нас девять, ростов пять, четыре полноты, моделей чуть ли не сорок, расцветок и того больше. Все это надо перемножить — вот и получается астрономическая цифра! Отсюда возникает предложение сократить число магазинов, торгующих костюмами, скажем, в Москве, до пяти-шести, с тем чтобы в них обязательно было все, что может потребовать покупатель...

Не знаю, правильны ли подобные соображения, но из этих слов я сделал заключение, что мне предстоит обегать не один магазин, чтобы раздобыть костюм на свою, к сожалению, тучную фигуру.

Уходя с «Большевички», я увидел в вестибюле большой плакат и привожу его текст в надежде, что таких больше не появится:

«За последнее время большое количество костюмов возвращено из магазинов на переделку по вине рабочих, выполняющих операцию окончательной утюжки. Так, за август месяц из ГУМа возвращено на исправление 160 костюмов».

Это, видимо, и были те огрехи, о которых говорил генеральный директор.

Есть в столице на улице Горького фирменный магазин, торгующий только изделиями «Большевички». Недавно его передали непосредственно в ведение Московского городского совнархоза. Вот, оказывается, где можно узнать о прямой связи фабрика — магазин, о костюмах, сшитых по заказу. Перешел он на эту новую систему торговли более полугода назад, и поэтому опыт его особенно ценен.

— Мы очень довольны новыми взаимоотношениями торговли и промышленности. Они, бесспорно, на пользу покупателям,— говорит директор магазина Анастасия Матвеевна Булычева.— Сейчас мы продаем в среднем до двухсот семидесяти костюмов в день. Это больше, чем до перехода на прямые связи . В июле продано свыше пяти тысяч костюмов, в августе уже больше семи тысяч покупателей ушли от нас довольными. Это первый и очень важный вывод. Но это далеко еще не все: «Большевичка» сплошь и рядом нарушает условия договора, заключенного как с нами, так и с другими магазинами. Быть может, «Большевичка» не сама во всем виновата, допускаем, что ее подводят поставщики тканей и отделочных материалов. Но магазины не могут и не должны вникать в это: давши слово, держи его. А «Большевичка» сплошь и рядом не держит. Вот несколько примеров. По графику фирма должна была в августе завозить ежедневно в наш магазин триста семьдесят костюмов. А график нарушался, покупатель уходил иногда без покупки.

К сожалению, не соблюдаются и другие условия договора. Так, вместо костюмов трех определенных фасонов из ткани с лавсаном мы получили костюмы вне заказа. Что это значит «вне заказа»? На фабрике по вине текстильщиков не было требуемой ткани, и мы в виде исключения согласились на однородную, сходную ткань.

— А есть ли у вас, скажем, костюмы для людей крупных, полных? — без всякого умысла спрашиваю я директора.

Она осмотрела меня внимательно, улыбнулась.

— Вряд ли... Запишите еще две цифры в назидание товарищам с «Большевички»: вместо девятисот двадцати костюмов из ткани с лавсаном больших размеров и ростов они дали нам только сто двенадцать...

— Какой же вы делаете окончательный вывод?

— Система прямых связей отличная, перспективная. Она хороша не только для торговли костюмами, но и для торговли многими другими товарами. Но надо строго, без всяких скидок придерживаться условий договора. Тогда будет доволен тот, для кого и введена новая система,— наш покупатель.

Я записал ее слова и понял, что сам принадлежу еще к числу тех, кто вынужден ждать полного осуществления прямой связи .

В прошлом веке, проезжая через Пермь, Д. Н. Мамин-Сибиряк писал, что этот город «замечателен тем, что в нем решительно нет ничего достойного внимания». Он предсказывал ему бесславную судьбу тех «административных единиц, где, по меткому бурлацкому выражению, губернаторы сами лапти себе плетут».

Не в мгновение ока совершились перемены. История города — это история преобразования всей нашей Родины. Только годы семилетки дали жизнь двум крупнейшим предприятиям — нефтеперерабатывающему и кабельному заводам.

Когда неполные шесть лет назад нефтеперерабатывающий принял на промышленную переработку первые тонны нефти, ее качали из Альметьевска, из Татарии. С тех пор в пять раз увеличилась выработка продукции, а нефть по тому же проводу идет не в Пермь, а из Перми. Так много стали ее добывать в окрестностях города.

Затраты на строительство завод окупил практически в то время, когда сооружение его еще не было закончено.

В наши дни Кама одарила людей светом. Десять лет назад дала ток гидростанция, построенная в Перми. 24 турбины ГЭС спрятаны в бетонном теле плотины. Ею открывается каскад уже построенных, строящихся, намеченных планами,— Воткинской, Нижне-Камской, Верхне-Камской.

В Перми и около нее не один десяток рек и речек. Тут и излюбленная туристами Чусовая, и светлая Сылва, и другие, поскромнее, поменьше. Кама среди них — королева. Ниже плотины ГЭС после образования Воткинского моря она налилась вровень с кромками берегов, вплотную подступила к перелескам. У надежно обрамленных бетоном берегов вечная суета больших и малых судов.

Где было предвидеть такие перемены Мамину-Сибиряку! Даже мы, теперешние жители Перми, порой со скептицизмом относились к некоторым проектам. Просто не верилось, что на месте захудалого аэродрома и пустырей, занимавших, по существу, центр города, будет такой уютный жилой массив, каким стали Городские Горки — Пермские Черемушки.

Подлинная гордость пермяков — Комсомольский проспект. Этой улице 167 лет. Но только недавно она стала широкой, благоустроенной, упирающейся в берег Камы магистралью. Пермяки помнят дощатые ларьки колхозного рынка на том месте, где сейчас Центральная площадь и самый крупный, самый молодой вуз города — Политехнический институт. Троллейбусы идут по тем местам бывшего Курочкина поселка, куда машины боялись въезжать не только дождливой осенью. Красавцы дома́ заменили халупы, дрожавшие от легкого ветра.

...Высокие жилые дома, панорамный кинотеатр «Кристалл», художественная галерея, кафе «Космос», стеклянные витрины магазинов — таков Комсомольский проспект сегодня.

С. МУХИН,
депутат Пермского городского Совета

Фото М. САВИНА.

Ошибка

Пермь. Особенно хороша Кама в вечерние часы.

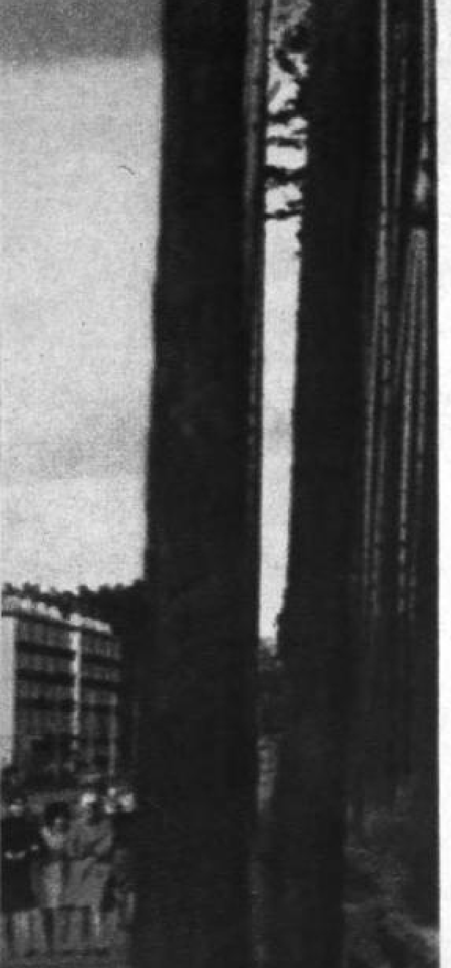
Мамина—Сибиряка

В цехе новой технологии телефонного завода.

Молодежь охотно посещает кафе «Космос». →

Закамский поселок — район Перми — построен в сосновом бору.

Курсовая работа

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОГО

У этой тоненькой книжечки стихов, давно уже ставшей библиографической редкостью, занятная и примечательная «биография».

Книжка была издана в 1927 году Всероссийским союзом поэтов, и тираж ее составлял всего-навсего четыреста экземпляров. Стихи принадлежали Борису Кисину — студенту последнего курса полиграфического факультета ВХУТЕМАСа. До этого он несколько лет страстно увлекался поэзией, писал стихи, печатал их в газетах и участвовал в ряде поэтических сборников.

В качестве курсовой работы, предшествовавшей диплому, Кисин должен был оформить книгу — любую по его выбору. Тогда-то он и задумал издать сборник своих стихов. С помощью литературных друзей он отобрал стихотворения, составил книжку и предложил ее Всероссийскому союзу поэтов. Сборник был принят. Кисин сам сделал макет, сам набрал текст, собственными руками нарезал гравюры, сам отпечатал и сброшюровал книжку.

Борис Кисин посвятил ее памяти брата Вениамина — талантливого поэта, возглавлявшего Рязанское отделение Всероссийского союза поэтов. Он погиб в возрасте 25 лет от случайной пули в одном из глухих московских переулков апрельской ночью 1922 года. Вскоре после гибели Вениамина Кисина в Москве и в Рязани вышли два сборника его стихотворений.

Когда тираж был напечатан, автор послал книжку в подарок Алексею Максимовичу Горькому,— молодой поэт сомневался в своих силах и мечтал получить отзыв всеми признанного авторитета. Он не надеялся, что Горький откликнется. Тем сильнее было радостное изумление Кисина, когда через месяц-полтора он получил из Сорренто следующее, впервые публикуемое письмо Алексея Максимовича (36 лет оно хранилось в письменном столе Бориса Кисина):

«Б. КИСИНУ.

На мой взгляд — Вы отлично владеете стихом и у Вас хорошо развит вкус к слову, хотя такие строки, как

«Мерить мерно мирные мили» и

«Красной краской крутая кровь» — это уже «от лукавого», да и старовато, напоминает «Челн томленья черный челн» и подобные фокусы.

Есть неудачные словосочетания:

«стиснутое напролом» — ? — «косолапое лицо» и «брызги мозг», есть неверные ударения — «копи́шь». А почему Романов расстрелян «У стены, где крапива и молочай»? Мне кажется, что такие «поэтические вольности» не допустимы. И — не думаю, что в Екатеринбурге растет «молочай», кажется — не растет. За исключением этих мелочей все остальное — интересно, хорошо сделано, говорит о Вас, как о мастере.

А все же должен сказать, что для меня лично мастерство еще не искусство, не «поэзия». Поэзия — проста:

«Пришли и встали тени ночи
На страже у моих дверей» — вот поэзия. «Жжет нога моя холодный мрамор плит» — вот поэзия. Все мудрое — просто, это старая истина.

Темы у Вас слишком «личные», м. б. это потому, что мало стихов? В общем Ваше мастерство разрешает предъявлять к Вам более строгие требования. Это — не комплимент но это — хорошо.

Вы «в загоне»? Ну, на это нельзя жаловаться в Ваши годы и в ваше время. Время — эпическое, а не лирическое.

Жму руку

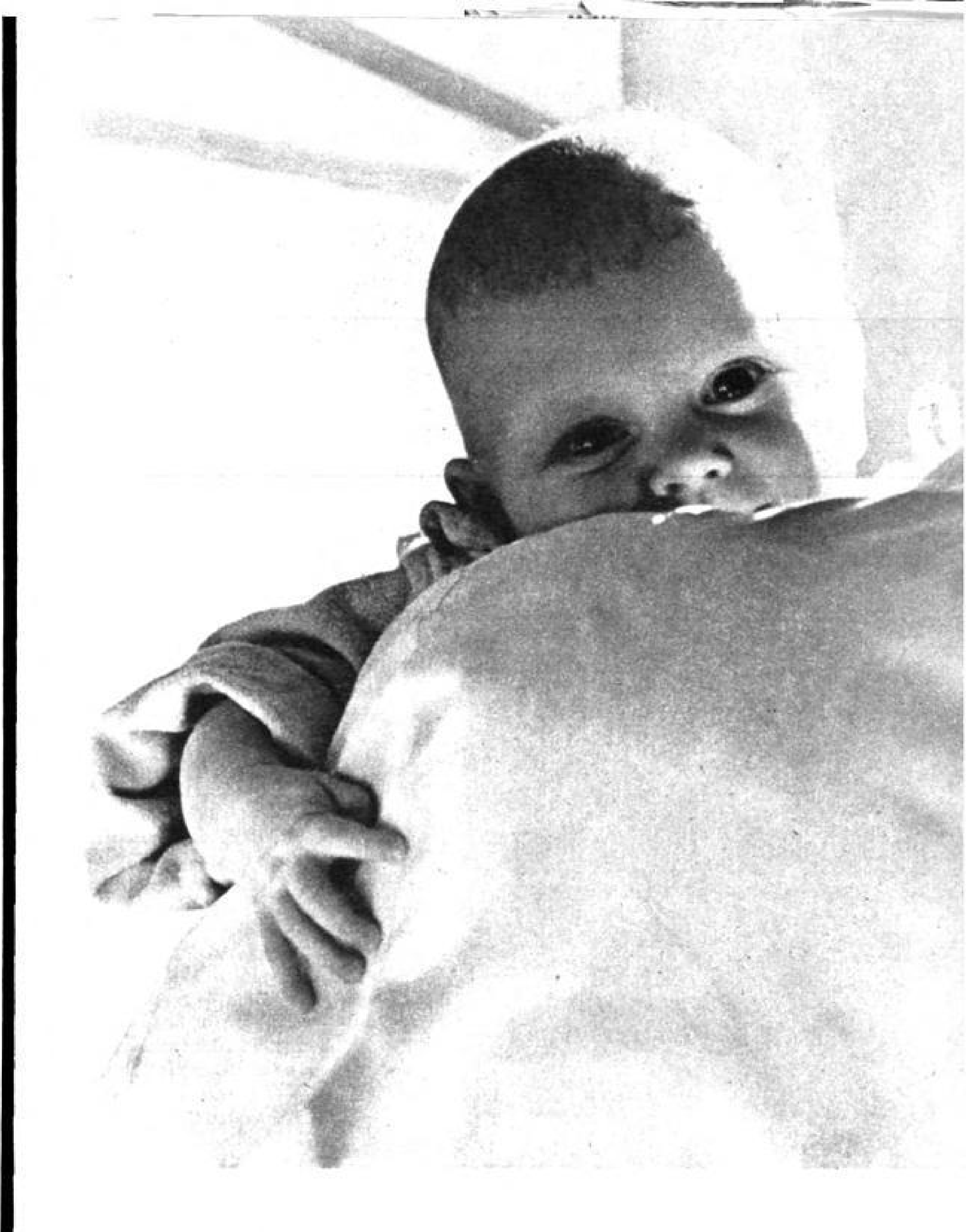
А. ПЕШКОВ

20-X-28».

— Почему же вы оставили поэзию? — спросил я.

— Жизнь сложилась иначе,— ответил Кисин.— Много лет я преподавал в Редакционно-издательском институте, был доцентом Полиграфического института, в 1943 году получил ученую степень кандидата искусствоведения. Более трех десятилетий я работал художественным редактором Учпедгиза, оформил, вероятно, несколько тысяч книг, в том числе школьные учебники, что мне особенно дорого...

Ал. ЛЕСС

Малыш пришел домой

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. Копосова.

Вот какая встреча произошла у меня однажды...

Пассажирский шел из Воркуты. Я села на маленькой станции, где-то под Котласом, нашла свое купе. Постучала. Ни звука. Тогда я отодвинула дверь и остановилась. Женщина, полулежавшая с книгой в руках на левой нижней полке, предостерегающе поднесла палец к губам. «Да, здесь ваше место»,— прошептала она, поднимаясь. Оправила на себе пестрый халатик, отложила книгу. Наклонилась над ребенком, который спал на другой полке. Я успела заметить головку с белой челкой, румянец во всю щеку и белую, без рукавов, рубашонку. Что ж, все обычно: лето, и мама с сыном торопятся к морю. Я прикрыла дверь, чтоб им не мешать: пусть мальчонка поспит,— и вышла в коридор.

Прошел час. Навстречу бежали бесконечные архангельские леса.

У Екатерины Ивановны Самсоновой с каждой посетительницей разговор по душам...

Залюбовавшись зеленью старых елей с необыкновенно густыми, свисающими под собственной тяжестью гибкими лапами, я и не заметила, как кто-то стал рядом. Пошмыгал носом, чихнул. Ага, та самая челка!

— Как тебя зовут, ма...? — хотела я спросить и запнулась.

Это была девочка лет шести в пикейном белом платье.

Женщина, стоявшая в дверях, поймала мой недоуменный взгляд. Только теперь я увидела, как они не похожи. Одна с белыми ресницами и белыми бровями, сероглазая и курносая; другая — типичная южанка: смуглолица, темноволоса, с влажными, как каштаны после дождя, глазами.

— Машенька,— сказала она, ласково отстраняя девочку,— пусти, я закрою окно, а то простудишься.

Спутница прошла в купе, прикрыла дверь и, не ожидая моих вопросов, заговорила:

— Ведь просила я, отрастите девочке волосы, и время было: полгода переписывались. А приехала за ней — вот эта арестантская прическа. Говорят, нельзя иначе, такое предписание,— заторопилась она, точно оправдывалась. Видимо, у нее появилась острая необходимость высказаться, поделиться впечатлениями, тем более со случайной попутчицей, с которой она больше никогда и не увидится.— Я пришла за ней в спальню, ее предупредили, что за ней приехала мама. Она стояла возле кровати, смотрела на меня большущими глазами, а потом как бросится на шею, как обнимет! Я прижала ее к себе и чувствую: вся дрожит девочка. В тот миг я решила: какая бы она ни была, все равно возьму!.. Лучше бы, конечно, маленькую, но мне уже за сорок, поздновато... А соседок своих по дому, чтоб не было разговоров, предупредила: умерла двоюродная сестра, заберу ее дочь. Мы с мужем и всех родственников и знакомых предупредили. Вот он уж будет рад!.. Он ведь светлый, и Машенька чем-то напоминает его.

Звякнула ложка в стакане, поезд остановился. По насыпи шныряли бойкие мальчишки с кулечками алой земляники.

— Мама, смотри, ягоды!

Женщина встрепенулась, заулыбалась, побежала к выходу.

— Сейчас я куплю тебе их, Машенька!

Потом из большой плетеной корзины извлекла новую куклу — первый подарок своей дочери. Там же лежал букварь и касса с буквами: Машенька пойдет ведь нынче в школу.

— Как вы думаете, говорить ей, что я не родная мать? Она уже не маленькая, а со стороны узнает, хуже может быть,— советовалась она со мной.— Вот в журнале (в ее руках был свежий номер «Семьи и школы») описывается одна история. Родители, когда девочка пошла учиться, сами подготовили ее к этому. Зато смотрите, как она при случае защищает и их и себя!

Потом она спрашивала, где в Москве находится детская парикмахерская. В первую очередь надо убрать этот дурацкий хохолок. А затем пойти в «Детский мир» и купить школьную форму. После этого они поедут к себе домой, в маленький городок на Кавказе.

Пока поезд шел в Москву, я узнала об этой женщине очень многое. Она рассказывала о своем трудном детстве, как осталась одна, сиротой, как училась, работая, и, работая, закончила вечернее отделение института. Что муж ее монтажник-строитель. Оба ждали детей, а их все не было. Что они решили тогда взять ребенка на воспитание и все никак не могли найти подходящего даже в таком большом городе, как Тбилиси, пока случайно она не познакомилась в отпуске с директором детского дома, из которого она сейчас едет... Теперь, когда наконец у нее есть дочь, она очень беспокоится за нее. Как встретят мальчики и девочки Машеньку во дворе? Дома-то, конечно, ей будет хорошо, а как вон там, за порогом?

...Вот и Москва. На перроне, шумном, жарком, с крикливыми носильщиками, бесцеремонно всех расталкивающими своими тележками: «Пазвольте, пазвольте!» — Машенька растерялась. Она крепко схватилась за корзину, которую держала женщина,— обе руки матери были заняты,— и оторопело смотрела по сторонам.

— Пойдем, Машенька, я провожу вас,— сказала я ей.

Но она не доверила мне своей руки. Она предпочла держаться за корзину и семенила рядом. Так они обе и вошли в вагон метро: темноволосая, смуглолицая женщина и беленькая девочка. Теперь им долго идти рядом. Всю жизнь! И пусть этот путь будет им добрым!

Не таким, как у Кати Н. Эту девочку двухлетней усыновила чета Жилинских в Целинограде. Глава ее — сотрудник банка, жена — продавщица. Первое время ребенка баловали, возили с собой, играли. Постепенно интерес к Кате пропадал. Она росла и требовала не только забав, но и пристального, повседневного внимания. Не зря ведь говорят, что маленькие дети — маленькие заботы, большие дети — большие заботы. Подобными заботами Жилинские вовсе не предполагали себя обременять. Чтоб избавиться от ребенка, они разрабатывают ловкий план. Кате исподволь внушается мысль, что они ей вовсе никакие не родные, что и зовут ее иначе, Ниной, и что надо найти ее маму.

В один прекрасный день они привели девочку в тот же Дом ребенка, откуда взяли ее.

— Она дефективная, слабоумная, заберите ее,— изощрялись супруги.

Кате было около семи лет...

Возмущению Ж. М. Жайжумовой, главного врача Дома ребенка, не было границ. Катя была развитой девочкой, любимицей дома. Конечно, ее приняли, хотя это и было нарушением правил: в доме содержатся дети до трех лет. О бесчеловечном поступке Жилинских писали в газету «Целинный край», судьба девочки взволновала многих честных людей. Пришлось очень строго, придирчиво отбирать из них настоящую маму. Она нашлась, прилетела за Катей на самолете — добрая, терпеливая, ласковая.

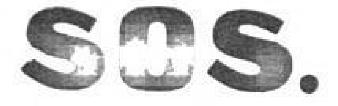
Сейчас Катя успешно учится во втором классе, кроме того, играет на пианино.

К счастью, этот пример — исключение, случай, из ряда вон выходящий. В истории, в литературе, в жизни известно множество женщин, воспитавших детей так, что те и не почувствовали себя усыновленными. Для тех и других не имело никакого значения, что родство их не по крови, а по голубому листку, выданному государством. Только очень важно, чтобы листок этот попал в хорошие, теплые руки. Много их тянется к детям. Но какие они, эти руки? Распознать их помогает природная чуткость, огромный жизненный опыт, знание советской законности. Думается, что всеми этими качествами обладает Екатерина Ивановна Самсонова. Человек широкообразованный, она кончала в 1917 году высшие женские курсы в Москве и много лет преподавала литературу и язык в средней школе. Самсонова могла бы занимать и другую должность, чем эта: заведовать скромным патронатным отделом Центрального Дома ребенка. Но после того, как суровой зимой сорок второго года ей доверили судьбы детей, которых осиротила война, она, раз соприкоснувшись с этой удивительно человечной работой, не смогла уйти от нее. Не может расстаться с ней и сейчас, в свои шестьдесят девять лет.

Сотни писем приходят к Екатерине Ивановне из разных городов и поселков. Сотни листочков, начинающихся такими примерно словами: «Я никогда не ощущала такого одиночества, такой пустоты, как сейчас. У нас есть всё: отдельная квартира, здоровье, силы. Нет в доме самого главного — ребенка. Умоляю, помогите нам! Мы уедем из этого города, чтоб никто и никогда не узнал, что наш малыш усыновленный. Мы сделаем все, чтобы он был счастливым!» На каждое письмо надо ответить, и не сухими, казенными словами, а такими же, идущими от сердца, как эти.

А что сообщить по поводу такой просьбы? «Нам нужна девочка от 6 месяцев до года. Хотелось, чтобы она была симпатичной». Или вот еще такое требование: «Мы живем в Прибалтике. Тут все дети — блондины, а мы с мужем брюнеты. На очереди (получить приемного ребенка.— Г. К.) стоим здесь год, но пока безуспешно. Очень просим помочь нам найти черненького ребенка...» А семья военнослужащего из Азербайджана, наоборот, хочет беленького ребенка. Соглашается даже на двойню. Только чтоб непременно были беленькие.

— Вдруг беленькие через три-четыре года станут шатенами? — улыбается Екатерина Ивановна.— Гарантии ведь мы дать не можем.

В осенние дни 1913 года страницы газет и журналов были полны сообщений о катастрофе, случившейся с английским пассажирским пароходом «Вольтурно» в Атлантическом океане. Судно следовало из Роттердама в Северную Америку, и, когда оказалось почти в 1 300 милях от побережья Европы, на нем вспыхнул пожар.

В те дни о трагедии «Вольтурно» писал и русский еженедельник «Огонек». В одном из номеров появились фотографии, рисунки и репортаж специальных корреспондентов журнала, посвященные этому событию. На обложке — рисунок: пылающий «Вольтурно» вот-вот исчезнет в морской пучине. В корреспонденции «Трагедия в океане» говорилось:

«...Девять океанских кораблей, принявших сигнал «SOS», окружили горящий пароход, но ни одна шлюпка не осмелилась приблизиться к борту «Вольтурно»... Так шло «спасение» погибающих, обезумевших в панике людей, пока не подошло русское судно «Царь». Русские моряки отважно бросились на шлюпках к объятому пламенем пароходу, преодолели штормовые волны и сняли с «Вольтурно» 102 человека».

Репортаж, опубликованный в «Огоньке», выделял среди экипажа русского парохода капитана Смилтниека и старшего штурмана Земтура. Мы читали журнал полувековой давности, всматривались в фотографии, и нам хотелось верить, что хоть кто-то из мужественных моряков еще жив. Как интересно было бы их разыскать! И вот по поручению «Огонька» мы отправляемся туда, куда пятьдесят лет назад редакция журнала направила навстречу героическому экипажу своих репортеров, — в балтийский приморский город Лиепаю.

Кстати, на близнецов все чаще поступают заявки.

Но вот ответ обдуман, написан, отправлен. Он означает всего лишь начало переписки, начало истории человеческой судьбы. Завязывается заочное знакомство с будущими родителями. От них поступает множество медицинских справок, рекомендаций, характеристик. Наконец, первая встреча. Казалось бы, она только для проформы, все ведь готово... Но иногда и от нее очень многое зависит.

...Перед Екатериной Ивановной худенькая молодая женщина. Когда она наклонилась, чтобы поднять упавшую со стола бумажку, бледное до синевы ее лицо покраснело. Врачи ей запретили рожать: здоровье не позволяет. Все нужные документы при ней, все они в порядке. И все же Екатерина Ивановна не решается. Мягко, но настойчиво отговаривает. Она так еще молода: двадцать с небольшим лет. И муж молод: только что защитил диплом. Как пойдет у них жизнь?

В другой раз явится к ней пышущая здоровьем женщина, разодетая и разукрашенная в пух и прах. И снова какой-то внутренний голос подскажет Екатерине Ивановне спросить у посетительницы:

— Ясно ли вы представляете все тяготы, которые ожидают вас? Бессонные ночи, они непременно ведь будут. Детские шалости, быть может, плохие проступки... Будете ли вы волноваться за них, переживать за каждую двойку?.. И потом быть вместе: везде, всегда. Не станете ли тяготиться? Вам придется и стирать и готовить... Я вам не отказываю сейчас, но советую: подумайте еще.

И часто посетительница больше не показывается.

А вот за этих — лаборантку и слесаря — Екатерина Ивановна совершенно спокойна. Оба сияющие от счастья, они не просто вошли в комнату, в которой неизвестно, что им скажут, а ворвались шумно и весело, как к своим старым друзьям. И то ведь они здесь третий раз. Приезжали в 1963 году. Супруги живут в волжском городе. Знакомились с Екатериной Ивановной. Потом через полгода смотрели мальчугана. А теперь уж прибыли за ним самим.

— Чудный парень! Представляете, узнал нас! Помнит, сыночек!

— А что ж вы так издалека? — интересуюсь я.

— Вы знаете, у нас в городе нет детей, которых можно было бы взять на усыновление. И в Харькове нет и в Туле нет. Три года ездили, искали, наконец дождались своей очереди. Большое вам спасибо, Екатерина Ивановна!

— Сто семидесятый в этом году,— замечает Е. И. Самсонова, когда за радостными супругами захлопывается дверь.

— Скольким же вы детям подобрали родителей за время своей здесь работы?

— О, это надо достать архивы, подсчитать!

Трем тысячам семистам пятидесяти малышам стала Екатерина Ивановна своеобразной крестной матерью. Целая армия ребятишек! Людей, жаждущих взять ребенка на воспитание, очень много.

...Улица Пятницкая, 42. Центральный Дом ребенка. В глубине садика двухкрылое светлое здание, окруженное верандами. Поздняя осень. На верандах — кроватки, а в кроватках — спальные мешки.

Ребят, оставшихся без родителей, здесь совсем мало.

Зато к ним наведываются новые мамы и папы — приемные...

По лестнице в белом халате подымается миловидная женщина. Предварительно предупредив меня, чтоб я не называла ее имени, мне рассказали, что три месяца она ходит сюда. Каждый день, каждый день после своей работы. Она помогает сестрам и няням: кормит, пеленает, купает ребят. Она учится выполнять все эти процедуры. Вечерами или утром после ночной смены приходит сюда и ее муж, металлист по профессии. Он тоже трогательно осваивает новую, необычную для него «технику». Скоро эти знания им пригодятся. Ведь они усыновили братишек-близнецов и через несколько дней заберут их домой.

Некоторые родители, однажды породнившись с домом на Пятницкой, хотят расширить эти узы. «Пишут вам знакомые по Пете. Мы хотим знать о судьбе Оли Ивановой. Как с ней решился вопрос? С Петей все в порядке. Ходит в детский сад, готовится к праздникам. Просит себе сестренку...»

Бальмонт, том первый

— Зайдите в рыболовецкий колхоз «Большевик»,— посоветовал нам начальник порта О. Куделя.— Там у колхозников есть фотография капитана Земтура, да и сам он живет здесь поблизости.

В колхозе «Большевик» мы встретились с бывалыми моряками Яном Грантом и Таливалдом Фрицкаусом.

— Это именно он, Ян Николаевич Земтур! — с явным удовольствием рассказывали они о фотографии.— Тот самый Земтур, который первым повел шлюпку к пылающему «Вольтурно». Старый революционер...

И нам захотелось побольше узнать о его революционном прошлом. Мы пришли в Лиепайский общественный институт истории, созданный местными историками, краеведами, моряками... Познакомились там с патриотами своего города — с партийным работником Л. Дукулем, доцентом Г. Фрейбергом. Они предоставили нам материалы о революционном прошлом Лиепаи.

Латышские моряки — социал-демократы доставляли в старинный балтийский порт на торговых судах из-за границы ленинскую «Искру», марксистскую литературу и оружие. Вместе с теми, кто мужественно боролся за великое дело ленинской партии, был и Я. Н. Земтур. До наших дней сохранилась фотография, запечатлевшая группу активных участников революционного движения в Латвии. Познакомились мы и с воспоминаниями старого большевика Я. Лутера-Бобиса, автора книги «Страницы жизни революционера-подпольщика». Он рассказывает о том, как моряки помогали большевикам переправлять в Россию нелегальную литературу и оружие. Автор воспоминаний тепло упоминает об отважном Я. Земтуре.

...И вот мы встретились с капитаном. Рыбацкий поселок Папе расположился у самого моря возле маяка. Стоило назвать имя Земтура, как юный рыбак привел нас к деревянному домику на пригорке. Дверь открыл седой как лунь старик. Небольшая комната напоминает корабельную каюту. На письменном столе — радиоприемник, барометр, часы, газеты. На стене — карта, полки с книгами.

Как начать с 84-летним капитаном разговор о событиях полувековой давности? Да и помнит ли он те дни? Нет, старый моряк ничего не забыл.

С минуту Ян Николаевич молча всматривается в пейзаж, открывающийся за окном маленького дома, словно там сейчас может возникнуть картина пережитого. Потом начинает свой рассказ:

— Сигнал бедствия с горящего английского парохода наш радист услышал, когда мы возвращались из Нью-Йорка в Лиепаю. Капитан Смилтниек решил немедленно идти на помощь. Вскоре мы увидели силуэт горящего судна.

К тому времени, ночью 10 октября, вокруг «Вольтурно» собралось девять иностранных кораблей, откликнувшихся на сигнал «SOS». Но нас поразило, что ни одно судно ничего не предпринимает для спасения мечущихся по палубе людей. Капитан Инч, мужественно боровшийся с пожаром на борту «Вольтурно» (он получил сильные ожоги) и многократно умолявший своих коллег — англичан, немцев, французов — направить спасательные шлюпки, одну из радиограмм заключил такими словами: «Ради бога, сделайте хоть что-нибудь!»

Капитан Смилтниек не стал выжидать ни секунды. Он отдал команду лечь в дрейф и спустить шлюпки. Первых пятнадцать человек с «Вольтурно» я принял в свой бот.

Забыв об опасности и усталости, экипаж нашего корабля торопился спасти как можно больше людей с «Вольтурно». Всю ночь к борту горящего парохода ходили шлюпки, которыми командовал я и мои товарищи — штурманы Яновский и Саулслей. А на рассвете мы увидели, что и с остальных судов начали спускать шлюпки. Вслед за нами спасением потерпевших бедствие занялись англичане, немцы, французы, голландцы...

Когда мы прибыли в Роттердам, многотысячная толпа с восхищением приветствовала в порту экипаж нашего парохода. Прощаясь, люди с «Вольтурно» обнимали нас и горячо благодарили. Помню, несколько человек, размахивая фуражками, закричали: «Ура, русские!» Голландские газеты тогда писали: «Русские снова отличились своим человеколюбием перед глазами всех наций, как это уже было однажды во время землетрясения в итальянском городе Мессине».

На память о тех днях мне осталась вот эта вещь,— говорит Ян Николаевич, доставая шкатулку красного дерева.— Это футляр от серебряного бинокля, который мне подарили.

На металлической табличке выгравирована надпись: «Правительство Великобритании преподносит этот дар Яну Николаевичу Земтуру, штурману парохода «Царь» из Либавы, в знак высочайшей оценки его отваги и гуманности, проявленных при спасении команды и пассажиров парохода «Вольтурно», потерпевшего кораблекрушение в северной части Атлантического океана 9 октября 1913 года».

Капитан Ян Николаевич Земтур прожил жизнь, полную честного служения людям.

Есть у него старая записная книжка. Если перелистать ее истершиеся по краям листки и прочитать скупые заметки, найдется не одно событие, достойное того, чтоб о нем рассказать.

Записи 1904—1905 годов. Отрывочные, иногда просто загадочные пометки: «Выбрал подарок бородачу ко дню рождения. Вручить 17 июля» или: «Бальмонт. Стихи. Том первый».

Просим Яна Николаевича расшифровать эти записи.

— Да, без объяснений тут, конечно, не разберешься,— улыбается старый капитан.— Понимаете, «бородач» — это мой друг-подпольщик, а «подарок» — кипа марксистской литературы, которую я должен был передать ему 17 июля на очередной явке. А стихи Бальмонта... Ну, тут секрет такой. Когда наше судно возвращалось в Лиепаю из заграничного плавания, в порту было всегда полным-полно шпиков. Чтобы они не обнаружили нелегальной литературы, доставленной нами, мы решили прятать запрещенные брошюры под обложки книг модных поэтов — символистов, декадентов. В ту пору я даже прослыл знатоком поэзии: у меня в каюте было множество стихотворных сборников. Жандармы и таможенники с почтением взирали на них, и никому не пришло в голову хоть полистать эти сборники...

Сама биография Яна Николаевича словно увлекательная книга. На какой бы странице вы ни раскрыли ее, всюду взволнует вас мужество, благородство поступков старого моряка. Когда началась Великая Отечественная война, Земтур служил смотрителем маяка в Рижском заливе. Там же работала и его жена Елена Матвеевна. Они были совсем неприметны, скромные люди с маяка, оторванные, казалось, от всех превратностей суровой военной поры. А ночью в прибрежном лесу, на глухой тропе, народные мстители отлично распознавали осторожные шаги женщины в брезентовом плаще. Она приносила партизанам хлеб, медикаменты, каким-то чудом раздобытые патроны. Раненые с нетерпением ждали «морячку», умеющую, как никто другой, бережно сменить перевязку. Приносила гостья и новости с Большой земли, радовала словом правды, услышанным по радио. А узнавала она все это от своего мужа, того самого молчаливого моряка, которого гитлеровцы считали «неопасным».

Ян Николаевич Земтур

Г. БРЕГМАН,
В. ЛУЩЕВСКИЙ

Лиепая — Папе,
Латвийская ССР.

Мистер Джон, строитель.

Любовь. Как и всюду...

Памятник собаке, которая после смерти хозяина прожила на его могиле пять лет и там умерла.

Первая встреча с полицейским.

Лондон.

Вокруг Большого Бена

ФОТОРЕПОРТАЖ Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА.

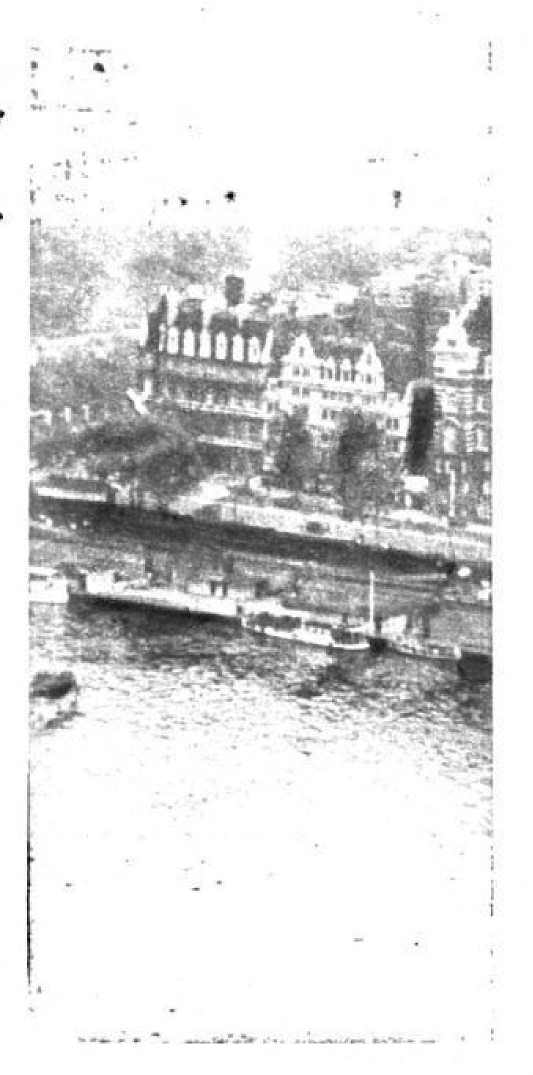
Майкл Грин — молодой англичанин, окончивший недавно университет. Около года он жил в Москве, изучал русскую литературу и русский язык. Каждое утро, входя в номер гостиницы, Майкл задает мне по-русски один и тот же вопрос: «Ну, что будем делать?» «Фотографии»,— отвечаю я неизменно. И мы, нагрузившись аппаратурой, трогаемся в путь.

В течение трех недель, проведенных в Англии (в Лондоне экспонировалась моя фотовыставка), мой попутчик, влюбленный в свою страну и особенно в ее архитектуру, водит меня к различным памятникам и по историческим местам. Все очень красиво и интересно. Но мне очень хочется, чтобы на моих фотографиях, увезенных в Москву, были не только камни. Сегодняшняя жизнь, нынешние англичане, а не только замки XII—XIII веков. Наконец Майкл понимает, что́ мне нужно. И мы начинаем с ним «охотиться» на людей.

...Я стою на Рассел-сквер возле памятника Шекспиру и спешу закончить съемку панорамы. Передо мной на скамейках в сквере сидят люди. Их много, и они очень разные... Кто они? О чем они думают? Что у них на душе?

Теперь в Москве, разбирая фотографии, я вспоминаю встречи и беседы с теми, кого я снял тогда.

Вот фотография молодого парня с ребенком на руках. Это Билл Несбитт. Он учитель русского языка, живет

Когда пушки молчат.

Купить или не купить...

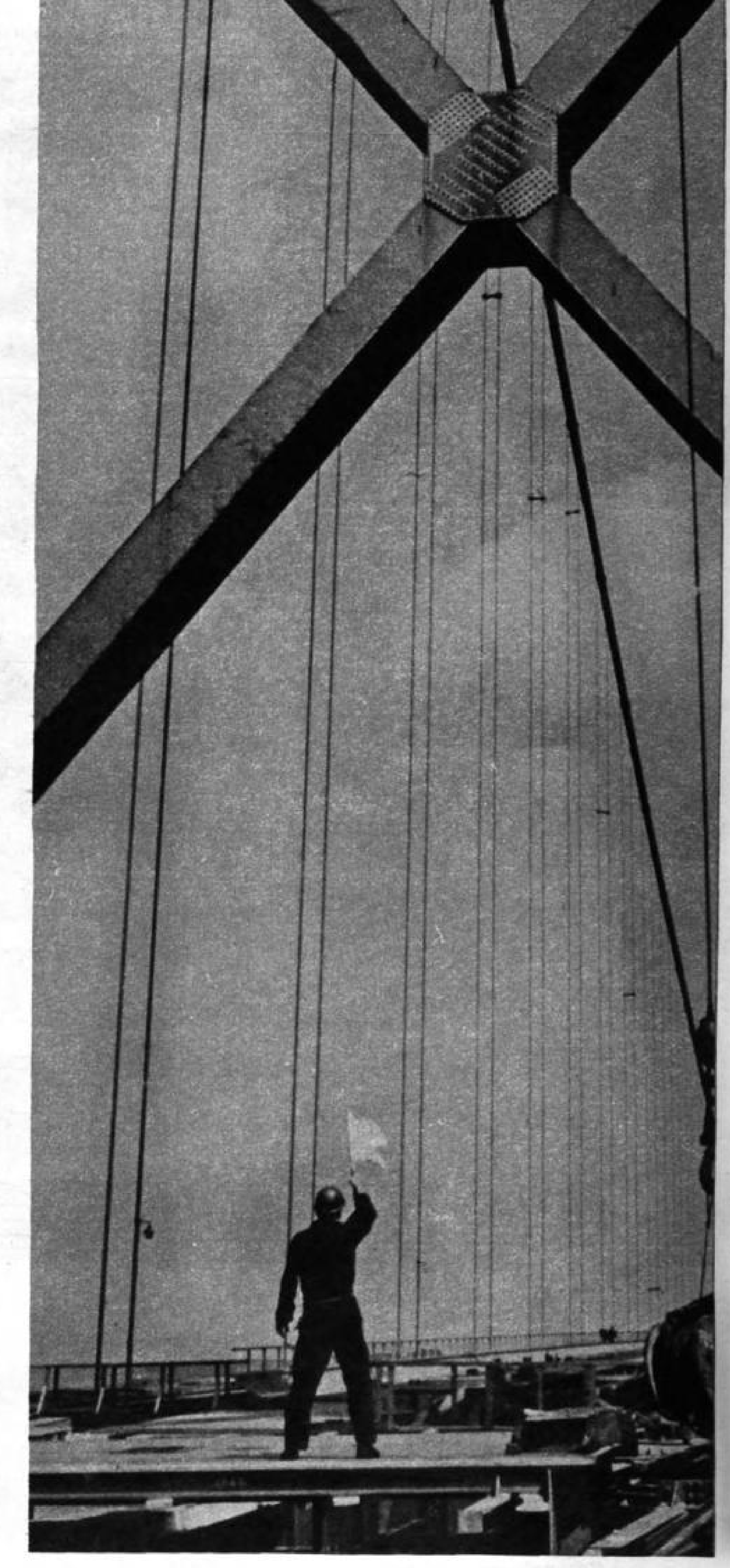
в Харлоу — лондонском городе-спутнике. Я провел в его семье воскресный день. Он показал свою школу, водил нас по улицам городка. Жаловался на трудности преподавания. Говорил, что многие телевизионные передачи мешают воспитанию детей. А вечером, угощая нас чаем, пел русские песни, которые он разучивает с учениками.

Вот рабочие — строители большого и очень красивого моста около Эдинбурга. Они интересовались нашими стройками. Беседы затягивались, срывая намеченную программу моего пребывания.

В Бристоле нас встретил фермер Джон Науман. Джон увез нас к себе на ферму, где среди его многочисленной семьи мы встретились с группой молодежи. Это были студенты из разных стран. Они приехали к фермеру отдыхать и совершенствовать английский язык. Джон Науман оказался полиглотом. Это был очень интересный вечер.

Я перебираю еще несколько десятков фотографий. Рассказать о всех людях, которые запечатлены на них, невозможно. Но я хорошо помню главное, что объединяет их всех, будь то рабочий, школьник, торговец, член парламента, шофер такси. Все они хотели, чтобы наши народы дружили. Все понимали, что доверие, дружба гарантируют самое важное — мир.

О! Вы из Москвы!!

Эдинбург. Здесь заканчивается строительство крупнейшего

Рассел-сквер. Кто они! О чем они думают!

моста в Европе.

Религии тоже не чужда мода...

Беседа затянулась...

Кто не читал Вальтера Скотта!

Билл Несбитт — преподаватель русского языка.

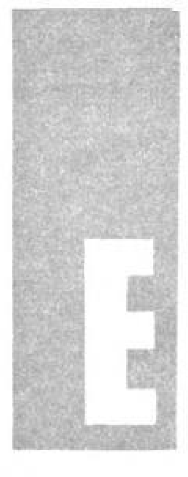
Кавалер трех тысяч пуговиц.

ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ КАРТИН В. А. СЕРОВА

Ник. КРУЖКОВ

Народный ХУДОЖНИК

сли задуматься над тем, что самое главное, наиболее значительное в творчестве Владимира Александровича Серова, что привлекает в нем зрителя, волнует его, вынуждает еще и еще раз подойти к картине, разглядывать ее со всех сторон, то следует сказать, что это — народность его кисти. Манера письма художника проста и доступна. Вместе с тем она лишена упрощенчества и примитивизма. В каждом, даже самом малом наброске чувствуешь мастера, умеющего выразить свою мысль, сообщить зрителю свою взволнованность, свое отношение к жизни, к натуре, к теме.

Ведь нередко бывает так, что приходит зритель на выставку, смотрит картину какого-нибудь модного, с шумным именем художника, слышит вокруг экзальтированные охи и ахи и старается понять: а что, собственно, сказано этим художником? Почему его видение жизни так отлично от моего? Почему кругом ахают, а я остаюсь равнодушным? Зритель наивно склонен самого себя обвинить в невежестве, в отсутствии понимания, доступного только специалистам (как будто картины пишутся для специалистов в живописи, а стихи — для поэтов, а романы — для критиков, наделенных особым даром восприятия!). Между тем все это вздор: правда всегда ясна, ложь всегда туманна; истинна подлинная жизнь, уход от жизни обозначает и уход от искусства. Только доступность, народность искусства делают его важным и нужным обществу. Этой чертой, важнейшей для художника, и отличается творчество Владимира Серова.

Выставка его картин, охватывающая 30-летний период, в сущности, всю творческую жизнь, наглядно показывает, как близок художник к жизни своей страны. Он не уходит в мелочи, в пустяки, в ничтожное и малое, в забавы и игрушки, его влекут темы гигантские, кардинальные, и он решает их так, что, находясь на выставке, невольно задумываешься над всей прожитой жизнью, над тем, что было в ней увидено.

Возникает большой разговор художника со зрителями о революции, о народных судьбах, о нашем неуклонном движении вперед, к целям благородным и значительным — обо всем, что является главной струной нашего бытия.

Серия картин Серова на ленинские темы общеизвестна, знакома она и нашим читателям. Это «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть», «Ходоки у В. И. Ленина», «Приезд В. И. Ленина в Петроград в 1917 году», «С Лениным» и многие другие. Характерна для всех этих полотен слитность вождя революции с народом, с самой революцией. Художник не отделяет Ленина от масс, не ставит его над ними, не рисует образ героя, возвышающегося, подобно скале, а показывает нам Ленина таким, каким он был,— глубоко близким людям, для счастья которых он жил, работал, творил, создавал и строил.

У художника есть немало картин, в которых действуют простые люди революции: рабочие, крестьяне, матросы, солдаты. Они идут на штурм Зимнего, сражаются с белогвардейцами, обсуждают Декрет о мире или Декрет о земле. Ленина нет среди них. Художник оставил его за пределами картин. Но, всматриваясь в них, не видя Ленина, вы ощущаете его присутствие среди всех этих людей, сердца которых, мысли, чувства отданы борьбе за революцию. Дух ленинских призывов взволновал их, зажег в них неугасимый огонь, и незримый Ленин становится зримым — он и в этом солдате в рваной шинели, ждущем сигнала идти в бой, и в этом крестьянине, который думает о земле и вместе с тем думает о Ленине, и в этой простой работнице, лицо которой полно праведного гнева.

Так передать дыхание революционных лет, изобразить эпоху с такой внутренней правдой мог только художник, которому бесконечно дороги и близки время и люди, им изображенные.

Говоря о Репине, Стасов писал, что «его натура, по-преимуществу, клонит его к изображению сюжетов **хоровых**, т. е. таких сцен, где является и действует не единичная личность, не малочисленное собрание особо намеченных личностей, а целая масса их». В немалой степени эта характеристика может быть приложена и к Владимиру Серову. На выставке художника представлена картина «Сибирские партизаны», написанная около 30 лет назад. Тогда Владимиру Александровичу было 23 года. Он в ту пору заканчивал аспирантуру в Академии художеств, и картина явилась его творческим дипломом. Кто же главный в картине, какой персонаж следует выделить? Может быть, эту крестьянку в расстегнутом полушубке, с лицом энергичным и смелым? Она идет впереди, и не страшны ей ни мороз, ни злой ветер, пронизывающий до костей в сдавленной горами долине. Может быть, этого крестьянина в сибирских унтах, видать, бывалого солдата, не раз смотревшего в глаза смерти? Или, может быть, того партизанского вожака, который едет верхом на гнедом жеребце и не то отдает команду, не то просто шутит, чтобы не скучали бойцы на морозе; кругом посмеиваются: видать, соленой была командирская присловка. Нет! Здесь герой картины — весь народ, бросивший теплые избы, немудрящую свою домашность и двинувшийся в бой за правое дело. Еще будучи очень молодым, художник умел изобразить труднейшее — движение массы. И что самое главное — каждый человек наделен здесь своими чертами, он не безлик, угадываешь жизнь любого из участников этого сибирского «железного потока».

Выставка работ Владимира Александровича Серова очень многообразна. Здесь мы наряду с фундаментальными картинами видим портреты, пейзажи, иллюстрации к литературным произведениям, графические наброски, боевые плакаты времен Отечественной войны. Но и в больших и малых работах равно радует талант художника, его мастерство.

Его пейзажи лиричны, нежны, исполнены рукой человека, которому близки краски родной природы. «Погожая осень» с ее облаками, плывущими с севера, поблекшим листом, желтым жнивьем наводит ту сладкую грусть, которая всегда возникает, когда уходит лето и ощущается скорое приближение зимы. Но и зима хороша с ее серебряным убранством, темной зеленью елей, синими тенями, суровым, низким небом — эта пора хорошо изображена в картине «Большой снег».

Картина «Рабочий» проста по замыслу: стоит молодой металлург, задумался, держит в руках книгу, готовится что-то отчеркнуть карандашом. Это сильный человек, способный, что называется, горы своротить. Но самое сильное в нем не мускулы, а пробужденная мысль. Это человек физического труда и вместе с тем размышляющий, думающий, способный и улучшить дело, ему порученное, и прочитать умную, трудную книгу, и стать тем, кем он захочет,— все ему доступно. Это наш, советский рабочий.

На выставке много портретов, написанных художником в разное время. Это все люди, которых хорошо знает и любит художник. Без этого, видимо, и нельзя браться за кисть, ибо портрет не будет полным без раскрытия внутренней сути человека. Внешнего сходства может добиться и ремесленник, внутреннее достигается только истинным художником. Талантливый художник свое отношение к человеку передает и зрителю. Когда смотришь портреты работы Серова, вдруг чувствуешь, что любишь и знаешь этих людей, и они дороги тебе, понятны и близки.

Почему же все так жизненно на выставке картин Владимира Серова? Почему возникают хорошие, добрые чувства у зрителя, появляется желание собраться с мыслями, что-то еще вспомнить, пройтись по залам еще раз? Талант? Да, конечно, так. Но еще и то знание жизни, которым наделен художник, чистота его чувств, правдивость его творчества, чуждого мишуры, мелочности, праздного щегольства.

Жизнь-то у художника была не такая уж легкая. Многое он повидал, многое перечувствовал. Всю блокаду пробыл в Ленинграде, работая до изнеможения, живя в кругу невыразимых страданий и бедствий, на тощем блокадном пайке, от которого ноги подкашивались и кисть падала из рук. Но посмотрите его плакаты, созданные в это время. Каждый из них — точный, снайперский выстрел по врагу.

Поразительны его портретные наброски с натуры, репинские по остроте и пластике. Совершенное владение рисунком, острота характеристик дают художнику возможность и в малой форме решить тему большую и важную.

Трудолюбие всегда сопутствует настоящему таланту. Еще мальчишкой в Весьегонске Владимир Серов говорил всем, кто задавал ему традиционный вопрос «Кем хочешь быть?»: «Буду художником!» И он стал им. Стал большим, признанным мастером, добился этого упорством, неустанным трудом, без чего и немалый талант нередко оборачивается пустоцветом.

Тот же Стасов, пламенный бард русских талантов, говорил: «Только там и есть настоящее искусство, где народ чувствует себя дома и действующим лицом».

Эту мысль великого критика невольно вспоминаешь, когда уходишь с выставки картин В. Серова.

В. Серов. РАБОЧИЙ.

На обороте: СИБИРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ.

В. Серов. ПОГОЖАЯ ОСЕНЬ.

БОЛЬШОЙ СНЕГ.

Вероника ТУШНОВА

* * *

Мало в жизни я повидала,
и цветов мне дарили мало,
и еще почему-то жалко,
что на свадьбе не пировала.
Очень нравились мне наряды,
а ходила в пальтишке драном,
очень в жизни хотелось правды,
а она пополам с обманом.
То обиды, то неудачи,
то душевная непогода,
да разлуки еще впридачу,
да четыре военных года...
Сколько горя, потерь и боли!
Вот бы заново мне родиться,
вот бы взять и своей судьбою
по-другому распорядиться.
Жизнь, направленная искусно,
потечет по другому руслу,
заблестят маяки другие,
полетят облака другие,
в бездну канут,
во мраке сгинут
берега мои дорогие...
Берега, острова, излуки,
наши праздники и разлуки,
и любимое твое сердце,
и надежные твои руки,
и глаза твои дорогие,
и суровые твои брови...
Все, что было у нас с тобою,
все, что будет у нас с тобою.
...Я молчу. Я от счастья плачу.
Ничего не хочу иначе!

ПОДАРКИ

Ты мне серег янтарных не дари,
в Янтарном море дремлют янтари.
Когда-нибудь осенним бурным днем
мы вместе их на взморье подберем.

И ландышей ты мне не покупай,—
за ландышами в твой зеленый край
когда-нибудь поедем мы вдвоем
и вместе по оврагам соберем.

И красных бус мне тоже не дари,—
шиповника лесного набери,
а я шиповник нанижу на нить
и стану, как сокровище, хранить.

...Ты подари большую карту мне,
чтобы гадать по ней,
где на земле,
в какой долине, за каким хребтом
стоит и ждет нас
будущий наш дом.

Ты календарь купи, чтоб в час тоски
могла я перелистывать листки
и думать,
на котором же из них
отмечен красный день
для нас двоих.

* * *

«Всем для тебя пожертвовать готов».
Иные счастливы от этих слов.
Бывало, радовалась им сама,
и невдомек мне было очень долго,
что жертва не от сердца — от ума,
что жертва — попросту уплата долга.

Я поняла лишь через много лет
любви неоспоримую примету:
где есть любовь,
о жертвах речи нет,—
там люди
счастьем
называют это.

ПРОСЬБА

Осчастливь меня однажды,
позови с собою в рай,
исцели меня от жажды,
подышать немного дай!

Он ведь не за облаками,
не за тридевять земель,—
там снежок висит клоками,
спит апрельская метель.

Там синеет ельник мелкий,
на стволах ржавеет мох,
перепархивает белка,
будто розовый дымок...

Отливая блеском ртутным,
стынет талая вода...
Ты однажды ранним утром
поведи меня туда.

Я тебе не помешаю,
я, как тень твоя, пройду.
Жизнь такая небольшая,
а весна одна в году!

Там поют лесные птицы,
там душа поет в груди...
Сто грехов тебе простится,
если скажешь:
— Приходи!

СВОДКА ПОГОДЫ

Где-то в громе и блеске
пролетает гроза,
раскрывают пролески
голубые глаза.
Ты идешь по дороге,
а она далека,
и слетают под ноги
тебе облака.
Ты плечом отряхаешь
с веток перлы дождя,
ты по небу шагаешь,
синевы не щадя,
ты кидаешь окурки
посреди облаков,
ты — в распахнутой куртке,
потемневшей, намокшей,
с головой непокрытой
идешь, мой хороший,
идешь, мой любимый
на веки веков.
Голубые пролески...
Погляди, погляди!..
Никому неизвестно,
что у нас впереди.

. . . .

Я недели считаю,
я в газетах читаю:
«На Смоленщине — грозы...
На Кубани — дожди...»

Издано «Библиотекой «Огонёк»

Есть у поэта свой надел целинный
Среди еще не вспаханных полей,
Где, борозды вздымая, гнет он спину
От первых дней и до последних дней.

Так поэт определяет характер своего труда. Цитата выбрана не случайно: в книге новых стихов Аркадия Кулешова, изданной в этом году «Библиотекой «Огонек», есть много раздумий о месте поэзии в жизни страны, о «безмерной ответственности» поэта «перед людьми, перед самим собой». Этим высоким чувством пронизан весь сборник, им спаяны воедино стихи, казалось бы, совершенно различные по теме, стихи умные, тонкие, отличающиеся богатством поэтических оттенков и точностью образов.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Любителям поэзии адресована и последняя, только что вышедшая книга — сборник стихов советских еврейских поэтов. Четырнадцать разных голосов: горячие, гневные строки Моисея Тейфа, нежная лирика Рахили Баумволь, дышащие глубокой любовью к родной стране стихи Матвея Грубиана — эта маленькая антология разнообразна, насыщенна, по-настоящему интересна.

К 60-летию Николая Островского вышла книга Семена Трегуба «Живой Корчагин». Автор рассказывает о своих встречах и беседах с этим замечательным человеком и писателем, «солдатом всех революций мира».

ЖИВОЙ КОРЧАГИН

Другому советскому писателю посвящена книга Михаила Котова и Владимира Лясковского «Аркадий Гайдар на войне». Фронтовые корреспонденты «Комсомольской правды» Котов и Лясковский работали бок о бок, участвовали в боях вместе с героем этой книги.

Писатель Леонид Гурунц приглашает читателя совершить увлекательное путешествие по Нагорному Карабаху. Его очерковая повесть «Пшатовое дерево» знакомит с интересными людьми, живущими в карабахских селах — Норшене, Чартаре, в «стольном городе Степанакерте», с сегодняшним днем карабахцев, «несущих в себе частицу будущего».

АРКАДИЙ ГАЙДАР НА ВОЙНЕ

«Библиотека «Огонек» продолжает издавать лучшие рассказы советских и зарубежных писателей. В течение последних месяцев вышли сборники рассказов Василия Ильенкова, Константина Финна, Юрия Рытхэу. О человеческих сердцах, самоотверженных и черствых, великодушных и себялюбивых, рассказывает Ильенков в книге «Мирское сердце». В книгу Константина Финна «Большая любовь» включены рассказы, написанные в разные годы. Читатель попадает и на годовой дивизионный праздник, которому не помешал орудийный грохот, и на одну из строек первой пятилетки, и в крепнущий, выходящий на новую дорогу колхоз. Людям Чукотки посвящена книга Рытхэу «Морж раздора». Вышел сборник «Под цветной шапкой» — рассказы одного из крупнейших ирландских писателей, недавно скончавшегося Шона О'Кейси.

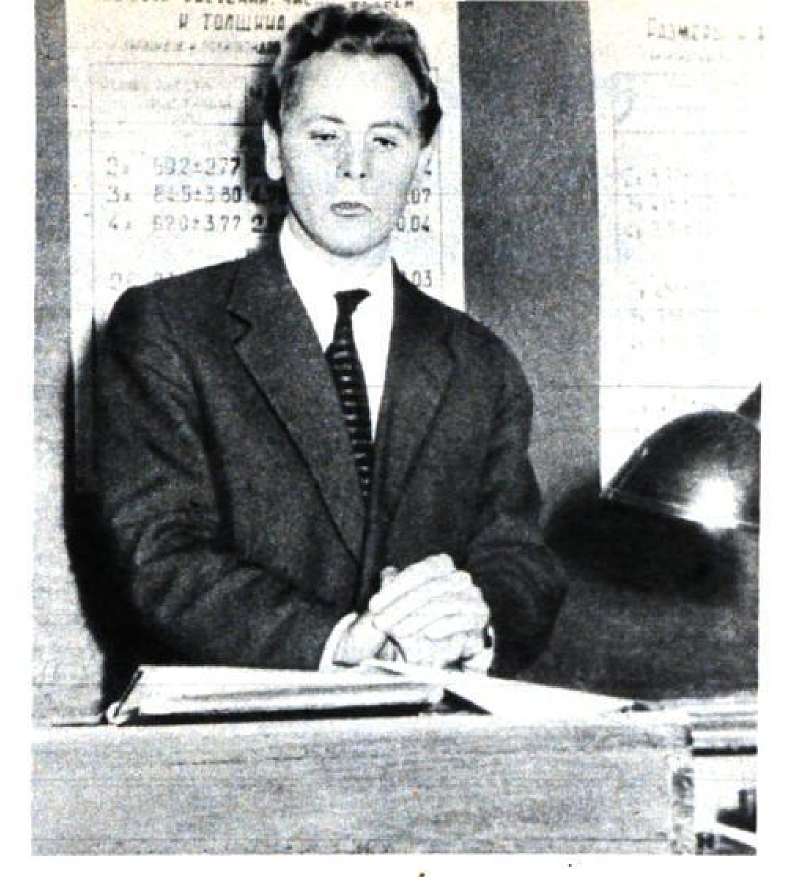
ПОД ЦВЕТНОЙ ШАПКОЙ

Тем, кто любит от души посмеяться, можно предложить веселые рассказы Бориса Ласкина («Душа общества») и сборник юмористических рассказов венгерских писателей под общим названием «Условия развода».

И в будущем году «Библиотека «Огонек» выпустит более чем полсотни книг, интересных и разных.

УСЛОВИЯ РАЗВОДА

В. С. Андреев на защите диссертации.

Призвание

В. ПОЛЫНИН

Как известно, Чарлз Роберт Дарвин стал тем Дарвином, имя которого зазвучало нарицательно, совершенно случайно. Он не думал о том, чтобы сделаться биологом, даже тогда, когда учился в Эдинбургском и затем Кембриджском университетах.

Роль случая в выборе творческого пути невольно приходит на ум в связи с судьбой одного молодого дарвиниста, но уже нашего современника, совсем не знаменитого, совсем не думавшего сделаться биологом и сделавшегося им тоже совсем случайно. Хотя, если вникнуть в его историю поглубже, то не так уж и случайно...

Итак, Валя Андреев в ту пору, когда Валентином Сергеевичем он именовался лишь в впервые полученном свеженьком паспорте, мечтал сделаться дипломатом. Вступительные экзамены в Институт международных отношений сдавал на одни «пятерки». Но случайно схватил «тройку» по иностранному языку.

Вынужденный отказаться от романтической карьеры дипломата, он, отныне безразличный к своей судьбе, вверился житейской мудрости родственников, а те решили, что человеку с его способностями лучше всего пойти в фармацевты.

Точно так же, а именно по стечению случайных обстоятельств, в Московский фармацевтический институт попал Владимир Владимирович Сахаров, имя которого хорошо известно всем, кто в нашей стране (да и не только в нашей) посвятил себя науке о наследственности и изменчивости, или генетике. Дело в том, что к тому времени В. В. Сахаров успел сделать немало для науки, и в частности первым обратил внимание на явление так называемого химического мутагенеза.

Этот несколько мудреный для неискушенных термин относится к интереснейшему явлению. Состоит оно в том, что некоторые химические вещества — Сахаров обнаружил это, работая с йодом,— способны проникнуть в тот сейф живой клетки, где, словно на перфокарте кибернетической машины, закодирована программа, по которой из этой сначала единственной клетки в одном случае получается слон, а в другом — гусеница, в третьем — растение пшеницы с особыми, неповторимыми индивидуальными и в то же время в значительной мере перенятыми у родителей признаками. Химическое же вещество, взятое в определенной дозе, действуя, как кислота на граверную дощечку, вытравляло на природной матрице, с помощью которой одни живые организмы штамповали другие, себе подобные, вытравляло, ретушировало, редактировало, часто ухудшало, но нередко и улучшало некоторые важные пункты наследственной программы.

Обычно селекционеры, работающие над созданием новых пород животных и сортов растений, даже не пытаются создавать новые полезные признаки, неизвестные природе. Оттого до недавнего времени вся селекция сводилась к простой комбинаторике, когда особи с уже известными ценными признаками вовлекались в скрещивание в надежде, что хоть в каком-нибудь из гибридов выпадет (как номер и серия лотерейного билета при крупном выигрыше) или «выскочит» (как выражаются сами селекционеры) счастливый селекционный номер — вариант, который можно будет затем размножить в породу или сорт. Правда, и без предварительного скрещивания в животных и растениях случайно (спонтанно) появлялись уклонения (мутации) от родительского прообраза. Но спонтанные мутации (случайные уклонения) выпадали селекционерам реже, чем крупные выигрыши обладателям лотерейных билетов. И ни один здраво рассуждающий селекционер делать в своей работе ставку на спонтанную мутацию не станет. Применение же химического вещества как мутагена, то есть искусственного средства для получения мутации, как теперь выяснилось, позволяет увеличить число счастливых выигрышей в селекционном тираже в тысячу, две и даже три тысячи раз. Так что при условии работы с большим количеством обработанного химическим веществом исходного селекционного материала создается реальная возможность беспроигрышной игры.

Но теория химического мутагенеза заставляла признать так называемую хромосомную теорию наследственности, по которой той живой матрицей, в которую вносит свои исправления химический мутаген, считаются змеевидные гигантские молекулы — хромосомы, заключенные в клеточном ядре.

Но, на беду Сахарова, заведовать наукой о наследственности стали люди, для которых было проще объявить хромосомную теорию наследственности неверной, чем проверить — а для этого, разумеется, необходимо было предварительно постигнуть удивительно сложную кибернетическую механику наследственного хромосомного аппарата — доказательственную силу накопленных фактов. С хромосомной теорией поступили, как с гордиевым узлом, который, как известно, был не развязан, а разрублен. Было постановлено, что не хромосомы несут в себе наследственную запись, а весь организм и, следовательно, все атомы и молекулы, его составляющие.

Хромосомная теория была изгнана из биологии, а Сахаров, ее приверженец,— из института, где он открыл этот злополучный для него химический мутагенез.

По совпадению, конечно, случайному, Сахаров оказался вне генетики в те же времена, что Андреев — вне дипломатии. Друзьям Сахарова, как и родственникам Андреева, приглянулся фармацевтический институт только из-за его названия. Сахарову посоветовали заняться фармакологией именно потому, что в те времена она оказалась в стороне от эпицентра генетических потрясений. Правда, в фарминституте ученому не могли предложить ничего, кроме полставки преподавателя ботаники, для чего генетику в авральном темпе пришлось навертывать ботанические знания. Зато полставки оставляли много свободного времени для продолжения генетических исследований. Правда, для них в фарминституте не отводилось специальной лаборатории, зато в свободное от занятий время можно было организовать научный кружок, а из одержимых студентов подобрать безвозмездно работающих помощников.

Но Андреев записался в кружок, руководимый Сахаровым, не из любви к химическому мутагенезу и даже к захватывающей самую бесстрастную душу генетике. И не потому, что его не увлекли предметы, преподаваемые будущим фармацевтам. Андреева интересовал Сахаров как человек. Он притягивал Андреева не своими мягкими, словно из XIX века, манерами, не певческим тембром бархатного баса, не глубокими, как морская вода, глазами. Андреева беспокоил вопрос, который неловко было задать Сахарову: оправданно ли его подвижничество? Откажись Сахаров от своих хромосомных взглядов, как сделали многие его коллеги,— не пришлось бы ему жить на низкую зарплату, и не остался бы он за дверью научно-исследовательских институтов, и не рисковал бы, продолжая свои работы полулегально. Конечно, честный человек должен всем жертвовать ради правды. Но почему Сахаров так уверен, что правда на его стороне, когда многие высказывающиеся в печати биологи — а Андреев следил за печатью — не разделяли взглядов Сахарова?

Сахаров не хотел слепых последователей. Он предостерегал тех, кто приходил к нему в кружок, превращенный в научно-исследовательскую лабораторию, что посвятивших себя разработке хромосомной теории скорее ждут тернии, чем лавры. Он специально рекомендовал своим питомцам почаще слушать лекции его научных противников, чтобы они научились по-дарвински терпеливо выслушивать противную сторону.

Поэтому нельзя сказать, что Андреев дипломатничал, если, исследуя в кружке действие различных химических веществ на наследственность, в то же время старался не пропустить ни одной лекции сторонников теории так называемого направленного воспитания, которые считали, что наследственность надо менять путем изменения условий, окружающих растущий организм, и точку зрения которых «Ве-Ве» (так Владимира Владимировича Сахарова зовут за глаза его ученики, а в

глаза — друзья) считал глубоко ошибочной.

Так что, хоть и случайно, но не совсем Андреев очутился на лекции, которую читал директор одного из крупнейших научно-исследовательских биологических институтов, член-корреспондент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Чтобы не осталось сомнений в правдивости этой истории, добавим, что лекция читалась в Политехническом музее, в той аудитории, которая видела Тимирязева и Маяковского, а читал ее директор Всесоюзного института растениеводства И. А. Сизов.

Лекция была как лекция. Андреев, для которого поиски генетической правды сделались навязчивой идеей и который успел переворошить кипы специальной литературы, не нашел в докладе Сизова никаких новых фактов, голосующих «за» или «против» воззрений Сахарова. Но когда лектор сложил в портфель свой доклад, было предложено задавать вопросы.

И тут Андреев показал, что дипломата из него никогда бы не вышло: он смутил лектора бестактным содержанием своих вопросов.

Приводить их здесь, чтобы вы сами смогли определить меру их бестактности, нет смысла. Вопросы эти имели специальный, научный характер, так что понять, почему И. А. Сизова эти вопросы не только смутили, но и оскорбили его академическое достоинство, смогли бы только тонкие знатоки генетики и дарвинизма. Тут важно лишь отметить, что Сизов оказался более способным дипломатом, чем Андреев. Он отвечал Андрееву. Но только это не были ответы на заданные вопросы.

А дальше Андреев повел себя совсем не как дипломат. Он преследовал Сизова, уже спускавшегося по лестнице, он не отставал от Сизова, когда тот уже вышел из подъезда на тротуар. Выручил Сизова богатый опыт полемиста. Встречный вопрос «Кто вас подослал?» заставил Андреева прикусить язык. Но, видимо, это не считалось полной победой, потому что Андреева схватили за руки какие-то неизвестные, и было послано за милицией.

Андреев окончательно онемел.

— Обыщите его,— сказали милиционеру,— это не иначе, как студент из Тимирязевки.

И тут случилось неожиданное для обеих дискутировавших сторон. Милиционер сказал, что не видит оснований для личного обыска, и приказал отпустить руки хулигана, потому что хулиган был не хулиган.

— Он задавал хулиганские вопросы: разве этого недостаточно?

Но милиционеру, оказывается, надо было объяснить, в чем крылся хулиганский характер андреевских вопросов. И так как потерпевший безмолвствовал, милиционер сказал, что ничем не может служить. Единственное, на что он согласился, да и то исключительно из уважения к солидности потерпевшего,— это показать, где расположено ближайшее отделение милиции. Но в милицию никто идти не захотел. Милиционер взял под козырек и был таков.

Так член-корреспондент Сизов и его помощники не узнали, кого им пришлось безнаказанным выпустить из своих рук.

Представляется случай сообщить, что тот самый юнец превратился в научного сотрудника лаборатории радиационной генетики Института биофизики АН СССР, кандидата биологических наук В. С. Андреева. Правда, приоритет этой публикации надо отдать создателю теории химического мутагенеза, доктору биологических наук И. Рапопорту, сотруднику института академика Н. Н. Семенова, который в огромной, почти на полосу статье «Химический мутагенез» в номере газеты «Сельская жизнь» от 22 октября 1964 года сообщил о вкладе В. С. Андреева в науку.

Оригинальность нашего сообщения состоит лишь в том, что В. С. Андреев признает прямую связь между инцидентом, происшедшим десять лет назад перед зданием Политехнического музея, и его решением посвятить свою жизнь генетике.

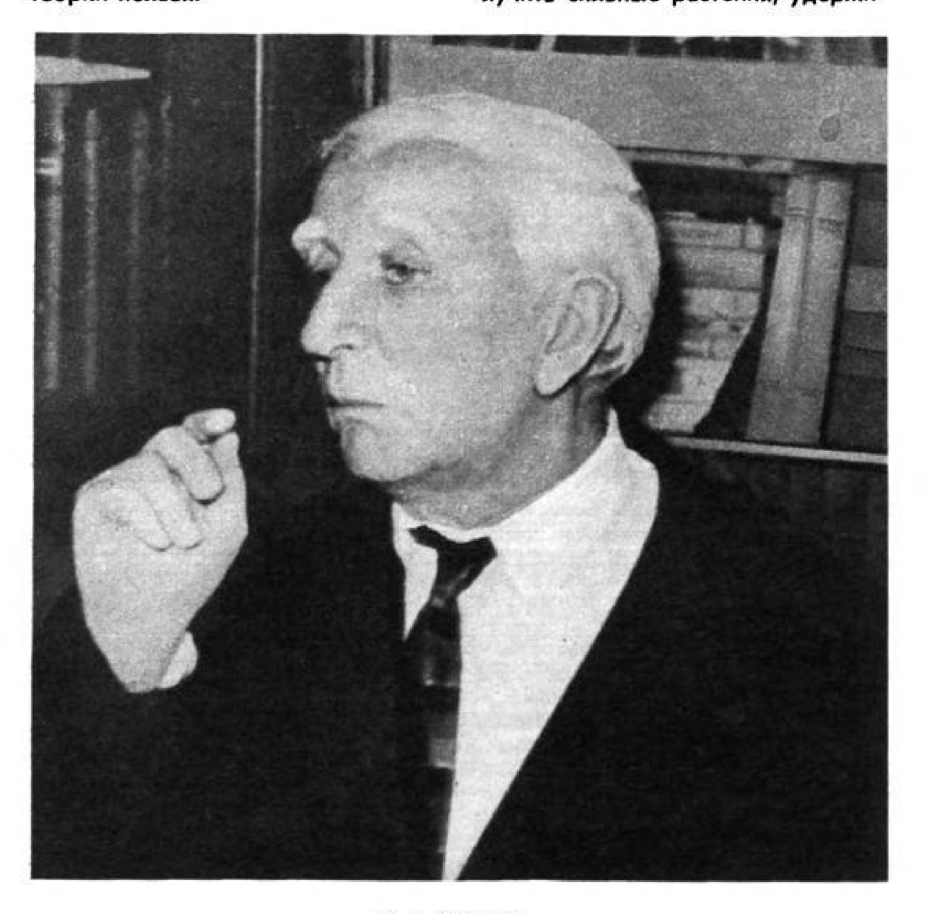
Как же, в двух словах, сложилась дальнейшая жизнь студента, питающего с той поры особые чувства к работникам нашей милиции?

«Ве-Ве» в то время был увлечен интереснейшим с точки зрения теоретической генетики и перспективнейшим для практики явлением полиплоидии. Название сложное, зато суть простая.

Еще на стыке XIX и XX веков русский ботаник Иван Герасимов заметил: если у растений искусственным способом увеличить число хромосом в каждой клетке, это неизбежно приводит к усилению некоторых — и иногда полезных — признаков. Открытие Герасимова долго не использовалось в практике, потому что никак не находилось эффективное средство для увеличения числа хромосом. Как только выяснилось, что такое вещество нашлось — им оказалось медицинское снадобье колхицин,— генетики и селекционеры стали с его помощью творить чудеса.

Раньше не удавалось получать плодовитое потомство от гибридов, полученных при скрещивании различных видов. Было известно, что растительные мулы бесплодны лишь потому, что у их родителей неодинаковое число хромосом. Колхицин позволил подгонять количество хромосом у родителей под общий знаменатель, под нужную для плодовитости норму, и растительные мулы стали сами производить на свет себе подобных. Сделались плодовитыми гибриды пшеницы с рожью. Всем известная лекарственная мята, тысячелетиями не дававшая семян и размножавшаяся человеком только ростками, зацвела полноценными цветками, и селекционеры не только стали получать от нее в полтора раза больше лекарственного масла, но смогли переопылять разные сорта, чтобы отобрать более ценные формы. Увеличив хромосомный набор у дикого неприхотливого картофеля до нормы, свойственной культурным сортам, удалось скрестить дикаря со съедобными видами и перелить съедобным формам неприхотливость дичков. Появились полиплоидные арбузы без косточек, сахарная свекла, дающая сахара на 10, 20, 30, 40 процентов больше, чем лучший неполиплоидный сорт.

Полиплоидия — огромная отрасль генетики и селекции, но уже из сказанного видно, что заниматься полиплоидией и иронически относиться к хромосомной теории нельзя.

В. В. Сахаров.

Когда Андреев слушал лекцию Сизова, Владимир Владимирович Сахаров уже получил с помощью колхицина полиплоидные формы гречихи, гречневая крупа из которой получалась раза в полтора крупнее, чем у обычной. Но Андрееву Сахаров предложил попытаться с помощью того же колхицина умножить количество хромосом у лекарственного мака (институт-то был фармацевтический, и надо было хоть в выборе материала следовать учебной программе) и посмотреть, что из этого получится. И вовсе не с праздным любопытством пристал тогда Андреев в Политехническом музее к Сизову: Андрееву хотелось выслушать противную сторону — как отнесется сторонник направленного воспитания к переделке мака полиплоидным путем. Сизов ответил Андрееву, что полиплоидия — просто ерунда. И гречиха Сахарова — ерунда, и мята Луткова — ерунда, и полиплоидная свекла — ерунда, и пшеничные полиплоиды Жебрака и Писарева — тоже ерунда.

Но Андреев взялся за мак, несмотря на то, что многие работы по получению полиплоидной формы у мака снотворного и в Советском Союзе и за рубежом оканчивались провалом: из 22-хромосомного мака никак не получалась 44-хромосомная форма, которая сохраняла бы 44-хромосомный набор во всех своих клетках и приносила бы 44-хромосомное потомство.

Андреев не был везучим. Мак не поддавался ему, как не поддавался всем. Мак, как плохо тренированный штангист, хоть и поднимал 44-хромосомную тяжесть, но не мог удержать ее и снижал ее до привычного 22-хромосомного уровня.

Годы прошли, прежде чем Андреев опубликовал свою работу, где излагалась методика, с помощью которой удавалось получить сильные растения, удерживающие полиплоидный набор в 44 хромосомы.

Сразу из нескольких стран пришли в СССР запросы на семена полиплоидного мака. Оказалось, что из полиплоидного мака гораздо выгоднее добывать ценнейшее фармацевтическое сырье — морфин, незаменимый в медицине.

Так Валентин Сергеевич Андреев сделался генетиком.

...Можно ли сказать, что так ему на роду было написано? Не больше, чем Дарвину. Случай? Конечно, и даже не один... Пожалуй, все дело лишь в том, что Андреев относится к разряду таких людей, насчет которых один умный человек говорил: «Удобный случай не заставляет себя долго ждать».

Сотворение МИРА

Виталий ЗАКРУТКИН

Рисунки С. БРОДСКОГО.

Засыпанная снегами Огнищанка жила своей жизнью. Своей жизнью жила и поредевшая семья Ставровых. Вскоре после отъезда Андрея в техникум Роман уехал в Ржанск, там начались занятия на рабфаке, а Федора, Калю и Таю отвезли в Пустополье, в ту самую школу, которую окончил Андрей.

Дмитрий Данилович и Настасья Мартыновна остались одни. Нелегко им было в эту зиму. С отъездом пятерых детей дом, казалось, совсем опустел. С утра Дмитрий Данилович и Настасья Мартыновна управлялись по двору. Он шел в конюшню, чистил, поил и кормил лошадей, она доила корову, засыпала корм курам и свинье.

Потом, после завтрака, который обычно проходил в полном молчании, Дмитрий Данилович уходил в амбулаторию, где и просиживал до обеда, принимая больных или бесцельно шагая из угла в угол. Подолгу стоял он у окна, смотрел на засыпанный снегом холм, на темный, поредевший лес на холме, на хатенки в узкой долине.

За шесть лет Ставров привык к Огнищанке, к ее людям, к земле. Но больше всего за эти годы он привык, и не только привык, но и полюбил свой земельный надел, свое хозяйство — коней, корову, плуги, косилку, телегу — все, что было добыто и выращено тяжелым трудом его семьи и что спасло его семью от голодной смерти.

Теперь, после того, как разъехались дети, он понял, что это — начало распада хозяйства и что надо жить как-то по-иному. А как жить, он не знал и не хотел задумываться над этим.

— Ничего страшного,— говорил он жене.— Зимой мы с тобой сами управимся, а летом съедутся ребята, и все пойдет как положено, гуртом ведь даже батьку хорошо бить.

— А весной? — растерянно спрашивала Настасья Мартыновна.— Сеять надо, полоть, огород сажать, поливать. Разве мы вытянем все это?

Дмитрий Данилович и сам понимал, что им двоим будет очень трудно, но не хотел думать об этом.

— Не морочь мне голову,— сердито кричал он жене,— как будет, так и будет!

Вечерами к Ставровым, как всегда, заходил дед Силыч, усаживался в кухне на низкой скамье и, покуривая, топил соломой печь. Одинокий дед тоже скучал по молодым Ставровым, но при Дмитрии Даниловиче избегал говорить о них, а отводил душу с Настасьей Мартыновной.

— Добрые у вас ребята, голуба моя,— задумчиво говорил он, глядя на пылающий в печи огонь.— И хорошо, что вы их к земле приохотили. Человек без земли — все одно что без души.

— Да, конечно,— соглашалась Настасья Мартыновна,— а только теперь придется им отвыкать от земли. Вот выучатся они и разлетятся кто куда.

Опустив руки, она смотрела на деда и, словно не видя его, добавляла тихо:

— Видно, дедушка, кончать нам надо с землей. Не управимся мы с мужем вдвоем.

Дед Силыч ворошил кочергой горящую в печи солому, покачивал головой.

— Оно, конечно, дело, так. Да ведь пока они выучатся, молодые-то, вам их поить-кормить надо. А их у вас четверо и к тому же девочка-сиротка пятая. Как же вы их воспитаете, оденете, в люди выведете? Вам, голуба, без земли никак нельзя...

Субботним вечером к Ставровым забежал председатель сельсовета Илья Длугач. Распахнув шинель, он присел на табурет. Лицо у него было встревоженное и злое.

— Завтра, фершал, приходи в сельсовет на собрание,— отрывисто сказал он,— товарищ Долотов с уезда приедет, доклад будет делать.

— О чем? — спросил Дмитрий Данилович.

Длугач остервенело крутнул жесткий, обкуренный ус.

— Троцкистская сволочь совсем распоясалась. Ты вот послушаешь, чего они на октябрьские праздники натворили в Москве и в Ленинграде. Да и в Ржанске у нас эти гады зашевелились.

Слушая Длугача, Дмитрий Данилович никак не мог отделаться от чувства острой жалости к этому твердому, мужественному человеку. Председатель сельсовета не знал, что его жена Люба, с которой он прожил самые трудные годы — голод, разруху, убожество, была обречена на неминуемую смерть. Длугачу было известно лишь то, что Люба болеет какой-то женской болезнью, и он привык к мысли, что у нее никогда не будет детей, и потому с такой охотой усыновил сироту Лаврика, маленького батрачонка, над которым зверски издевался угрюмый Антон Терпужный. Так же, как прикованная к постели Люба, Илья Длугач души не чаял в мальчишке. Он верил, что больная, молчаливая жена будет жить долго и что они воспитают Лаврика, сделают из него настоящего человека.

Один только Дмитрий Данилович знал, что Люба скоро умрет, что ее «женская хвороба», как говорил об этом Длугач, называется «рак матки» и что уже никакие операции не спасут Любу, потому что болезнь очень запущена. Но Дмитрий Данилович никому об этом не говорил. Теперь, в этот зимний вечер, он только с нескрываемым сожалением смотрел на Длугача и думал: «На черта тебе этот троцкизм и все прочее, если через месяц-другой ты должен будешь пережить самое страшное: потерять жену-друга и вторично осиротить несчастного мальчишку»...

— Когда начнется собрание? — спросил Дмитрий Данилович.

Длугач рассеянно огладил потертый мех кинутого на колени старого треуха.

— Назначено на двенадцать часов, а Долотов обещался приехать к десяти, видно, будет с меня стружку снимать.

— За что?

— За хлебозаготовки. У нас по сельсовету значится недовыполнение больше тысячи пудов.— Длугач сердито хлопнул шапкой по колену.— А все через такую сволочь, как Терпужный, Шелюгин и прочие. Зерна у них года на три хватит, а продавать излишки государству не желают, гады! Я, ежели бы мне полную власть дали, под метлу бы у таких паразитов все вымел.

Председатель сельсовета поднялся.

— Ладно, фершал, пойду. Мне надо еще секретаря своего Острецова повидать, чтоб он все документы к завтрему в порядок привел...

После того как тяжело заболел секретарь сельсовета Гривин, Степан Алексеевич Острецов попросился на его место. С точки зрения Острецова, это было самым лучшим в его положении. Работая в сельсовете, он мог открыто ездить по хуторам, не вызывая никаких подозрений, мог встречаться с парнями своего бездействующего пока отряда, вербовать исподволь новых людей, чтобы в нужный час быть в полной готовности.

С Пашкой ему пришлось примириться, так как его холостяцкая жизнь на Устиньином подворье постоянно вызывала бабские сплетни, разговоры, а ему не хотелось быть предметом постоянной слежки: кто к нему ходит да кто ночует. Ходили же к нему не разбитные девчата и не веселые вдовы, а люди его отряда из разных деревень и хуторов волости. Они приходили по одному, по два, чаще всего вечерами, а свои тайные сборища маскировали игрой в карты. Чтобы избежать слежки, Острецову пришлось скрепя сердце пойти к Терпужному, повиниться перед обиженной Пашкой и вернуть ее в дом.

Когда появилась возможность работать в сельсовете, Острецов вначале заколебался: подбирая себе секретаря, Длугач мог с излишней придирчивостью расспрашивать Острецова о его прошлой жизни, мог даже писать в ГПУ и в конце концов дознаться, что секретарем Огнищанского сельсовета стал не «костинокутский середняк» Острецов, а сотник казачьих войск из бывшего императорского конвоя, белогвардейский офицер, командир террористического отряда «зеленых», поджигатель хлеба в коммуне, организатор убийства двух чекистов и собственной сожительницы — Степан Алексеевич Острецов.

Однако Илья Длугач не стал долго разговаривать. Поддельные документы Острецова о службе в Красной Армии выглядели безукоризненно, на хуторе Костин Кут он жил уже шесть лет, ни в чем предосудительном замечен не был. Да, собственно, у Длугача и выбора не было. Так Острецов стал секретарем сельсовета.

Работал он прилежно, на людях разговаривал мало, был исполнителен и аккуратен. Довольно быстро он привел в порядок запущенные больным Гривиным сельсоветские дела, начал составлять новые подворные списки, очень подробные и точные.

На этой почве у Острецова вспыхнула ссора с «богоданным» его тестем Антоном Агаповичем Терпужным. Когда Острецов, заполняя графу об имуществе, стал вносить в списки все, вплоть до старого каменного катка и хомутов, Терпужный набычился.

Из второй книги романа.

— Ты чего это, Степан? Белены объелся или же шуткуешь со мной? Разве ж нельзя тут хоть какое снисхождение сделать?

— Снисхождение? — вызывающе спросил Острецов.— Нет, уж извините, Антон Агапович. Утаивать я не буду ничего. Мне не хочется из-за какой-нибудь вашей дурацкой повозки, плуга или жеребенка положение свое терять.

Терпужный вспыхнул.

— Тогда вот чего, убирайся ты из моего двора к едреной матери, и чтобы ноги твоей тут не было! Писатель! Ты еще блоху на кобеле опиши да крысу в коморе.

— Вы, Антон Агапович, болван,— жестко сказал Острецов.— Сегодня я описываю ваше имущество не для конфискации. Пока до этого еще не дошло. А когда дойдет, я постараюсь заранее предупредить таких идиотов, как вы.

Не прощаясь, Острецов повернулся и ушел. Терпужный прорычал вдогонку зятю отборную матерщину и долго стоял у калитки, сатанея от ярости.

Зато Длугач остался доволен. Просмотрев начало подворных списков, он внимательно глянул на Острецова и сказал:

— А ты, брат, парень грамотный, с культурой. Я, признаться, и не думал, что у тебя так здорово получится. Вот приедет товарищ Долотов, надо ему показать твою работу.

— Тут работы еще очень много,— сказал Острецов,— но, конечно, познакомить товарища Долотова с тем, что мы начали делать, можно. Пусть он свои замечания выскажет, советы даст, они нам пригодятся...

Председатель Ржанского уездного исполкома Григорий Кирьякович Долотов выехал в Огнищанку в воскресное утро. Настроение у него было мрачное. Всю дорогу от Ржанска до Огнищанки Долотов думал о том, что делается в Москве и в Ленинграде, а то, что там творилось, не предвещало ничего хорошего. Троцкисты и зиновьевцы, давно уже объединившись, действовали вместе. Их попытка организовать свою отдельную демонстрацию в день десятилетия Октябрьской революции означала открытый вызов всей партии, стремление повести массы народа против Центрального Комитета.

Хуже всего было то, что раскольнические действия оппозиционных лидеров в столице повлекли за собой демонстративные выступления их сторонников в разных концах страны. Даже захолустный Ржанск не избежал этой подлой возни, как именовал ее Долотов.

На рассвете седьмого ноября начальник милиции доложил Долотову о том, что на фронтоне народного дома и на стене укома партии вывешены алые полотнища с троцкистскими надписями.

— Сволочи! — отрывисто бросил Долотов.

Он знал, что поджигательские полотнища-призывы могли быть изготовлены и тайком развешаны только по указанию секретаря укома Резникова, который никогда не скрывал своих троцкистских убеждений и, почти не таясь, вербовал себе сторонников в различных партийных ячейках уезда.

В это же утро кумачовые полотнища по приказу Долотова были сняты и отправлены в губком...

Но не только вредная возня троцкистов беспокоила сейчас Григория Кирьяковича. Проезжая деревни и хутора Ржанского уезда, он просил кучера попридержать тройку раскормленных исполкомовских лошадей и, откинувшись к спинке саней, хмуро смотрел на деревенские избы, на засыпанные снегом кривые улицы, на скрипучие колодезные журавли и думал: «Десять лет революции прошло, а деревня мало изменилась. Мужики так же ковыряют землю плужком, так же косят хлеб косами, и пока конца этому не видно. А ведь мужик — громадная сила в стране. Нужно только разбудить эту силу и дорогу ей указать...»

Год близился к концу, а по Ржанскому уезду далеко еще не было выполнено государственное задание по хлебозаготовкам. У многих, особенно у кулаков, хлеб был, но они либо скрывали его, либо прямо говорили о том, что не хотят сдавать зерно по копеечной цене. Секретарь укома Резников предложил с помощью милиции отобрать зерно у зажиточных крестьян, но Долотов категорически воспротивился этому, заявив на заседании бюро укома, что он дойдет до ЦК, но не допустит подобного произвола.

В Огнищанку Долотов приехал в полдень. Люди только начали собираться возле сельсовета. На завалинке, покуривая, сидели братья Кущины, дядя Лука, Николай Комлев и Кондрат Лубяной. Упершись плечом в притолоку дверей, лузгал семечки франтоватый Демид Плахотин, одетый в праздничный полушубок-венгерку и малиновые брюки-галифе. Чуть в сторонке стояли молчаливые бабы с детишками. Опираясь на толстую суковатую палку, по тропинке медленно шел к сельсовету Антон Терпужный.

Долотов вылез из саней, стряхнул с кожаного пальто клочья сена и, по-матросски шагая вразвалку, подошел к мужикам.

— Здравствуйте, товарищи,— сказал он, тронув рукой козырек кожаной фуражки.

С завалинки отозвались нестройно:

— Доброго здоровья!

— Заходите, гостем будете!

— Здравствуйте, товарищ председатель...

— А где Длугач? — спросил Долотов.

— Тут он, в классе, с секретарем своим...

— Зараз скажем ему...

Мужики с настороженным любопытством всматривались в задубевшее на ветру лицо председателя исполкома. То, что Долотов не прикидывался перед ними рубахой-парнем, никого не похлопывал по плечу, а стоял, широко расставив крепкие ноги в грубых смазных сапогах, и только угрюмоватая усмешка слегка играла на его лице, понравилось огнищанам, но вместе с тем еще больше настораживало их. Они переглянулись и замолчали.

На крыльцо школы вышел Длугач в шинели, наброшенной на плечи.

— Прибыли, Григорий Кирьякович? — сказал он, пожимая руку Долотову.

— Как видишь, добрался.

— Так чего ж? Пойдемте обогреетесь трошки, пока народ соберется, а через полчасика начнем.

Долотов глянул на мужиков.

— Спасибо, я не замерз. Вот лучше с вашими огнищанами поговорю, может, у них вопросы ко мне есть.

Чуть отвернув полу пальто, он достал пачку дешевых папирос, зажигалку и присел рядом с Тимохой Шелюгиным, который только что подошел и устроился на завалинке. Несколько раз пыхнув дымом, Долотов негромко спросил, ни к кому не обращаясь:

— Ну, как вам живется, товарищи огнищане?

Стоявший неподалеку Гаврюшка Базлов небрежным движением надвинул на ухо модную клетчатую кепку.

— Это в каких же смыслах, позвольте спросить?

Долотов скосил глаза на оранжевые Гаврюшкины ботинки.

— А вы из местных, товарищ?

— Так точно,— любезно ответил Гаврюшка,— с недавнего времени стал местным. Временно, конечно. Вообще же я городской житель. Мастер модной прически и завивки, парикмахер то есть. А в деревушке этой я одно время культурой ведал, руководил избой-читальней. Но поскольку по идейным принципам не поладил с товарищем Длугачем, то вынужден был оставить этот культурный очаг и вновь заняться парикмахерским искусством.

Мужики стали усмехаться. Засмеялись женщины. Только насупленный Кондрат Лубяной сердито сплюнул, огладил черную седеющую бороду и проговорил:

— Не слухайте вы за ради бога этого балабона, он языком мелет все одно, что овца хвостом.

Яростно глянув на Гаврюшку, Длугач счел нужным добавить:

— Извиняйте, Григорий Кирьякович, он у нас чуточек придурковатый. Не совсем, конечно, а так, из-за угла мокрым мешком прибитый.

Долотов усмехнулся, пожал плечами.

— Ладно. Меня, товарищи, интересует другое: как живет ваша деревня, как работают сельсовет, школа, есть ли в лавке соль, сахар, керосин, спички, гвозди — все, что вам требуется.

В ответ загудели:

— Благодарствуем.

— Лавки у нас нема, в Пустополье ходим.

— Школа, чего ж... В Калинкине школа... У нас нема...

— Товары не завсегда, а все ж таки бывают...

Мужики ожидали, когда наконец уездный председатель заговорит о самом главном, о том, ради чего он приехал сюда. Они не сомневались, что приехал он только для того, чтобы взять у них то зерно, которое они — один больше, другой меньше — придерживали для весенней продажи на ближних и дальних базарах. В то же время все они знали, что сельсовет в целом не выполнил план хлебозаготовок и что его, этот план, при всех обстоятельствах придется выполнять.

Отлично понимая, о чем думают мужики, Долотов спросил спокойно:

— Ну, а план хлебозаготовок у вас выполнен?

— План мы не выполнили,— сказал Длугач.— Одну тысячу сто девяносто пудов еще не вывезли.

— Отчего же? Кто не выполнил? — Долотов испытующе посмотрел на Антона Терпужного.— Вот вы, например, Терпужный, сдали все, что положено?

Шевельнув моржовыми усами, Терпужный сказал хрипло:

— Я-то все сдал, товарищ председатель, даже лишку вывез. На меня начислили триста сорок пудов, а сдал я четыреста десять, все подчистую вымел, только семена оставил...

Антон Терпужный говорил неправду. В двух ямах-тайниках на леваде у него было зарыто пятьсот пудов отборной пшеницы, которую он откладывал от каждого урожая и о которой никто не знал, кроме его жены, дочери и «богоданного» зятя Степана Острецова.

— А вы, Шелюгин, выполнили то, что положено? — обратился Долотов к своему соседу.

— Он тоже вывез на сто двадцать пудов больше,— сказал Длугач,— но хлебушек у него есть.

— Кроме семенного зерна?

Оглаживая голенище хромового сапога, Тимофей Шелюгин проговорил тихо:

— Так точно. Окромя семенного, у меня найдется еще пудов двести пшеницы, ячменя с полсотни пудов и малость кукурузы.

— А чего ж вы не вывезли эти излишки?— спросил Долотов.— Разве государство не платит вам деньги за зерно?

Глаза у Тимохи погрустнели. Он молча глянул на соседей, глубоко вздохнул.

— Оно, конечно, деньги нам платит. А только какие деньги? Ежели же, скажем, зернишко это до весны придержать, цена ему на базаре повыше будет. Продадим мы зерно — и одежду-обувку себе справим, инвентарь поновее купим, плужок там или же сеялку. Нам же, хлеборобам, никто этого задарма не дает.

— Но по мере возможности государству тоже надо помочь,— сказал Долотов,— ведь не на помещика вы теперь работаете, а на себя, и государство у нас теперь свое, рабоче-крестьянское. Не так ли?

Увидев среди огнищан Дмитрия Даниловича Ставрова, Долотов кивнул ему и сказал, поглядывая на Тимоху:

— Вот фельдшер ваш — человек грамотный, разные науки изучал, пусть он скажет: правильно я говорю или нет?

Понимая, что между приехавшим из города Долотовым и огнищанами идет сейчас глухой поединок, Дмитрий Данилович не собирался вмешиваться в разговор председателя исполкома, так как считал, что это вмешательство ни к чему не приведет, но вопрос, обращенный прямо к нему, застал его врасплох.

Он подошел поближе, собираясь с мыслями, и сказал, растягивая слова:

— Государству надо помогать, это верно. Но что у нас, в Огнищанке, получилось? Кто из граждан не вывез хлеб? Самые что ни на есть бедняки — Капитон Тютин, дед Сусак, тетка Лукия, Шабровы. Таких, по сути дела, вовсе нужно было освободить от поставок, а их земельные наделы в списки включены.

— Списки мы пересмотрим,— сказал Долотов,— а излишки зерна, у кого они есть, надо продать государству по твердой цене, а не придерживать для базара...

На собрании Долотов рассказал о международном положении Советского Союза, о легальной и нелегальной борьбе троцкистов против линии партии. Особо остановился он на том, с какой открытой враждебностью Троцкий и его последователи относились к крестьянству.

— Если товарищ Ленин постоянно подчеркивал необходимость теснейшей смычки рабочих и крестьян,— сказал Долотов,— то троцкисты считают все крестьянство контрреволюционным, они склонны любого середняка зачислить в кулаки и сегодня же расправиться с деревней как с силой, якобы враждебной революции...

— А знают ли они деревню? — крикнул с места Дмитрий Данилович.— Кто из троцкистских заправил бывал в деревне и видел труд мужика?

Подвыпивший Аким Турчак сказал хрипло:

— Крепко им это нужно! Они только жрут в три горла тот хлеб, что мы выращиваем, да еще кулаками нас обзывают, подлюги!

Подождав, пока огнищане притихнут, Долотов сказал:

— Между прочим, это верно, товарищи. Ни сам Троцкий, ни его подпевалы в глаза мужика не видели и деревни не знают. И характерно то, что среди троцкистов вы не найдете крестьян. Да и рабочих вы у них не встретите. Оппозиционеры пытаются вербовать себе сторонников среди городских служащих, мещанства, охмуряют учащихся, студентов...

Лицо Долотова потемнело. Он плотно сжал губы и вдруг грубо отрубил:

— Вообще же троцкистам, если говорить о их количестве, хрен цена в базарный день. Наберется их с гулькин нос. Но воду, сволочи, мутят.

Довольно долго председатель уездного исполкома говорил о происках оппозиционеров, об их связях с зарубежными фракционерами, рассказал о предстоящем Пятнадцатом съезде партии, потом перешел к вопросу о хлебе и о задачах деревни. Свое выступление Долотов закончил так:

— Каждая деревня, даже самая малая, не может стоять в стороне от той борьбы, которую партия и народ ведут за будущее. Казалось бы, что такое один лишний пуд хлеба, проданный мужиком государству? Вроде бы ничего, капля в море! А если вспомнить, что у нас в стране двадцать два миллиона крестьянских хозяйств, подсчитайте, сколько можно собрать хлеба, если каждый двор сдаст хотя бы один пуд зерна? Двадцать два миллиона пудов.

Долотов посмотрел на Длугача и сказал:

— Сейчас мы сделаем перерыв на пятнадцать минут. Вы покурите, подумайте, а после перерыва скажите, кто сможет вывезти еще немного зерна, чтобы за вашей Огнищанкой не числилось никаких недоимок.

Один за другим огнищане вышли на улицу, задымили цигарками. В сельсовете остались Долотов, Длугач и Острецов.

Пока шло собрание, Степан Острецов глаз не сводил с Долотова. Поминутно отрываясь от протокола, он всматривался в угрюмое, точно из чугуна отлитое лицо председателя исполкома. Загорелые, обветренные скулы и густые темные брови Долотова, коротко подстриженные, жесткие усы над крепким ртом, тяжелые, жилистые руки, низкий, хрипловатый голос и неторопливая речь — все это пугало Острецова, внушало безотчетный страх.

«Такой не пощадит,— тоскливо подумал Острецов.— Такой шлепнет тебя и не моргнет».

И когда Долотов, выступая перед огнищанами, на секунду задерживал взгляд на Острецове, тот внутренне сжимался. Острецову начинало казаться, что председатель исполкома подозревает что-то, а может, даже знает о его прошлом, что вот сейчас, сразу же после собрания, Долотов шагнет к нему и скажет: «Ну вот что, сотник Острецов, довольно комедию играть. Нам все известно. Следуйте за мной».

Во время перерыва Долотов действительно посматривал на Острецова и наконец спросил у Длугача:

— Товарищ давно у тебя работает?

— Недавно,— сказал Длугач,— он из Костина Кута, человек грамотный, в Первой Конной служил.

— Коммунист?

— Никак нет,— поднимаясь из-за стола, сказал Острецов,— я беспартийный, но считаю своим солдатским долгом служить партии и родной власти, за это я кровь проливал...

В висках Острецова стучала кровь, сердце билось. Ему показалось, что именно сейчас, в это мгновение он должен сделать что-то такое, что доказало бы его преданность Советской власти, иначе конец. И Острецов чуть не вздрогнул от радости. «Конечно! Черт с ним, с тестем, с его упрятанным зерном, с Пашкой».

Оправив командирский пояс на аккуратной гимнастерке, Острецов шагнул к Долотову и сказал, понизив голос:

— Григорий Кирьякович! Хлеб в Огнищанке есть. Только кулаки хоронят его и по доброй воле ни за что не отдадут.

— Кого вы имеете в виду? — спросил Долотов.

— Кулака Антона Терпужного, моего тестя,— твердо сказал Острецов.— Только сегодня, перед самым собранием, я узнал, что у Терпужного на леваде, возле старых верб, в двух ямах зарыто больше пятисот пудов зерна.

Длугач хлопнул Острецова по плечу.

— Вот ты, Степан, и скажи об этом на собрании, нехай этот сучий нос почухается. Припрем его зараз к стенке, оно и для других урок будет.

Помедлив, Острецов сказал:

— Мне не хотелось бы выступать на собрании. Вы знаете, что я женат на дочке Терпужного. Я люблю ее и надеюсь переделать кулацкое ее нутро. А выступление мое отсечет от меня Пашу...

— Дурило ты,— прошипел Длугач,— еще конармейцем называешься!

— Подожди, Длугач,— сказал Долотов,— не горячись.— И, обратившись к Острецову, спросил: — У вас о запрятанном зерне точные сведения? Не подведете вы нас?

— Никак нет,— сказал Острецов,— сведения точные.

— Хорошо.— Долотов подумал.— Можете не выступать. С вашим тестем мы постараемся справиться сами...

Когда огнищане, гася окурки и откашливаясь, вошли и расселись на скамьях, Длугач постучал карандашом по графину с водой и сказал:

— Ну? Кто желает взять слово?

Первым выступил Дмитрий Данилович Ставров. Он давно, ранней осенью, выполнил задание по продаже хлеба, а дома, так же как и другие, придерживал немного пшеницы и ячменя, чтобы весной продать зерно подороже, но теперь, после того, как председатель исполкома Долотов назвал его грамотным, «изучавшим разные науки» человеком, Ставров понял, что он должен подать пример своим односельчанам. Ему было жаль зерна. Те деньги, которые он надеялся получить после продажи пшеницы на базаре, заранее были распределены и предназначены для покупки одежды и обуви пятерым детям и приобретения сеялки. Теперь все это летело под откос, но Дмитрий Данилович, подавляя в себе гнев и горечь, поднялся со скамьи и сказал:

— Что ж тут долго говорить? Зерно наше мы отдаем не помещику и не спекулянту, а своей власти. Конечно, каждый из нас рассчитывал на какой-то излишек зерна, чтобы продать его на базаре, получить деньги и дыры залатать по дому и по хозяйству. Но, видно, придется потерпеть. Я, к примеру, то, что на меня было начислено, выполнил еще в сентябре. Дома осталось немного излишков. Не знаю сколько. На глаз пудов сто наберется. Пятьдесят пудов я завтра вывезу в Пустополье на ссыпной пункт.

— Правильно, товарищ фельдшер,— сказал Долотов,— если есть хоть малая возможность, надо вывезти. Рабочие производят для крестьян одежду, обувь, плуги, заводы строят для всех. Надо и рабочим помочь.

Он, прищурившись, окинул взглядом притихших мужиков.

— Кто последует примеру фельдшера, товарищи?

Стоявший у дверей Тимофей Шелюгин сказал со вздохом:

— Я вывезу сто пятьдесят пудов пшеницы и пудов пятьдесят ячменя.

Вокруг зашумели:

— Щедрый нашелся!

— Ему можно вывозить, голодным не останется!

— Зернишка, небось, полон амбар!

Красивое лицо Шелюгина побледнело.

— Я, граждане, как перед богом. Истинную правду говорю. Последнее вывожу. Можете, если желаете, проверить.

После Тимохи Шелюгина, почесывая затылки и переглядываясь, заявили о готовности вывезти небольшие излишки зерна трое братьев Кущиных, Кузьма Букреев, трое костинокутских мужиков, Кондрат Лубяной, Павло Терпужный, Демид Плахотин.

Пригладив волосы, поднялся Степан Острецов. Он вышел из-за стола, ловким движением оправил командирский пояс на черной гимнастерке и заговорил торжественно:

— Только что выступал бывший конармеец товарищ Плахотин. Так же, как он, я служил в Первой Конной армии, бил белополяков. Довелось мне служить и в славном корпусе червонного казачества у товарища Примакова. Под его командованием мы громили петлюровские банды атаманов Палия, Крюка, Бровы и прочей сволочи. Как почетные знаки тех боевых дней, ношу я на своем теле шрамы после четырех ранений. Кровь моя была пролита за любимую власть рабочих и крестьян...

Помолчав, Острецов закончил тихо:

— У меня тоже есть излишки зерна, оставленные для продажи. Двести тридцать пудов. Пару коней хотелось мне купить вместо покалеченных старых. Завтра я вывезу на ссыпной пункт все двести тридцать пудов до последнего фунта, потому что нет для меня ничего дороже, чем Советская власть...

— Молодец, Степан,— одобрительно сказал Длугач,— только так и поступают красные бойцы.

Долотов давно искал глазами Антона Терпужного. Тот, сутулясь, низко склонив седеющую голову, сидел далеко в углу, прятался за спины мужиков.

— Чего вы там хоронитесь, Терпужный? — сказал Долотов.— Подойдите сюда к столу.

— Мне отсюдова все слышно,— отозвался Терпужный.

— А вы все-таки подойдите. Нам поговорить с вами хочется. И нужно, чтоб люди услышали ваши слова.

Наступила тишина. Все повернулись к Антону Агаповичу.

— Ну чего ты там копаешься? — взорвался Длугач.— Или, может, под ручки тебя до стола довести? Так я быстро доведу!

Держа в одной руке шапку, в другой палку, Антон Агапович прошагал к столу и остановился, грузный, отяжелевший, весь налитый злостью, как бык на бойне.

Кто-то тихонько вздохнул. Кто-то высморкался.

Насупив брови, Долотов долго смотрел на Терпужного.

— Так, значит, Терпужный, у вас, кроме семян, никакого зерна больше нет? — спросил наконец Долотов.

Терпужный не поднял головы, не шевельнулся.

— Я у вас спрашиваю.

Хриплое дыхание вырвалось из груди Антона Агаповича.

— Ничего у меня нету,— выдавил он,— одни семена...

Пальцы Долотова выбивали легкую, еле слышную дробь.

— Так-таки ничего?

— Ничего. Ни зерна...

— А в ямах? — еще тише спросил Долотов.

— В каких таких ямах? — прохрипел Антон Агапович.

Долотов поднялся со стула, подошел к Терпужному, стал совсем близко, лицом к лицу.

— В двух ямах. На леваде. Под старыми вербами,— отчеканивая каждое слово, сказал Долотов.— Сколько там пшеницы зарыто? Пятьсот пудов? Шестьсот? Семьсот?

Председатель исполкома опустил тяжелую руку на плечо Терпужного, и все услышали, как тяжело оба они дышат.

— Что ж, Терпужный, вы сами вывезете это зерно, или, может, вам в помощь кого-нибудь выделить?

Молча оглядел Антон Агапович хмурые лица всех своих односельчан, пытаясь узнать, кто мог заявить председателю исполкома о спрятанном хлебе, но так и не узнал.

— Ну дак чего ж,— кусая вислые моржовьи усы, сказал он,— завтра я вывезу хлеб, весь до зерна... На похороны свои держал я это зерно... Там пятьсот пудов. А меня нехай похоронят без поминок...

С собрания расходились, изредка перебрасываясь скупыми, отрывочными словами.

На следующий день план хлебозаготовок по Огнищанскому сельсовету был выполнен полностью.

И МАЛЫЕ ЗВЕЗДЫ УК

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Еще на аэродроме в Туре меня спросили:

— Рыбу ловите? Отлично. Без хорошего тайменя от нас не уедете. Рановато, правда, приехали. Вода еще большая, и рыба зубы меняет...

Тура. Небольшой поселок на слиянии рек (так и хочется сказать «на углу») Нижней Тунгуски и Кочечумы. Дома деревянные, двухэтажных мало. Мостовых нет. Тротуары тоже из дерева. Летом, когда идут дожди и оттаявший грунт размалывается гусеницами тракторов, грязь непролазная. Но так как ездить в Туре особенно некуда, а строить мостовую на вечной мерзлоте очень дорого, с мостовыми решили подождать. Поэтому пока хлеб по магазинам развозится на тракторных санях, а «Скорая помощь» выезжает на мощном гусеничном вездеходе.

Рыбакам раздолье: какой только рыбы здесь нет! Все разговоры, о чем бы они ни начинались, обязательно сводятся к рыбалке.

— Как вода в верховьях, не упала? Летчики говорят, что рыба еще плохо берет. Врут, наверно. Вон вчера Борисов поймал тайменя на восемнадцать кило.

Спиннинг здесь — такой же бытовой предмет, как у нас портфель или хозяйственная сумка. Без него — никуда.

Но Тура — это еще не вся Эвенкия. Поэтому я охотно согласился на предложение первого секретаря окружкома КПСС Василия Николаевича Увачана поехать с ним по районам. Километров за шестьсот вверх по Нижней Тунгуске заранее заброшен небольшой катер. Мы полетим туда самолетом, а затем спустимся по реке.

Здесь вся жизнь сосредоточена по берегам рек и озер. В глубине тайги никто не живет. Население — один человек на семьдесят пять квадратных километров. Промышленности, кроме графитового рудника, нет. Сельского хозяйства практически тоже. Основное — охота на пушного зверя.

Но будущее Эвенкии — ее недра. Геологов здесь, кажется, столько же, сколько и охотников. Открыты крупные месторождения каменного угля, железных руд, исландского шпата и целого ряда цветных и редких металлов. Пройдет какое-то время, и здесь возникнут промышленные центры, подобные Норильску, а кто знает, может, скоро заговорят и об эвенкийской нефти.

* * *

Юкта — маленький симпатичный поселок у реки на опушке соснового леса. Нас встречает Андриан Семенович Воронин, высокий, худощавый, седой человек. Это один из первых эвенков-интеллигентов. В свое время он закончил институт в Ленинграде и с тех пор работает на Севере. Сейчас — директор здешней зверофермы. Идем смотреть черно-серебристых лис. Ну, лисы как лисы. Летом они выглядят неважно. Зато щенки очень милы. Зверовода Людмилу Семеновну Колесникову мы застали за хирургической операцией. Лисица ухитрилась просунуть через щель лапу в соседнюю клетку, а милая соседка почти напрочь откусила ее. Как говорится, палец в рот не клади. Пришлось лапу ампутировать.

Уезжали из Юкты мы ночью. Но поселок не спал. На спортивной площадке еще продолжалась баталия. Местная молодежь яростно сражалась в волейбол с приезжими геологами.

...После пустынных берегов, где самое большее можно увидеть одинокий чум рыбака, поселок Кислокан воспринимается так же, как если бы мы, скажем, подъезжали по Волге к Горькому или Куйбышеву. В Кислокане живет человек триста: колхозники, учителя, работники метеостанции и связисты. Колхоз «Эвенкия» не из самых больших в округе. Его территория — всего каких-нибудь 48 тысяч квадратных километров (то ли дело колхоз «Путь Ленина» — у того земли более восьмидесяти тысяч). Основные занятия — оленеводство и охота. Улицы — их в Кислокане две — прямые и широкие. Дома просторные, светлые.

Едем, точнее, плывем, к оленеводам. Здешний олень — это обыкновенный домашний скот. Его мясом питаются, из меха шьют зимнюю одежду, на нем ездят. В лесотундре олень незаменим.

Причаливаем. От берега идет чуть заметная тропка со свежими следами оленей.

На небольшой поляне поселок из нескольких чумов. Бегают собаки. Вокруг костров-дымокуров лежат спасающиеся от таежного гнуса рогатые олени. Около одного из чумов две пожилые женщины, искусно подбирая кусочки разноцветного меха, шьют кумоланы — коврики из шкуры оленя. Играют ребятишки. Неподалеку лабаз — небольшой сруб на четырех высоких сваях. Туда складываются вещи и запасы продовольствия, чтобы до них не добрались звери. От людей в тайге ничего не прячут.

Все население поселка высыпало нам навстречу. И стар и мал. Особенно много тех, кто мал. Взрослых мужчин трое. Бригадир Константин Егорович Егоров. Это один из лучших оленеводов округа, ударник коммунистического труда, сильный высокий мужчина со спокойными уверенными движениями, и два его помощника — Валентин Петрович Монго и Гаврила Васильевич Синягир. У Синягира темное, в глубоких морщинах лицо, озорные глаза и абсолютно детский смех.

— Здорово, бойе! — приветствовал его Василий Николаевич. — Ну что, все поешь?

— Конечно, пою. Раз рот есть, как не петь! Про оленей пою. Про тайгу. Разве плохо?

После традиционного чаепития все окружили расположившегося возле дымокура на оленьем вьюке Василия Николаевича, и он неторопливо начал рассказывать о своих депутатских делах: о последней сессии Верховного Совета, о встречах с государственными деятелями, о поездках за границу.

Увачан не только партийный работник, но и ученый, кандидат исторических наук. Долгое время он преподавал в высших учебных заведениях. Сейчас пишет докторскую диссертацию о народах Севера.

Синягира облепили ребятишки. Попыхивая своей маленькой прокуренной трубкой, он таинственным шепотом рассказывает им какую-то старую сказку.

— Когда земля была такой же маленькой, как кумалан, а небо величиной с бурундучий глаз, жил на земле богатырь эвенк Нургоуль...

Ребята слушают, затаив дыхание.

* * *

Едем на катамаране к геологам. Наш катамаран — змей, а не машина. Соорудил его механик геологической экспедиции Володя Цветков из двух металлических лодок и старого авиационного мотора от «ПО-2». Не так-то просто построить судно вдали от заводов и оборудованных мастерских, а вот он сделал. Катамаран здесь незаменим. Скорость большая, а осадка — несколько сантиметров. Володя говорит, что на нем можно плавать даже по росе. На Севере такой человек, как Цветков, — клад. На все руки. Безоговорочный авторитет для всех здешних механиков и мотористов.

Цветков долгое время работал в этих местах и знает здесь каждый камешек.

— Видите, во-о-он наверху, в скале, вроде пещеры. Это штольни. Мы раньше здесь разведку вели. Эх, и помучились! Отбойные молотки были с бензомоторами. Тяжелые, куда!.. Попробуй полазай с ними по скалам! Моторы то и дело отказывают. Тащат их ко мне вниз, в мастерскую — чини! Завожу — как часы. В штольне опять не работают. В чем дело? Потом докумекали. Техника-то импортная, нежная. А у нас что ни день, то минус пятьдесят. Принесут мотор в мастерскую, он отогреется и работает, а на морозе никак. Теперь хорошо, все свое, отечественное. Это без отказа.

Интересный народ — геологи. Вечно чем-то недовольны, вечно ворчат. Все им осточертело: и тайга и комары. А придет весна, и их уже не удержишь в городе. Так и тянет в эту осточертелую тайгу. Взять хотя бы Золотухина. Квартира в Москве, давали большую должность в главке. Не выдержал. Через полгода сбежал обратно, в Туру.

В партии одна женщина-москвичка — Муза Евгеньевна Раменская. В брезентовой робе и кирзовых сапогах она очень похожа на медвежонка. В этих краях работает уже несколько лет. Клянется, что последний сезон. Сомневаюсь. Знаю я этих геологов!

Фотографирую переправу через речку. Люди по пояс в пенящейся воде, навьюченные олени, плывут собаки. Наконец-то живой кадр. Но... Как бы не так! Ехавший на переднем олене проводник эвенк Карп Иванович, увидя фотоаппарат, немедленно остановил оленя посреди реки и принял героическую позу.

В совхозе Нидым мы никого не застали. Олени в тайге, и все люди там.

— Кто есть из начальства?

— Один председатель сельсовета, Константин Ермолаевич Чапогир.

Идем к нему. Он около дома обучает сынишку стрелять из малокалиберной винтовки. Лет Трошке еще мало, но охотнику начинать надо издалека.

Чапогир, слегка прихрамывая, идет нам навстречу. Несмотря на административную должность, он продолжает оставаться охотником и каждую осень на несколько месяцев уходит в тайгу. Для него это не так просто. Нам уже известно, что на войне его ранило в ногу и у него сейчас протез. По самое бедро. А промысел — это сотни километров по тайге на олене учугом или на лыжах, ночевки при пятидесятиградусных морозах. Но он от других не отстает. За прошлый сезон добыл 32 соболя и застрелил медведя. Белки не в счет. Сам он никаким подвигом это не считает.

— Труднее, конечно, без ноги-то, но что же теперь поделаешь? Однако, охотник ведь я.

Всему наступает конец. Завтра — в Москву. Но, видно, и я заразился таежной болезнью. Смертельно хочется еще раз вернуться сюда, к полюбившимся мне людям.

Прощай, Эвенкия, великая маленькая страна!

РАШАЮТ НЕБО

Самолет и олень — основные виды транспорта в Эвенкии.

Вот каких красавцев вырастила Зинаида Александровна Кузанова на Юктинской ферме черно-серебристых лис!

На катамаране, построенном местным умельцем механиком В. А. Цветковым, можно проехать там, где не пройдет ни одна моторная лодка.

Снова БОЙ

Николай ТАРАСОВ

Он привык к победам, к пьедесталу почета, к аплодисментам и цветам, к репортерам, хлопающим его по плечу и словно взахлеб навязывающим свою торопливую, недолгую дружбу. Привык к афишам, где яркими буквами выведено его, вообще говоря, совсем не звонкое имя. Валерий Попенченко. Чемпион Европы по боксу во втором среднем весе. Пятикратный чемпион Советского Союза. Но все это было в Москве, где прошло его нелегкое военное детство, где он болел скарлатиной в больнице у Марьиной рощи, где провалился под лед на Чистых прудах, где прыгал на ходу с трамвая на Трубной площади и где на Сретенке и сейчас живет его мама. Или в Ташкенте, где он учился в Суворовском и получил свою первую золотую медаль — еще не за спорт, а за учебу. Или в Ленинграде, где он стал чемпионом, снова учился, потом плавал на тральщике, а теперь кончает адъюнктуру, готовится к защите диссертации.

Бывал он и за границей. Лондон, Дортмунд, Лодзь... Но все-таки самые главные, самые важные для него бои всегда проходили дома: в Белград и в Люцерн его не взяли; золотая медаль чемпиона Европы досталась ему в Москве.

А здесь, в Токио, все еще было впереди.

У него был семнадцатый номер. И он был доволен жеребьевкой. Это ничего, что бой будет нескоро. Только вчера в Токио приехал его тренер Григорий Кусикьянц. Он плыл пароходом с туристами. Теперь у них есть время осмотреться, войти в привычный ритм, подогнать вес, бросить эту ненужную возню «на лапах», где живого, не желающего быть битым противника подменяют бросающейся под удар «лапой», которая только и делает, что льнет к его умиротворенному, довольному собой кулаку. То ли дело, когда они с Григорием Филипповичем стоят один на один и он, его наставник, маленький и верткий, чуть посмеиваясь и подзадоривая, вызывает его на удар, появляясь то слева, то справа, ныряя и уходя. «Чуть потише, Валера, чуть потише! Я ведь тебе еще пригожусь...»

И так день за днем. У других уже были первые бои, первые победы. А он все гуляет по Токио.

День первого боя всегда наступает неожиданно. Его ждешь, к нему готовишься, а утро застает тебя чуточку врасплох. Вот и сейчас Валерию кажется, будто он чего-то не сделал, что-то упустил.

«Все в порядке. Сейчас пойдем бинтоваться...» Это голос Григория Филипповича. Кусикьянцу давно за сорок. Но есть в нем какая-то юношеская элегантность. Это хорошо, что он здесь. Неважно, что туристом. Важно, что рядом. Здесь, в раздевалке. А через несколько минут там, в зале, за рингом, у красного угла. «Ты только не спеши. Надо хорошенько вработаться. Поиграй с ним подольше. Турнир только начинается...»

Турнир только начинается! Ребята провели уже по два боя. Киселев победил американца. Олег Григорьев вывел из игры олимпийского чемпиона Дьюлу Тёрёка. Идет девятый день Олимпиады, а он только собирается выйти на ринг.

Интересно устроена эта токийская раздевалка. Ему бинтуют руки. Он думает о бое. А там, за тонкой фанерной перегородкой,— его противник. Перегородка не до конца. Вот видны его ноги. Переминается... Что ж, будем волноваться вместе.

Забинтовали одну руку, другую. Судьи поставили штамп на бинтах. Надели перчатки. Зашнуровали. Снова поставили штамп. Всё.

Когда он пришел в этот зал впервые и оказался случайно где-то под самой крышей, втиснувшись на единственное свободное место в проходе между трибунами, «Айс-палас» показался ему гигантской морской раковиной с жемчужиной ринга посередине. Сейчас от раковины не осталось и следа. А жемчужина была под ногами, и он растирал ее канифолью, повернувшись спиной ко всему, что было до ринга, до боя, до Олимпиады.

Они уже пожали друг другу руки. Уже обменялись улыбками. Махмуд. Такое имя встречается и у нас. Но у пакистанца это фамилия. Гонг! И вот уже медленно мутнеет молочно-белый стакан секундомера, подвешенный над рингом, похожий на детскую погремушку и как бы процеживающий время.

«Поиграй с ним подольше...» А как играть, если он все время кидается в атаку? А как играть, когда удары доходят и потрясают? Сбавить темп, уменьшить силу?..

Потом он рассказывал: «Первые несколько секунд я был как бы не в своей тарелке. Нервничал. Он кидается, а я не бью. Наконец встретил его серией. Правой в голову и левой сбоку. И все стало на свои места. Нокдаун. Отсчитали. Снова бой. И снова я ударил его правой в голову, левой сбоку и правой с шагом назад. Он упал не сразу. Пошатнулся, стал падать на меня. Вот, собственно, и все. Второй нокдаун. Третий был уже ни к чему».

...Он вошел в этот олимпийский турнир, как входят в осеннюю морскую воду после того, как долго гуляют по берегу и осторожно ступают по мокрой леденящей гальке. Теперь можно и поплавать. Завтра вторая встреча. И снова бой! Покой мне только снится... У Блока это сказано не совсем так и совсем не по этому поводу. Но какая разница! Хорошая все-таки вещь — стихи...

Утром они снова надели перчатки. Тренировка? Нет, репетиция. Надо попробовать все стадии предстоящего боя. Кусикьянц старается быть похожим на будущего противника. Его зовут Даркей. Он приехал в Токио из Ганы. А если бы Даркей проиграл американцу? Тогда был бы тоже негр — Россетте из США...

Потом он рассказывал: «Когда я смотрел на них обоих — Россетте и Даркея — накануне, они мне не показались классными боксерами. Даркей выглядел примитивным бойцом, с очень однообразной техникой. Но когда он вышел со мной на ринг, я увидел перед собой совсем другого человека. Настоящий мужчина.

Такого в нокдаун сразу не пошлешь. Почти на голову выше меня, шире в плечах. Словно отлит из черного металла. Перед боем он двумя перчатками над головой поприветствовал публику, и зал взорвался: «А-а!»

Идет уже второй раунд, но на трибунах тихо. Молчат. Значит, мои дела ничего. Боксирует он в обычной стойке, а сам — левша. Вот почему его удар левой так потряс меня в начале второго раунда! Я всегда хорошо ухожу от прямого левой. Можно сказать, люблю его. Стараюсь крутить вокруг. А тут не успел. Чувствую, идет кровь. Ну, думаю, что-то не так. Надо быть осторожнее...»

Да, это была, может быть, самая трудная его победа.

Третьим для Валерия Попенченко был Тадеуш Валасек. Они уже встречались трижды. И счет был 2 : 1 в пользу прославленного польского чемпиона.

Идет сложная и трудная игра. В польского боксера, как всегда, нелегко попасть: он великолепно защищается. Кажется, просто— прикрыть лицо двумя перчатками и выждать. Но этот прием никому не удается так, как Валасеку. И в трех предыдущих встречах с ним Попенченко израсходовал немало пороха для бесполезных ударов по перчаткам. Сегодня этого не будет! Валасек закрыл лицо, а Попенченко не бьет: торопиться некуда!

Снова бой! И серию ударов Попенченко завершает резким и точным крюком справа. Нокдаун. Попенченко атакует так же свежо и энергично. Ответные удары Валасека не точны... Поляк проигрывает не только в точности и силе, но и в скорости... Вот он пропускает еще один удар... Гонг...

Потом он рассказывал: «Начался третий раунд. Валасек уже не тот. Я слышу, как польский тренер Штамм кричит ему: «Бей справа, бей справа!» А мне только этого и надо. Сейчас он раскроется. И раскрылся! Нокдаун. Встает, шатается. Тут надо было его снимать. Но судья дал доработать. Я его нокаутировал. Да, это был финал в полуфинале. Четырнадцать лет я занимаюсь боксом и в этом бою получил все, что мне хотелось».

До пьедестала почета оставался один шаг. Надо было выиграть еще один бой. Но это был бой с Эмилем Шульцем из ФРГ, который уже испытал однажды силу нокаутирующего удара Попенченко.

Они с тренером даже не смотрели бой Шульца накануне. Кусикьянц, правда, сказал, что смотрел, и даже произносил какие-то слова: «Силен, опасен...» Но Валерию не верилось в то, что Григорий Филиппович действительно видел Шульца на ринге. Маловероятным казалось ему даже то, что завтра он встретится с Шульцем в финале. Должен быть кто-то посильней! И, улыбаясь своей мальчишеской выдумке, он воображал себе какого-то синтетического боксера. Что-то от Даркея и что-то от Валасека. Широкий, как стена. И все закрывается перчатками. Словно опускает забрало — черное на черном лице...

Уже на аэродроме в Москве я показал Попенченко свежий номер газеты «Советский спорт»: «Два удара принесли Валерию Попенченко золотую медаль».

И вот мы в Ленинграде. Русоволосый хозяин дома при полном параде. В черном морском кителе с нашивками старшего лейтенанта. Его серые, глубоко посаженные глаза смотрят то пристально, то рассеянно. На письменном столе олимпийского чемпиона картотека по проблемам кондиционирования воздуха — тема диссертации. Книги, тетради, книги. Среди них одна совсем новенькая, привезенная из Токио,— Юрий Власов «Себя преодолеть». Сборник рассказов. Нравится? Очень. И то, что это написано спортсменом. И особенно название.

Валерий часто цитирует любимых поэтов. «Хорошо, когда стол совершенно свободен для дела!» Кто это написал? Не помню. Да, это и не так важно...

Он показал мне свои токийские трофеи. Золотая медаль олимпийского чемпиона была мне уже знакома. Я видел, как, качнув рукавом кимоно, юная японка подала эту медаль президенту Международной ассоциации любительского бокса — Радьярду Расселу и он вручил ее советскому боксеру. О другом трофее я только слышал. В день торжественного закрытия XVIII Олимпийских игр в Токио члены исполкома АИБА тайным голосованием присудили Валерию Попенченко звание лучшего боксера Олимпиады и переходящий приз.

Вот он, Кубок Вала Баркера. На гранях постамента — имена героев ринга последнего тридцатилетия. И среди них впервые имя советского боксера: 1964 год — Попенченко (СССР). В тени массивной серебряной чаши — литая фигурка золотого боксера после победы. Перчатка поднята вверх.

Несколько дней Ташкент жил по футбольному времени. О футболе говорили всюду: на улицах и в семейном кругу, на работе и во время отдыха, днем и даже ночью. У гостиницы «Ташкент», где жили гости узбекской столицы, приехавшие посмотреть «золотой матч» между тбилисскими динамовцами и московскими торпедовцами, далеко за полночь шли дискуссии о том, как поделят между собой золото и серебро два футбольных лидера нынешнего года.

Этот матч начался вечером 18 ноября, когда над стадионом из-за восточной трибуны уже поднялась в небо луна, круглая, как футбольный мяч, и золотая, как медаль чемпиона. Но игру можно было смело начинать раньше, потому что уже за полтора часа до свистка судьи трибуны были полны. И вот грянул футбольный бой, начался драматический спортивный спектакль в трех актах.

1

2

С ЗОЛОТОЙ

1 Первый тайм не дал результата. Надежда на победу продолжала греть сердца болельщиков обеих команд. Торпедовцы атаковали острее, но и противники их не собирались уступать поле боя. На 11-й минуте второй половины В. Щербаков, обойдя трех тбилисцев, забивает отличный гол. Казалось, он мог решить победу.

2 Но не так думали тбилисцы. Во второй половине они играют лучше. И. Датунашвили мастерски забивает гол, подавая угловой. Шаповаленко не смог уберечь ворота от этого удара. На перерыв команды уходят со счетом 1:1. Счет равных соперников.

3 Третий акт футбольной драмы решил судьбу чемпионата. Торпедовцы играют без дирижера — В. Иванова. Это заметно. А тбилисское «Динамо» находит новые силы для атак. Сначала Датунашвили, а потом Месхи заставляют Шаповаленко дважды нагибаться за мячом в сетке своих ворот. И вот последний гол сезона: С. Метревели забивает одиннадцатиметровый.

4 В. Воронин («Торпедо») еще полон надежд.

5 Мандариновый венок, привезенный из Грузии, болельщики вручили перед началом матча капитану тбилисцев Ш. Яманидзе.

6 А после игры М. Месхи получил подарок от узбекского болельщика — тюбетейку.

7 Санитарная машина появилась на поле не из-за травмы игрока: два болельщика не выдержали напряжения и упали в обморок.

8 Первые поздравительные телеграммы.

9 В одном самолете из Ташкента летят два мастера советского футбола. Впереди у них игра в одной команде — сборной СССР. У С. Метревели — золотая медаль, у В. Иванова — серебряная. Торпедовцы с полным основанием рассчитывали на высший титул: создав команду из молодежи, они провели сезон ярко и интересно. Но и тбилисцы по праву показали себя достойными золотых медалей.

10 Чемпионы впервые — и заслуженно!

4

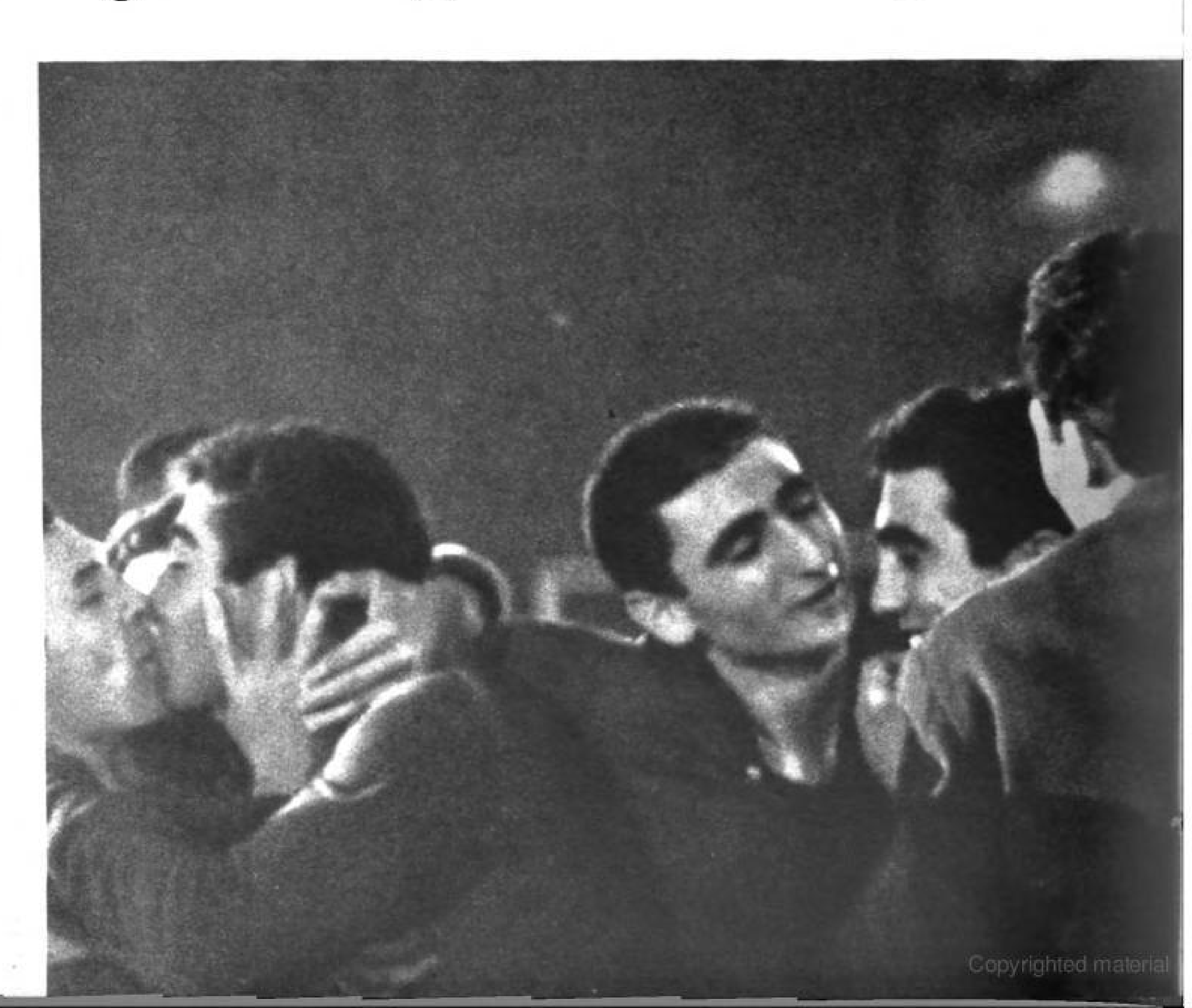

5

6

Динамовец — спартаковцу:

— ...Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?

Рисунок Н. Елинсона.

3

ПОБЕДОЙ!

Репортаж ведут специальные корреспонденты «Огонька» А. БОЧИНИН и А. СЕРБИН

7

8

9

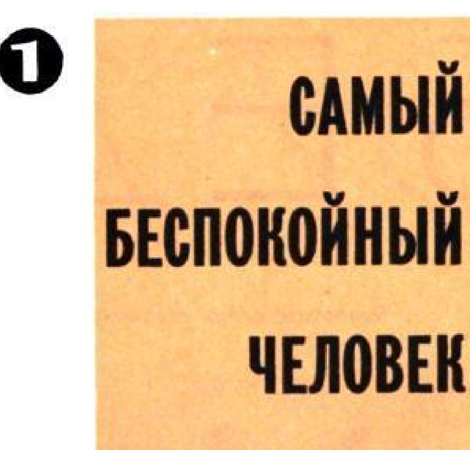
10

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

1 САМЫЙ БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

История, рассказанная Билли Боркером в пивной «Маккетс-Инн», в Сиднее.

— Знаешь, Билли, твои рассказы надо записывать.

— К чему? Все, что пишут,— ерунда, с начала до конца выдумано. Вот мои истории — чистая правда.

— Зато, если бы ты записал их, ты мог бы стать знаменитым литератором.

— Нет, дружище, на это надеяться не приходится. Писатели-австралийцы в Австралии всегда не у дел. Им одна дорога — за океан. Как говорится, нет пророка в своем отечестве. А что касается историй, мне тут на днях припомнилась одна. «Самый беспокойный человек на свете» — так она называется.

— Должно быть, интересно. Промочи глотку и рассказывай.

— Так вот, значит. Этому самому парню, о котором речь пойдет, не жилось тихомирно на свете. Все-то он беспокоился, словно ему сверхурочные платили за это дело. Был он чиновник — самая мелкая сошка в самом большом учреждении на Мартинплейс [1]. Этот малый беспокоился, если счета у него не сходились; а если сходились,— боялся, вдруг ошибся в расчетах. Страшно беспокоился, как бы не вылететь с работы; но и на одном месте долго сидеть боялся: ведь так можно заплесневеть. Сначала ему не давало покоя то, что нет у него телевизора; потом купил телевизор в рассрочку, и новая забота прибавилась: вдруг взносы нечем будет платить! Не было у него детей, и это его очень беспокоило; но тут же он хватался за голову: что будет, если пойдут дети и он не сможет их воспитать подобающим образом! Боялся, как бы жена ему не изменила; но когда никто за ней не ухаживал, тоже беспокоился: видно, такая мымра никому не нужна. То ему вдруг казалось, будто люди о нем судачат, и он места себе не находил. А то, еще хуже, ужасно терзался оттого, что никто им не интересуется.

— Да, действительно, беспокойный был человек.

— Само собой; я ж тебе и говорю, самый беспокойный на свете. Это называется, кажется, комплекс беспокойства — так у парня этот комплекс был будь здоров, сам Винтерсет [2] на нем бы шею сломал.

А больше всего этого парня мучило, если ему не о чем было беспокоиться. До того доходило, что его жена начинала беспокоиться, глядя на него; а он опять же не находил места оттого, что жена беспокоилась. Потом пришло время беспокоиться из-за водородной бомбы, и это доконало беднягу. Пришлось обратиться к психиатру.

— Да, душевные расстройства сейчас не редкость.

— Все дело в бомбе, дружище, да еще в этой крысиной возне из-за денег. Все с ума посходили, только ты да я и остались. Между прочим, ведь и с тобой, честно говоря, что-то странное последнее время творится.

— Спасибо на добром слове. Помог ему психиатр?

— Как же, дожидайся! Еще хуже стало. Новое беспокойство прибавилось: где взять деньги, чтоб оплатить счета психиатра? Словом, дело шло хуже и хуже, под конец он так извелся, что врач решил отправить беднягу в желтый дом. И тут случилась забавная история. Он на паях со своими сослуживцами участвовал в лотерее. Все беспокоился, считал, что не может себе позволить такой роскоши, но отказаться тоже боялся: как бы чего плохого о нем не сказали. Так вот, помереть мне на месте, если вру, его номер выиграл! Он получил десять тысяч фунтов чистенькими.

— Вот и прекрасно! Значит, пришел конец его беспокойствам.

— Не на того напал. Новая беда на него навалилась: что делать с деньгами? Парень ночи не спал: боялся, что его ограбят или попросят взаймы. И вот как-то один сослуживец, видать, большой шутник, говорит ему: «Послушай, и чего ты себя изводишь? Денег у тебя — завались. Почему бы тебе не нанять кого-нибудь, чтоб за тебя беспокоился?» Тот послушался и дал объявление в газету: «Требуется человек для беспокойной работы. Принимаются только опытные. Прекрасное жалованье».

— Прости, но это ты уж слишком...

— Истинная правда, дружище. Больше того, пришел к нему человек по объявлению. Тощий такой малый, физиономия вся в морщинах, и взгляд затравленный, видать, и у него хватало неприятностей. Между прочим, с хорошими рекомендациями. Два раза разорялся в пух и прах, дважды женился, и обе жены его бросили. Это его ужасно огорчало, странно, но факт. Так что он своему будущему хозяину давал очко вперед, если только такое возможно. Само собой, наш-то парень должен был удостовериться, что кандидатура подходящая, не хотел дать маху — денежки он собирался платить немалые. Уж он и так и этак пытал этого претендента, но придраться было не к чему. Под конец он и спрашивает:

«Я вот ногти грызу. А как вы на этот счет?»

Тот и отвечает:

«Разумеется, грызу. И не только свои, но и чужие случалось».

Это, конечно, решило дело. Человек приступил к своим обязанностям, а нашему парню уж больше не о чем стало беспокоиться.

— Надеюсь, с тех пор они с женой зажили счастливо?

— Тут же отправились отдыхать на Барьер-Риф. Теперь его жена, можно ска-

---

[1] Площадь в Сиднее, центр деловой жизни города.

[2] Лошадь, прославившаяся на всю Австралию способностью брать высокие барьеры.

зать, была самая счастливая женщина в Австралии. У мужа никаких беспокойств. Даже ногти бросил грызть. Смотреть приятно, такой стал бодрый, веселый. Только наклевывается какая неприятность — он обращается к своему заместителю по беспокойству. А сам — ни горя, ни забот. Второго такого счастливчика поискать!

— Итак, это история с хорошим концом?

— Вот именно, ты угадал. Однажды жена говорит ему: «Мне бы очень не хотелось беспокоить тебя, милый, только, знаешь, ты очень много выплатил этому человеку за то, что он вместо тебя беспокоится, и теперь все деньги кончились. Мы в долгу».

— Интересно, что же он ответил?

— «Ты обращаешься не по адресу, дорогая,— говорит.— Все неприятности — это уж его забота».

2

ЛУЧШИЙ ДОКТОР В ЮЖНОМ ПОЛУШАРИИ

Записано со слов Билли Боркера в пивной «Дай бог не последняя», в Сиднее.

— Что-то ты сегодня неважно выглядишь?

— Еле ноги волочу, как бездомный пес. Даже больничный лист взял.

— А что у тебя болит?

— Да спину схватило.

— Это старый трюк, испытанный способ получить освобождение от работы с сохранением оплаты. Садись, выпьешь со мной.

— Ну-ну, дружище, ты полегче! На что ж тогда надеяться рабочему человеку, коли и на больничном в свое удовольствие отдохнуть нельзя? К слову сказать, спина у меня и вправду разламывается, только доктор, как и ты, не верит. «Наклонитесь,— говорит,— и поднимите вон ту бумажку». Я, конечно, наклоняюсь, а разогнуться не могу. А он мне на это: «Другого такого артиста, как вы, братец, я не видал со времен Джона Барримора»[1]. Вечная история: именно когда не врешь, тебе ни одна собака не верит, уж не говоря о докторах, которые больничные листы выписывают.

— Видишь ли, врачи вынуждены подчиняться профессиональной этике...

— Ты это брось, уж кого-кого, а меня не проведешь. Такие врачи только затем и существуют, чтоб отправлять больных на работу и тем экономить денежки хозяевам и страховым компаниям.

— Но ведь ты можешь обратиться к другому врачу.

— Да ты, брат, прирожденный защитник капитализма. Но я согласен: за последнее время положение чуть-чуть изменилось. Раньше ведь до чего доходило: пусть ты ослеп, все равно работай, врачу наплевать, даже если ты шофер.

— Ну этому я не верю.

— Точно тебе говорю. Знавал я одного врача; тот объявил трудоспособным шахтера, которому взрывом на руднике Кури-Кури шею перебило. После этого больные шахтеры согласны были пятьдесят миль отмахать до Сиднея, лишь бы к нему не обращаться.

— Неужели ты хочешь сказать, что врачи страховых компаний все, как один, никуда не годятся?

— Не все. Как-то — я тогда на флоте служил — пришлось мне встретить одного врача. Вот это человек был — лучший доктор во всем южном полушарии. Врач судовой компании в Ньюкасле. Хаукинс его звали. Однажды на профсоюзном собрании мы пели «Интернационал», и я охрип маленько. Так он мне на две недели освобождение дал!

— Что-то не верится.

— Точно тебе говорю. У него был железный минимум: болен ты, здоров, все одно — две недели.

— Как же он до такой жизни дошел?

— По-разному объясняют. Некоторые говорят, что когда-то он отправил на судно матроса с аппендицитом, а тот возьми и отдай концы в море в ста милях от Ньюкасла, у маяка на мысе Нобби. Во всяком случае, с той поры врач этот стал всем подряд давать освобождение.

— Представляю, какой популярностью он пользовался у компании.

— Еще бы! Он им был по вкусу, как черту ладан. Зато сталевары, моряки и докеры в нем души не чаяли.

— Не сомневаюсь.

— Да, он отпускал по больничному всех и каждого, можно сказать, невзирая на лица. Придешь, бывало, в больницу — смех один. Шесть докторов! А все, кому нужны больничные, у дверей Хаукинса. Беременные женщины, ну, там еще пенсионеры — кто с насморком, у кого живот схватило — те, конечно, идут к другим докторам. Но бюллетенщики — как один в очереди у Хаукинса дожидаются.

— Вряд ли это честно по отношению к хозяевам, старина.

— Зато уж все в Ньюкасле соблюдали закон о пособиях по болезни. Больных не заставляли работать. И нам не нужно было придумывать, как бы закон обойти. Не к чему растираться щетками, чтоб сыпь появилась, либо кромсать кожу жестянками из-под табака, чтоб сделать «рану» пострашнее. Да Хаукинсу памятник при жизни следовало поставить — мы все так считали. Самый популярный человек в округе был. И все же кое-кто его недолюбливал, в особенности капитаны местных ньюкаслских судов.

— Чем же это объяснялось?

— Очень просто. Стоит судну прийти в Ньюкасл — тут же часть команды бежит к Хаукинсу за освобождениями. А второй помощник и механик должны потом торчать в бюро найма, пополнять убыль в команде.

— Мне бы это тоже не понравилось.

— Был там один шкипер со старого грузового судна «Железная река», Мик Бартон, по прозвищу «Буйный». Тот поклялся разделаться с Хаукинсом, чего бы это ему ни стоило. Буйный Бартон был здоров, как бык, ему и невдомек, что кому-то может занедужиться. «Я покончу с Хаукинсом, а заодно сэкономлю компании изрядную сумму»,— говаривал он.

— По-своему он прав.

— Короче говоря, в один прекрасный день, накануне рождества дело было, приходит старушка «Железная» в Ньюкасл. Конечно, половина команды ноги в руки — и к Хаукинсу; получили справочки — только их и видели. Буйный Бартон рвет и мечет. Старший помощник и механик ежедневно справляются в бюро найма, да ведь время праздничное, кому охота работать. Тут у Буйного терпение лопнуло. Собирает он командный состав на палубе и объявляет:

«Я намерен положить конец этой истории с Хаукинсом раз и навсегда. Сию же минуту иду в больницу. Уж я ему скажу пару теплых слов!»

— Так. Что же из этого вышло?

— Слушай дальше. Значит, Буйный Бартон, не мешкая, пускается в путь. Командный состав остается ждать своего шкипера. Первый помощник говорит: «Шкипер так отделает этого докторишку — долго помнить будет. По крайней мере хоть порядок на судах будет восстановлен наконец». А главный механик в ответ: «Надеюсь, он все же не станет прибегать к насилию». Прошел час, другой — они все торчат на мостике, высматривают шкипера. Наконец видят: идет Буйный Бартон вдоль причала. Едва ступил он на трап, они к нему. «Ну как, вы видели доктора Хаукинса?» — не терпится узнать первому помощнику. «Разумеется, видел»,— говорит шкипер. «Отделали, значит, его по первое число?» «Видите ли, я, оказывается, болен,— отвечает Бартон.— Почки застудил. Спасибо доктору Хаукинсу — на месяц больничный дал. Так что вы уж тут без меня разберитесь».

— А какова дальнейшая судьба Хаукинса?

— Всему хорошему на свете бывает конец. Пришло время — умер наш Хаукинс. Самые шикарные похороны были за всю историю Ньюкасла. Народу сошлось видимо-невидимо. Да, другого такого доктора во всем южном полушарии не сыскать...

Перевела с английского Инна ПОЛЕТАЕВА.

[1] Знаменитый американский актер.

Ясон ГЕРСАМИЯ

Рисунок В. Черникова

ЭКСКУРСИЯ

Мой двоюродный брат Амиран... Да, вы еще с ним не знакомы... Не так ли? Между прочим, Амирана знают все. Ни один житель нашего городка еще не миновал его рук. Вы уже, конечно, догадались: Амиран — лучший парикмахер во всем районе. Только ему наши ведущие красавицы доверяют свои прически. Кроме того, он заместитель председателя нашего профсоюза. Ведь и я член этого профсоюза. Я радиомеханик. Мы с Амираном, моим двоюродным братом, работаем в комбинате бытового обслуживания.

До сих пор не понимаю, почему Амиран не занимает пост председателя. Впрочем, достаточно, что он заведует культурно-просветительной работой. Следует иметь в виду, что наш райцентр расположен в предгорной местности и находится довольно далеко от Сухуми. Но кто организовал духовой оркестр, который на фестивале занял первое место? Амиран. Кто создал кружок шахматистов? Амиран. Кто председатель правления клуба? Конечно, Амиран.

И есть у Амирана враг, Сисак Сурмава. Собственно говоря, не такой враг, который желает Амирану зла. Нет, конечно.

Вас, наверное, интересует, кто такой Сисак. Он банщик. Старший банщик новой прославленной бани! Так вот этот Сисак на любом собрании обязательно сидит в первом ряду. И всегда после доклада или лекции задает вопросы. Все так рады, что наконец окончился доклад, а тут вопросы. Сколько раз его предупреждали: «Сисак, не смей задавать вопросов!»

Не слушает. И вот, когда Амиран делал отчет правления клуба, Сисак опять-таки задал вопрос:

— Скажи, уважаемый Амирай, почему мы ничего не знаем, что делается на Марсе? Тебе бы давно следовало пригласить лектора из Сухуми. Разве я не прав? Отвечай нам.

Вскоре Амиран пригласил лектора.

Надо сказать, добраться к нам, в наш райцентр, не так легко. Дорога пока не асфальтированная, надо пересечь несколько горных речек и не очень надежных «воздушных» мостиков.

Все же лектор приехал. Перед началом лекции Амиран внимательно осмотрел зал. Очень многие пришли на лекцию, чтобы узнать, как идет жизнь на Марсе. Но кого нет? Сисака. Хотя Амиран предупредил его: лекция начнется в семь часов вечера.

Тогда Амиран вскипел, побежал в дом Сисака, вытащил его на улицу и лично повел в клуб. Амиран усадил Сисака в первом ряду, а сам сел рядом.

Лектор попался скучный, так что через несколько минут после начала лекции Сисак стал дремать. Но Амиран не дремал, он незаметно толкал Сисака в бок и шептал ему:

— Слушай... А то я оплачу лекцию за твой счет.

Лектор же продолжал говорить усыпляющим голосом и долго показывал слушателям разные плакаты и схемы. Два часа мучился бедный Сисак...

После лекции Амиран сказал ему:

— Послушай, дорогой, завтра ты проведешь беседу о жизни на Марсе среди работников бани. Я приду послушаю.

— Дорогой Амиран, прости меня... Я ведь ничего не понял из того, что говорил лектор. Честное слово, больше я никогда не буду задавать вопросов.

Недавно Амиран организовал экскурсию в Сухуми. Попросил у директора чайной фабрики автобус и записал желающих... Записался и Сисак.

— Имей в виду, Сисак, тебе придется все время находиться среди нас,— предупредил его Амиран.— Ты, наверное, рассчитываешь, что приедешь в Сухуми и начнешь бегать по магазинам?

— Что ты, Амиран... Я еду с культурной целью...

Приехали в Сухуми. Побывали в разных местах, в ботаническом саду, обезьяньем питомнике, в театре. Вечером домой. И, как назло, километрах в шести от нашего городка испортился автобус... Мы решили: небольшая группа мужчин отправится пешком и вышлет грузовую машину, которая возьмет автобус на буксир.

Пошли впятером: Амиран, Шалва — сапожник, Савле — тоже парикмахер, я и Сисак. По возрасту самый старший среди нас Сисак. Ему ближе к пятидесяти, чем к сорока.

— Посиди в автобусе, Сисак. Куда тебе тащиться ночью по неудобной дороге, — сказал ему Амиран.

— Значит, ты, Амиран, считаешь меня недостойным находиться в вашей компании? Да? Отвечай на мой вопрос! — вскипел обидчивый Сисак.

САЛОПНИЦА ПИШЕТ РОМАН

Бывало так в старину: ходит из дома в дом салопница, вдова какого-нибудь коллежского регистратора, где кусок кулебяки ущипнет, где кофеем побалуется, где наливочкой и разносит сплетни. Всё-то она знает, обо всем осведомлена: кто с кем грешит, у кого дочка забаловалась, у кого богоданный наследничек проигрался. Салопницу обычно кормили на кухне и в гостиную «не пущали»: от старухи душно припахивало сыростью. При этом все знали, что салопница склонна к устным сочинениям, а по письменной части слабовата. И никому в голову не приходило, что салопница может написать роман.

Однако все совершенствуется на свете, усовершенствовалась и салопница. Дожившн до наших дней и сменив салоп на вполне современное одеяние, она взялась за перо и выпустила в свет роман, да не какой-нибудь, а памфлет.

Имя современной салопницы — Иван Шевцов, название романа — «Тля». Состоя в числе деятельных бутербродников при художниках, околачиваясь в передних, забредая иногда по небрежности хозяев в гостиные и спальни, припадая волосатым ухом к замочным скважинам, современная салопница жадно впитывала в себя слухи, сплетни, обрывки разговоров и, по-своему, на свой салопный манер воспринимая их, накопила отвратительную кучу мусора, которую и вывалила на страницы своего романа.

Нынешняя салопница вовсе не прежнее, хоть и противное, но в общем простодушное существо, какое нам известно по литературе. Нынешняя салопница облачается в одежды светлые, она на страже, она неуклонно бдит денно и нощно, она за высокое, благородное искусство, она за Репина и Крамского, она против всяких модернистов, к каковым, впрочем, невежественно причисляются все, кто не полюбился салопнице. Салопница, таким образом, оборачивается чистым спекулянтом, играющим на хороших чувствах людей, любящих искусство. В таком виде салопница опасна.

Нет нужды пересказывать роман Ивана Шевцова. Написанный пошлым языком литературных приживалок, он заслуживает быть выброшенным на свалку, но беда в том, что его издали в количестве 100 тысяч экземпляров, да еще снабдив введением, в котором сообщается, что это, видите ли, «боевая, наступательная книга». Тут уж молчать нельзя.

Весь роман представляет собой поклеп на советскую интеллигенцию. Если поверить Ивану Шевцову, то вся она состоит из стяжателей, карьеристов, мошенников, лгунов, лицемеров, плагиаторов, растлителей и хулиганов. Заправляют этим обществом проходимцы, разумеется, модернисты и формалисты, а бедные «положительные герои», стоящие на реалистических позициях, только отмахиваются от них, еле-еле удерживаясь на ногах. Один из них, задумавшись над кознями коварных модернистов, попал под машину, другой, измучившись в тщетной борьбе, заболел, третий, почтенный классик Камышев, на которого, по уверению автора, все богу молятся, сошел на нет.

Разумеется, присутствует в романе и любовь. Неразумная Люся в кудряшках, критикесса из издательства, сперва дает авансы положительному герою Владимиру Машкову, затем меняет его на модерниста Бориса Юлина. Впрочем, положительный Машков, нисколько не растерявшись, вновь отбивает ее у Юлина, после чего сочетается с ней законным браком. Неразумная же Люся в кудряшках с той поры становится разумной и занимает реалистические позиции в области изобразительного искусства.

Положительные герои пьют в романе Ивана Шевцова цинандали и нарзан. Отрицательные предпочитают крепкие горячительные напитки. Горячительным, однако, отдает предпочтение и Камышев, но Шевцов великодушно извиняет его: классик стар. Отрицательные герои развешивают по стенам своих квартир такие сомнительные шедевры, как «Даная» Рембрандта или «Венера» Джорджоне, положительные довольствуются «Родными краями» собственного сочинения. Отрицательные при разговоре «брызгают слюной», «сопят носом», «чмокают губами», «тискают в кулаке бородку», «философствуют монотонным голосом» или «в развязной манере», плетут «паутину клеветы и сплетен»; у них «лисьи лица», «недобрый, бесстыжий взгляд», глаза то «ястребиные», то «мутные», смотря по обстоятельствам, «серые помятые щеки», «жиденькие черные брови». Положительные герои, напротив, имеют «ясные глаза», говорят «негромко, но с накалом», их щеки «заливает густой румянец», и изъясняются они «с тихой грустью в голосе».

Таким образом, нет ни малейшего труда отличить формалиста от реалиста.

Впрочем, и те и другие на протяжении всего романа (довольно пухлого — 284 страницы!) в равной степени оглуплены, ибо мыслями-то их наделила салопница, которая выше своего уровня подняться не могла.

Пишет Иван Шевцов так: «Нинон, обладавшая слабой волей и сильными страстями, прильнула к нему, вовсе не догадываясь, что за бурной деятельностью мужа скрывается натура хищника».

Язык дореволюционного мещанина, преждевременно утомленного средним образованием!

Говоря о зловредных модернистах — формалистах, салопница зачисляет в их ряды и Сезанна, и Гогена, и даже Валентина Серова, у которого один из выдуманных автором лидеров абстракционизма находит для себя «неплохие мысли». Попутно достается Твардовскому, Пастернаку и всем, кто только подворачивается под руку разъяренной салопнице. Желая геройски отличиться, Иван Шевцов бросается на помощь униженным и оскорбленным, по его мнению, Репину, Крамскому и Шишкину, хотя они в такой поддержке вовсе не нуждаются.

Сложный процесс борьбы советской интеллигенции за утверждение принципов социалистического реализма Иван Шевцов пошло свел к склокам, дрязгам, возне вокруг куска жирного пирога.

Пошлость всегда претенциозна. Каждую из своих четырнадцати глав и эпилог автор уснастил цитатами из сочинений весьма почтенных авторов, которым и во сне не снилось, что их могут использовать столь непозволительным образом. Тут и Крамской, и Микеланджело, и Салтыков-Щедрин, и Золя, и Плеханов, и Глинка, и Карамзин, и Гюго, и Репин, и Тургенев, и Фрост. Вот на какие костыли опирается Иван Шевцов! Попробуйте-ка поспорьте с ним. Он все превзошел, все постиг!

В предисловии к роману говорится: «Что ж, борьба есть борьба, и она правдиво изображена в романе писателем беспокойного, «ершистого» характера».

У салопниц «ершистого характера» не бывает: их влечет грязь. И они сладострастно выискивают ее всюду — уж такой у них взгляд на жизнь.

Салопниц не надо пускать в дом. Только и всего!

Ник. НИКОЛАЕВ

— Хорошо. Идем! Но имей в виду, никаких вопросов и жалоб,— сказал Амиран.

Прошли около двух километров. Летние ночи в предгорье очень темные, крупные звезды висят прямо над твоей головой, гор не видно... Пересекли первую горную речку.

Вдруг Сисак опускается на землю и тяжело дышит. Прямо задыхается.

— Что с тобой, Сисак? — спрашивает Амиран.

— Умираю. Прощайте. Ты был прав, мне не следовало идти пешком по такой крутой дороге.

Сисак растянулся на земле и замер.

— Надо скорей нести его в больницу,—сказал Шалва.

Мы бросились в лес и стали ломать молодые деревья. Кое-как ремнями и платками связали носилки, положили на них плащ и осторожно опустили Сисака на носилки. И понесли его. К счастью, Сисак — человек невысокого роста, худощавый; такого нести не так уж тяжело, если бы не горная местность. Но идти пришлось все время в гору в летнюю душную ночь, так что с нас лил пот.

Прошли с километр. Впереди опять речка, которая поворачивает вправо к мостику.

— Перейдем речку по камням, так гораздо ближе будет,— сказал Амиран.

— Опасно,— возразил я.— Мы можем уронить Сисака в воду, тогда поток унесет его вниз и разобьет несчастного о камни.

— Ничего страшного,— сказал Амиран.— Сисак, к сожалению, уже мертв. Я проверил его пульс.

Мы искренне опечалились.

— Тем более нельзя так поступать с покойником. Все же он был неплохим человеком, хорошо относился к людям, добросовестно работал, интересовался жизнью на Марсе,— заметил Шалва.

Чтобы решить этот вопрос — по камням или через мостик,— мы пока что опустили Сисака на землю. Кроме того, надо было решить, кто первым войдет в его дом и осторожно предупредит жену покойника.

— Сандро пойдет,— сказал Шалва.

— Ни за что,— отказался я.

— Тогда Савле.

— Нет, нет... Только не я,— отбивался и Савле.

— Хорошо. Я пойду,— согласился Амиран.

— А что ты ей скажешь? — спросили мы.

— Я ей скажу, что последние слова его, славного супруга, относились к ней... Что он очень любил ее... Ну, пошли... По камням. Вперед!

Мы забрались на камни — я на более высокий, Шалва на более низкий, Амиран на средний, а Савле прыгнул... и не попал на четвертый камень и очутился в воде.

Носилки резко наклонились, и Сисак вмиг соскользнул и полетел в речку... Вдруг мы услышали голос Сисака:

— Ослы! Как вы несете покойника?! Если не умеете, так не беритесь.

Мы выпустили из рук носилки и захохотали.

— Перестаньте смеяться. Подайте мне скорей палку, а то проклятый поток унесет меня и я в самом деле стану покойником!

Пока мы хохотали, носилки уплыли. Сисак продолжал бороться с потоком и ругать нас.

Когда мы наконец вытащили его, он накинулся на Амирана.

— Это ты сбросил меня с носилок? Да? Отвечай мне! — кричал Сисак.

— Не отказываюсь,— спокойно ответил Амиран.— Я пощупал твой пульс и убедился, что ты притворяешься. Но мы не рабы... Теперь проси у всех прощения, иначе мы о твоем поведении завтра расскажем всем.

Сисак вышел на берег, сперва снял с себя одежду, отжал воду, затем попросил у нас прощения. Мы ему дали сухой плащ, и он босой, в одном плаще бежал впереди нас.

Конечно, мы сдержали слово и о проделке Сисака никому не рассказали. И я по секрету рассказываю об этом только вам.

БАЛЛАДА о КОМПЛЕКТЕ

Фельетон

Ц. СОЛОДАРЬ

Посвящаю М. Ф. Коршиловой — директору универмага «Москва», где на днях я пал жертвой «комплектной» покупки.

Сбор трубят в универмаге —
Собран кворум продавцов!
Держит речь, держа бумаги,
Сам директор Молодцов:

— План большой нам сверху дан
Ну и что ж, осилим план!
Слава богу, в части плана
Я, известно, не профан.
Но! —
И, взгляд лукавый кинув,
Говорит:
— Не тот момент,
Чтобы браться вновь за принудительный ассортимент.
Нет, не будем принуждать,
Будем честно торговать.
Только ходкие товары
Будем мы
Ком-плек-то-вать!
Скажем, вам нужны подтяжки,
К ним в комплект войдут легко
Мальчиковые рубашки,
Девочковые гамашки
И борцовские трико.
Скажем, парень покупает
Безразмерные носки.
Он в комплекте получает
Две гладильные доски
И слесарные тиски.
Вам один комбинезон?
И всего? Да что вы, мало!
Мы включим в комплект, пожалуй,
И двойное одеяло
И тройной одеколон.
Те, кому нужны трусы,
Пусть не вешают носы:
Есть трусы!
Но к ним (в комплекте!)
Золоченые часы.
Я предвижу:
Без аврала
План мы выполним сполна,
Будет нам в конце квартала
Сверху премия дана.

Да, предвидит все директор.
Не предвидит только он,
Что ревнителей комплекта
(Некомплектно и комплектно!)
Из торговли
Гонят вон!

КЕФФИ

и ВИНОГРАД

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Да будет вам известно: Кеффи имеет руки, не какие-нибудь там лапы, а именно руки, которые могут орудовать, почти как человеческие. Правда, руки есть у всех сородичей Кеффи, в частности у ее отца Муррея, самого старого вожака павианьего стада Института экспериментальной патологии и терапии АМН СССР, что на сухумской горе Трапеция. Этими руками Муррей раздает оплеухи своим непокорным женам, а также детям, которых у него 387. Руки были и у матери, у Купавы. На этих руках она вырастила Кеффи. И вот теперь Кеффи живет в Сухумском обезьяньем питомнике, общается со своими многочисленными братьями и сестрами и познает мир. В этом ей помогают руки. Но как?

1 В клетку к Кеффи внесли знакомый ящик. Сейчас начнется интересная игра. Заметьте, не дрессировка, а игра, которая повторялась всего лишь несколько раз.

2 Научный сотрудник Людмила Викторовна Алексеева кладет в ящик лакомство.

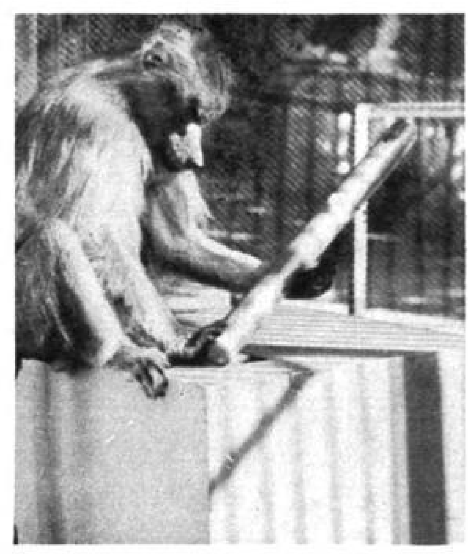
3 Какой же палкой орудовать? Треугольной, шестигранной, квадратной? Все не то.

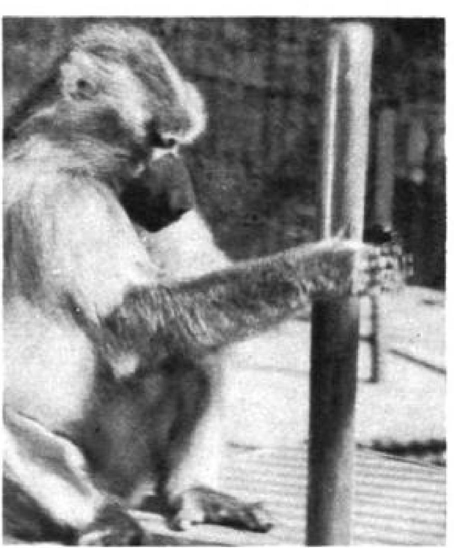
4 Вот она, круглая.

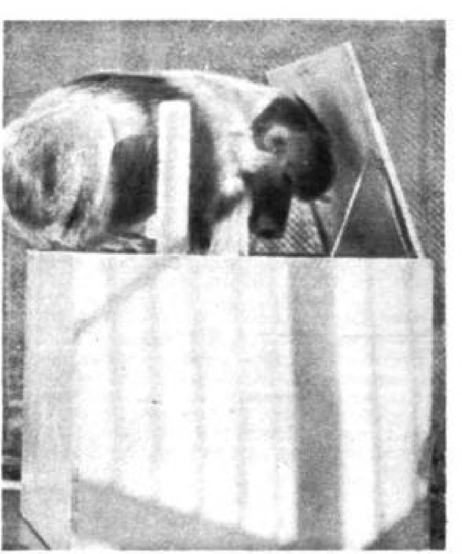
5 Сейчас вставлю ее в эту дырку.

6 Ах, да... Ведь сесть надо с краешка, иначе крышка не поднимется.

7 Прямее, проталкивай до самого конца!

8 Сработала! Крышка открыта! Скорее за наградой!

Забавные мелочи

САМЫЙ ЮНЫЙ СТУДЕНТ

Десятилетний Майк Грост—самый юный студент в американском штате Мичиган, а вероятно, и во всем мире. Майк, отличающийся изумительными способностями в области математики, был принят в университет в качестве вольнослушателя, а спустя год зачислен студентом.

МУДРОЕ РЕШЕНИЕ

После наводнения в итальянском городе Палермо развелось небывалое количество мышей. Члены местного самоуправления собрались на экстренное заседание. Просовещавшись несколько часов, они приняли решение: обратиться с воззванием к жителям города, в котором рекомендовать им обзавестись кошками.

ЗАЩИТА ОТ СОБАК

Как говорят статистические данные, ежегодно около 6 тысяч американских почтальонов во время разноски почты бывают искусаны собаками. Дирекция почт снабдила своих работников защитной одеждой, пропитанной особым порошком, запах которого отгоняет собак.

ШТРАФ ЗА ПРИМЕРКУ

В американском городе Джолиет существует правило: женщина, которая во время покупки в магазине готового платья примерит более шести платьев, должна уплатить денежный штраф.

НОВЫЙ ВИД СПОРТА

В Калифорнии в минувшем летнем сезоне демонстрировался новый вид спорта: водные лыжи были заменены двумя молодыми людьми.

НАКАЗАННЫЙ ОТЕЦ

Британского артиллерийского фельдфебеля Артура Джипсона посадили на два месяца на гауптвахту за то, что «слишком громко выразил» свою отеческую радость. Дело обстояло так: когда Артура известили о том, что его жена родила сына, обрадованный папаша помчался на свою батарею и отпраздновал радостное событие десятикратным салютом из орудия.

В ДОМЕ КОМАНДУЮТ ЖЕНЩИНЫ

Французский институт исследования общественного мнения обратился к мужьям с вопросом: «Кто командует в вашем доме?» Всего было опрошено 500 мужчин. Триста пять мужей ответили: «Моя жена», а 194—«Моя теща». Только один из опрошенных решительно заявил: «Я!» При проверке выяснилось, что этот мужчина уже четыре года назад овдовел.

КОНКУРС НА ГРИМАСУ

Недавно в Великобритании был проведен конкурс на самую смешную гримасу. Победителем в этом необычном состязании оказался пятидесятилетний Таффри Томас из Воркингтона (на снимке с хомутом на шее). Такие соревнования проводятся в Англии регулярно с 1267 года.

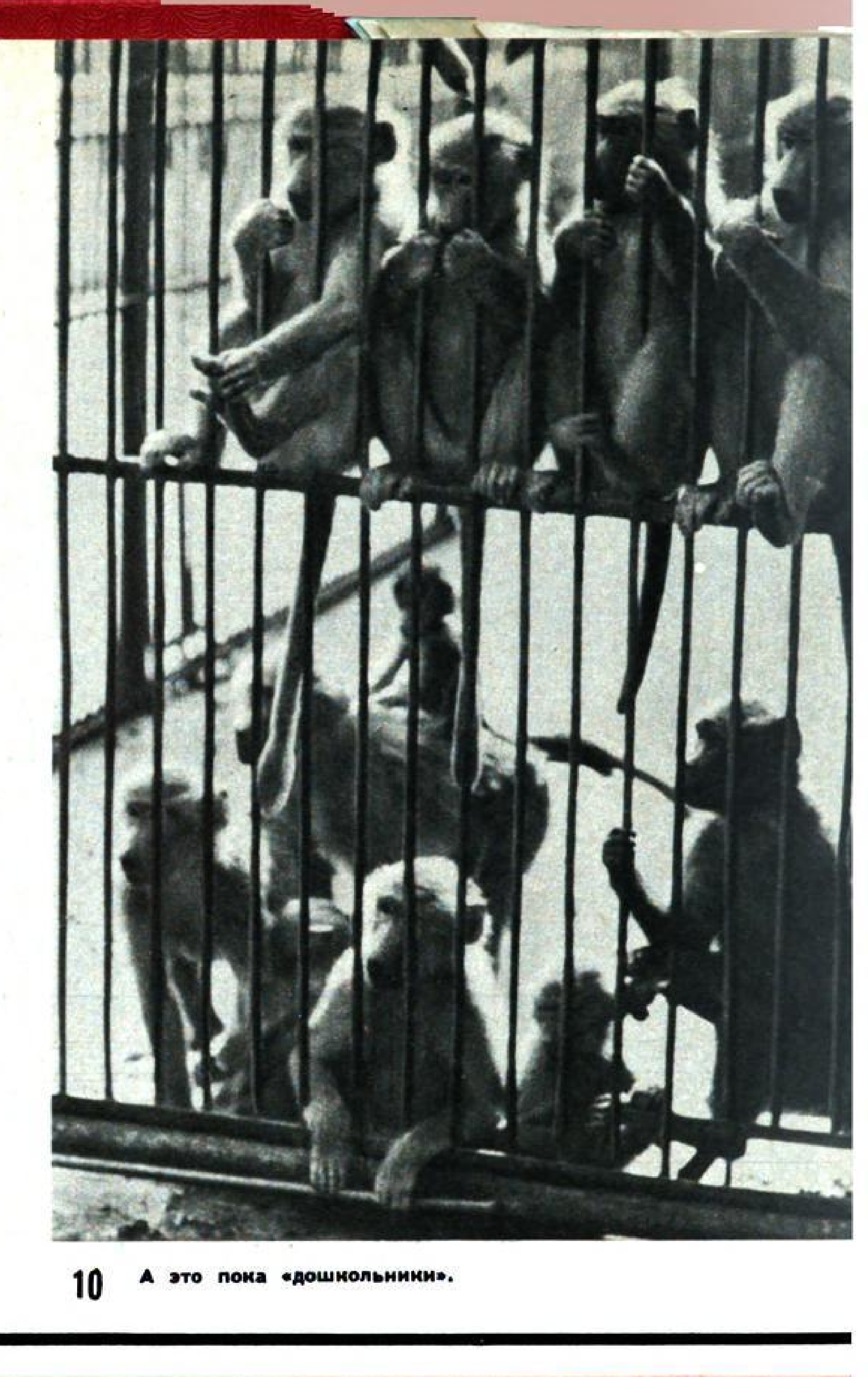
Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

На первой странице обложки: Валерий Попенченко. Фото А. Бочинина.

9 Думать надо, друзья!

10 А это пока «дошкольники».

КАНЦЕЛЯРИЯ В ЛИФТЕ

Бодосаки Атанасиадес, греческий промышленник, в целях экономии времени своих служащих оборудовал свой кабинет в большом лифте, который движется от одного этажа к другому. В такую кабину-канцелярию к нему являются на доклад его сотрудники.

ЧЕЛОВЕК-МИШЕНЬ

Чтобы развлечь своих гостей, владелец одной гостиницы на пляже в Ницце нанял профессионального факира Бен Карти Бея, который разрешает метать в свое тело металлические иголки.

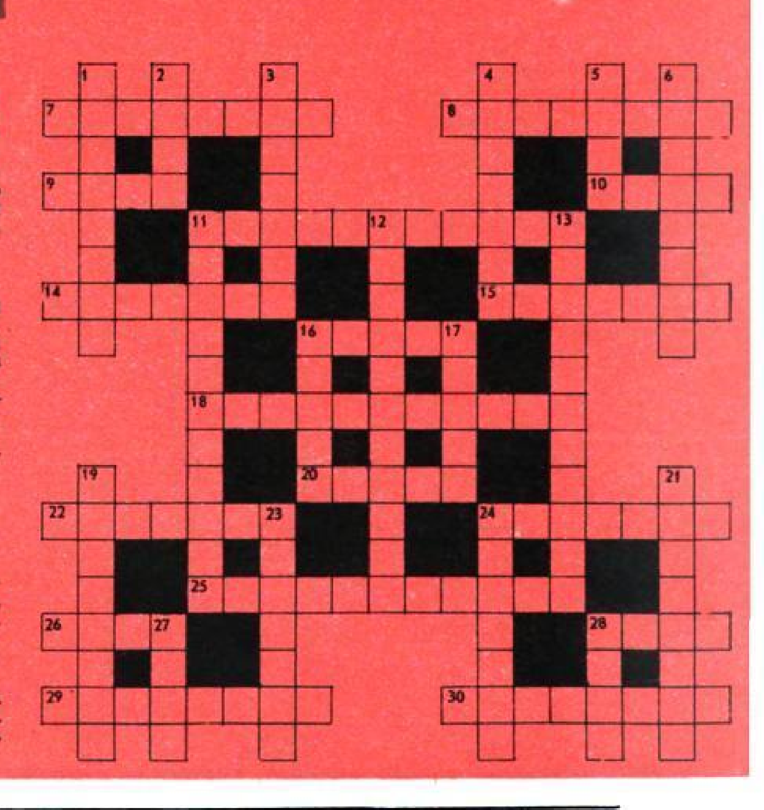
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Опера Дж. Пуччини. 8. Русский поэт. 9. Единица измерения длины. 10. Чешский живописец и график XIX—XX веков. 11. Вещество животных и растительных клеток. 14. Сырье для изготовления искусственного волокна. 15. Порт на Дальнем Востоке. 16. Река в БССР. 18. Рассказ А. П. Чехова. 20. Крыша на опорах. 22. Аллея на городской улице. 24. Учащийся высшего учебного заведения. 25. Талон на право посещения театра. 26. Подъемная машина. 28. Французский романист. 29. Комплект, набор однородных предметов. 30. Заключительная стадия шахматной игры.

По вертикали:

1. Промысловая птица отряда гусиных. 2. Советский скульптор. 3. Географическая координата. 4. Персонаж трилогии К. А. Федина. 5. Двуглавая гора Главного хребта Большого Кавказа. 6. Раздел языкознания. 11. Город в Кузбассе. 12. Молочный продукт. 13. Зодчество. 16. Персонаж «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. 17. Лицевая сторона монеты. 19. Второй экземпляр документа. 21. Группа артистов. 23. Часть парусного оснащения судов. 24. Низкий буфет. 27. Озеро в Эфиопии. 28. Помещение для стоянки и ремонта локомотивов и вагонов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

5. Замбия. 6. Канзас. 9. Ассистент. 10. Лаплас. 12. Аккорд. 14. Рубль. 16. Сюрприз. 18. Лесгафт. 19. Кальций. 22. Якобсон. 23. Аризона. 24. Букса. 26. «Мальва». 28. Вайгач. 29. Мардакяны. 30. Клумба. 31. Льгота.

По вертикали:

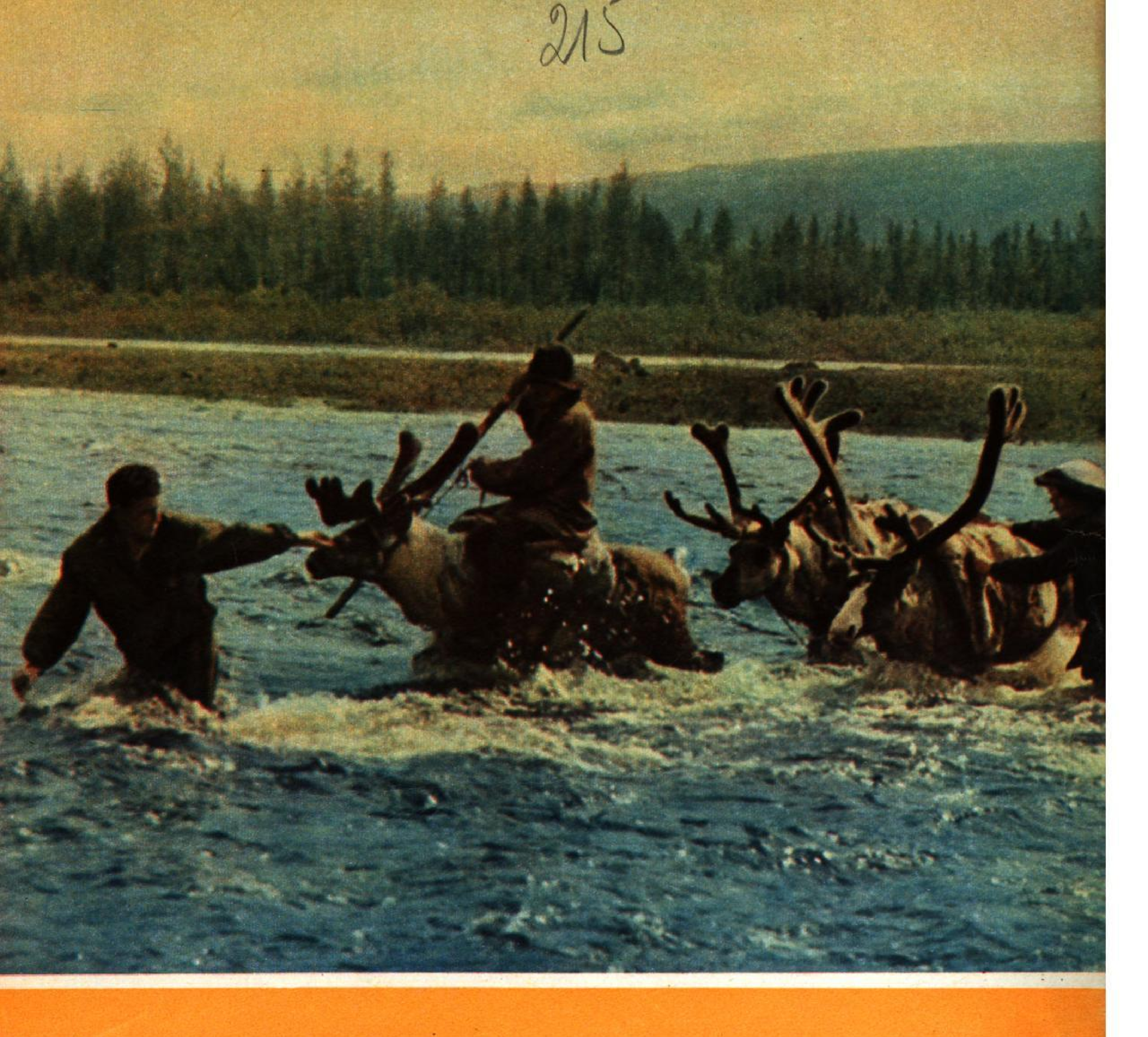
1. Компас. 2. Глиссер. 3. Штабель. 4. Газета. 7. Рапорт. 8. Пропан. 11. Абрикосов. 13. Косметика. 15. Бальзак. 17. Закон. 18. Лайка. 20. Войлок. 21. Боргес. 24. Барабан. 25. Алябьев. 27. Амгунь. 28. Высоцк.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00797. Подписано к печати 18/XI 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 882 500. Изд. № 2074. Заказ № 3058.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

На последней странице обложки: Нелегок труд геологов в эвенкийской тайге. Фото О. Кнорринга.

Василий ЛЕДКОВ

ОЛЕНИ

Бескрайняя равнина.
Надежные снега.
Стекает с гор лавина:
Рога, рога, рога...

Горячий пар дыханья:
Притронешься —
сгоришь.
Сплошное колыханье:
Идет большой аргиш.

И, как вершитель чуда,
На нарте на своей
Приземист, вроде чума,
Расселся ясавэй [1].

Он зорко и небрежно
Сужает черный глаз.
Ведет он к побережью
Аргиш в последний раз.

Дорога поколений
Проторена давно.
В лесу рогов оленьих
Темно, темно, темно.

Но там, в ночи,
где россыпь
Мерцающих огней,
Поселок, как подросток,
Зовет:
— Сюда, ко мне!

И, озабочен чем-то,
Глядит из-под бровей
Последнего кочевья
Последний ясавэй.

Перевела с ненецкого
Майя БОРИСОВА.

[1] Проводник.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663